

ПЕСНИ
РУССКИХ РАБОЧИХ

ПЕСНИ
РУССКИХ
РАБОЧИХ

СОВЕТСКАЯ
ПРОСА

Советской
прозы

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ПЕСНИ РУССКИХ РАБОЧИХ (XVIII—НАЧАЛО XX ВЕКА)

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. И. Нутрихина*

Песни рабочих, по словам Маркса, — это «смелый клич борьбы, где... пролетариат сразу же с разительной определенностью, резко, без церемоний и властно заявляет во всеуслышание, что он противостоит обществу частной собственности». Настоящий сборник представляет собой первый опыт специального издания песен и стихотворений рабочих России, являющихся своеобразной поэтической летописью борьбы русского пролетариата. В основном сюда вошло коллективное творчество широкой фабрично-заводской массы, но включены также и те авторские произведения, в том числе видных пролетарских поэтов, которые стали любимыми песнями рабочих, неотъемлемой частью их поэзии («Интернационал», «Марсельеза», «Варшавянка» и проч.). При составлении сборника были использованы не только ранее публиковавшиеся материалы, но и ряд новых текстов, обнаруженных в различных архивах, в частности изъятые жандармами при обысках и арестах. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся русской поэзией, а также на специалистов по русской литературе и фольклору.

ПЕСНИ РУССКИХ РАБОЧИХ

Среди многочисленных исторических памятников и свидетельств героического прошлого русских рабочих видное место занимают их песни — своеобразная поэтическая летопись борьбы и протеста.

В годы массового освободительного движения, развернувшегося в России с середины 90-х годов прошлого столетия, социал-демократы, наряду с прочими агитационными средствами — нелегальными газетами, журналами, прокламациями, листовками, стали широко использовать и песни. Старый большевик П. Н. Лепешинский писал позднее: «Мы как-то сразу почувствовали, что молодому пролетарскому движению в России не хватает соответствующих вокальных источников возбуждения его революционной энергии». ¹ И такие песни появились. Их слагали поэты социал-демократы в тюремных застенках и рабочие у станков. Песни пели на маевках, тайных сходках, иногда прямо на улицах заводских окраин и поселков.

В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает, что В. И. Ленин высоко ценил и любил поэзию рабочих: «Владимир Ильич особенно внимательным образом всегда относился к творчеству народных поэтов. Он любил слушать, когда они вдохновенно выступали в рабочих кварталах Парижа и других городов... Сам Владимир Ильич очень любил революционное пение, принимал в нем всегда участие, читал новые революционные стихотворения и быстро запоминал те из них, которые были особенно популярны, которые перелажались на музыку и пелись в ссылке, на рабочих собраниях, в эмиграции». ²

---

¹ П. Н. Лепешинский. Старые революционные песни. — «Огонек», 1927, № 32 (228).

² В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии. — Н. П. Андреев. Русский фольклор. М.—Л., 1938, стр. 29.

Репертуар русской рабочей песни обширен. Он включает всенародно известные гимны и марши, такие, как «Смело, товарищи, в ногу...», «Варшавянка», «Интернационал», сатирические песни «Нагаечка», «Зимушка», множество песен о заводчиках, жандармах, полах и т. д. Перекладывались на песенный лад и произведения некоторых поэтов (например, И. Сурикова, Дм. Цензоря, О. Чюминой, М. Конопницкой). Таким образом, песенный репертуар рабочих неоднороден, в него наряду с действительно рабочим творчеством входят и авторские произведения, ставшие неотъемлемой частью пролетарской песенной поэзии.

Советские исследователи народной поэзии, фольклористы и историки литературы немало сделали для собирания и изучения песен русского пролетариата. В 1930-х годах собиратели рабочего фольклора записали от производственников Москвы, Ленинграда, Свердловска, Тулы, Иванова, Ярославля, Петрозаводска и иных городов и поселков нашей страны много песен и стихотворений, сложенных в дооктябрьское время. Собранный материал частично публиковался в периодической печати, в сборниках революционной поэзии. Однако сколько-нибудь полного издания русских рабочих песен пока нет. В известной мере повлиял на это неправильный подход к рабочему фольклору. Обладая иной раз скромными художественными достоинствами, песни рабочих проникнуты таким горячим гражданским пафосом, что не могут оставить нас равнодушными. Лучшие же произведения заводских поэтов отличаются образностью, точностью и простотой. Несмотря на тяжелые условия формирования, целая плеяда рабочих талантов вошла в большую литературу. Широкую известность получили имена Е. Нечаева, А. Богданова, А. Гмырева, Ф. Шкулева, А. Благова, А. Маширова, И. Садофьева.

Идейное содержание рабочей поэзии изучено сравнительно полно.¹ Значительно меньше занимались ее художественной формой. Однако уже сейчас можно определить в общих чертах специфическое отличие рабочих песен от традиционных крестьянских. В рабочей поэзии наблюдался переход от коллективного творчества к индивидуальному. Авторское начало выступало здесь чаще и ярче. В зависимости от идейной зрелости, степени талантливости, общей культуры находилось и качество того или иного произведения. Разумеется, сказанное относится к зрелому периоду существования

---

¹ См. работы В. П. Бирюкова, А. Л. Дымшица, В. Я. Проппа, В. К. Соколовой, П. Г. Ширяевой, В. И. Чичерова и других исследователей.

рабочих песен, к периоду массового пролетарского движения в России.

Наибольшего развития русская рабочая песня достигла ко времени Великой Октябрьской социалистической революции. Однако и тогда фабрично-заводская, пролетарская поэзия еще не представляла художественно единого явления. Рабочие песни слагались и как литературные, и как устно-поэтические произведения. Отдельные их группы и жанры обладали хотя и угасавшими, но ясно выраженными фольклорными признаками.

1

Песни русского пролетариата имеют сравнительно короткую историю.

Ранние образцы фабрично-заводской поэзии, дошедшие до нас, относятся к XVIII столетию. Они были сложены в период, когда в русском национальном государстве ускоренными темпами стала развиваться промышленность. Росли города. Один за другим строились заводы в центральных районах страны, на Урале и Алтае, повсеместно — мануфактуры, на неских берегах поднималась северная столица Санкт-Петербург. Это не могло не отразиться в крестьянской поэзии первой половины XVIII века. Так, крестьянская песня «Поутру то было раным-рано...» запечатлела уход партии сельчан на строительство Ладожского канала. Характерен ее традиционный зачин:

На заре то было на утренней,
На восходе красного солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озер подымались...

В далекую дорогу, на «государеву работу» собираются крестьяне. Немалые испытания предстоят им. Любой может не вернуться к родному порогу. Уходящих провожают как рекрутов: вслед за ними за околицу идут родители, жены, дети. Образ беззащитных птиц, летящих в далекие земли, определяет основной лейтмотив песни.

Отголоском переживаний и дум русского «рабочего люда», трудившегося над постройкой первых судов Балтийского флота, служит песня «Как на матушке на Неве-реке...», в которой говорится о работе на петровской верфи.

Обе названные песни еще не несут в себе ничего специфически рабочего.

Однако песни рабочих-мануфактурщиков, дошедшие до нас в подлинных записях XVIII века («Ярославль, наш батюшка...», «Близко, близко городочка...» и др.), уже отличаются от традиционного устно-поэтического творчества. Крестьянин, приходивший на фабрику, правда, приносил с собой сложившийся мир представлений, привычек, образов, свою речь, песни, пословицы и прибаутки. Но иной жизненный уклад порождал свежие мысли и чувства.

В частушках, например, рабочих Котлинского пушечного завода (построен в 1779 году) звучат характерные и для последующей рабочей песни мотивы:

Расскажи, хрещеный люд,
Отчего здесь люди мрут.
С Покрова до Покрову
На проклятом острову.

Те же чувства выражала и поэзия мастеровых, трудившихся на мануфактурах, сосредоточенных главным образом в центральных районах России.

Постепенно в песнях «рабочих людей» появляются новые художественные черты, — например, отказ от обобщенной, условной обстановки действия, замена ее все более реальной и типичной. Все большее место занимает изображение самого фабричного производства. Создатели песен запечатлели характерные картины полуручного-полумеханизированного труда на мануфактуре: «сукна ткут во двенадцать рук», «руками челнок бросают, ногами штуки поднимают», «ткут платки-салфетки на разные клетки».

В устной фабричной поэзии появился также новый, по сравнению с крестьянским фольклором, тип труженика. Ее герой более независим, наделен чувством профессиональной и национальной гордости. Фабричные ребята поют о себе:

...Ковры, или салфетки,
Иль скатерть-коломенки —
Это всё уж нам ничто,
Хоть заморский приедь кто.
Шелка ткут, ковры французски
Всё ребята наши русски.

Они «важеваты». Их «писать учат мастера». Грамоте на мануфактурах обучали далеко не всех, но сам факт обучения поражал воображение, и песня упоминала о нем.

Типичным образцом ранней фабричной поэзии является песня «Близко, близко городочка...». Некоторые исследователи без достаточных оснований относили ее к мещанскому фольклору. Правда, «удалые молодцы», «мастера» изображены в ней на гулянье, но сцены гульбы, веселого досуга в поэзии «мануфактур» довольно часты. Кроме того, в ранней поэзии мануфактур, как и в крестьянских песнях о фабрике, иногда проступала идеализация вольготной жизни в городе:

У нас в Москве ребята хороши,
Кафтаны абрикосовы пошили,
А шапочки алы бархатные,
А пояски шелковые.

Подобные ноты, правда, не очень характерны. Рабочим на фабрике приходилось нелегко, и это засвидетельствовано их песнями. Так, например, в песне «Вы леса ль мои, лесочки...», возникшей в конце XVIII — начале XIX века, рассказывается о волнениях на фабрике купцов Грачевых и Карнауховых в Иванове. Герои ее сетуют и плачутся на низкие заработки, плохое сырье, невыносимую обстановку, в которой приходится трудиться. В ответ обеспокоенный хозяин обещает:

Вы не плачьте-ка, молодчики, мѳлодцы фабричные!
Я поставлю вам, ребятушки, две светлицы новые,
Станы самолетные, основы суровые.
Нанесу я вам, ребятушки, ценушку высокую,
Ценушку высокую, салфетки по рублику.

Более острыми были песни горнозаводских рабочих. Горная промышленность, частная и государственная, основывалась на крепостной организации труда. На казенных заводах «рабочие люди» находились на военном положении. Повиновение поддерживалось шпицрутенами, кнутом, розгами и кулаками. Рабочий день длился 12—14 часов, трудились в две смены: дневную и ночную.

Каторжный быт горняков правдиво и широко запечатлен в известной алтайской песне «О, се горные работы!..» — редком памятнике ранней горнозаводской поэзии. Единого мнения о времени возникновения этой песни нет. Однако содержание и стиль произведения позволяют отнести его к концу XVIII — началу XIX века.

Детально и правдиво рисуя картину работ на горном заводе, песня останавливает внимание на каторжном характере труда ра-

бочих. Начало работ воспринимается как неизбежное страдание: «По фонталам воду пустят, наше сердце приопустят», «Наши горные работы всем чертям дают заботы».

Рабочих подвергают жестоким телесным наказаниям («Бита Мушиха кнутом», «Не успеешь, значит, лечь, как валится кожа с плеч»). Конец одного из вариантов песни звучит вызывающе:

Мы по улице пойдем,
Громко песни запоем,
Как начальство любит нас,
Как начальство дует нас.

Песен о горных заводах сохранилось немало. До нас дошел целый ряд произведений, сложенных в крепостную эпоху на Урале и Алтае. В целом устная поэзия горных заводов дает развернутые картины тяжелого подневольного труда. Как и антикрепостническая лирика барщинных крестьян и творчество рабочих мануфактур, поэзия горняков доносит до нас стихийный протест угнетенных масс, их стремление к свободе, столь отчетливо проявлявшееся в темах побега с завода, расправы с ненавистными подрядчиками и мастерами, в излюбленных образах «вольных людей», восстававших против гнета помещиков, заводчиков и царских властей.

Творчество первых рабочих поэтов еще не выделялось по своему идейному звучанию из всей поэзии закрепощенного народа. Но рабочая поэзия постепенно накапливала качества, которые в будущем сделали ее самостоятельным видом народной поэзии. В ней все громче звучит тема поправанного человеческого достоинства.

Песенное творчество «рабочих людей» начинало новую линию развития русской песни, являясь предысторией поэзии пролетариата.

30—50-е годы прошлого века ознаменовались особенно быстрым развитием в русском фольклоре фабрично-заводского творчества. Капитализм наступал. Рост промышленности неизбежно порождал конкуренцию. Эксплуатация рабочих становилась все более жестокой. Это сказалось и в песнях. Известная идеализация фабричной жизни, имевшая место в творчестве «рабочих людей», сменяется теперь трезвой реалистичностью, горькой иронией. О «бархатных» нарядах мастеровых песни уже не упоминают, теперь фабричные «носят ситцевы рубашки об семьдесят заплат», на них «синие халаты, подпоясаны ремнем».

К середине XIX столетия все чаще возникают произведения о нелегкой доле работниц, труд которых, наряду с детским, нахо-

дит широкое применение на капиталистических предприятиях. Образцом может служить песня, сложенная на фабрике кунца Каулина, — «Как у нас-то на Томаке на реке...». В ней женщины жалуются на усталость и просят окончить работу:

Ты, Ляксе́й да Ива́нович,
Не пора ли шабашу давать.
Шабашу давать, по улице гулять?
Наши ручки передергались
И головки примотались,
Наши ножки приходились,
Наши глазки пригляделись.

«Чудесная» фабрика несла несчастья и беды. Все чаще в песнях встречаются упоминания о том, что «во мотыль рука попала, белу ручку оторвало» или — «у машинки я стоял, усе пальцы оборвал».

По песням можно проследить и пролетаризацию крестьянства. Так, широкой известностью пользовалась в Петербургской и других губерниях песня «Не последний был красильщик...», дошедшая в большом количестве вариантов. Тема разрыва с деревней воплощена в ней наиболее полно. Герой песни — фабричный. Он живет в городе и стал довольно искусным мастеровым:

Не последний был красильщик,
Я на фабрике живал...
Разны ситцы набивал.

Заработок мастерового мал. Его не хватает и на уплату оброка. Фабрика выматывает силы «отходника», его тянет к земле. Не выдержав, герой песни берет расчет. В деревню он приходит «весь оборванный, худой, словно жулик площадной». Без радости встречают его родные. Ведь его приход лишил их надежды получать из Питера хоть какую-нибудь денежную помощь.

Поживи-ка ты в деревне,
Похлебай-ка кислых щей,
Поноси худых лаптей...

Жизнь в городе кажется им завидной, труд на заводе — более легким, чем тяжелая крестьянская работа. Мастерового будят на заре:

Вставай, питерска натура,
Питербургский чистячок!

Песня лаконична. В ней нет детального повествования о лишениях вернувшегося домой фабричного. Герой просто подводит итог:

... Меня голод прохватил,
Всё — домой я покатил...
Оглянулся на деревню
И махнул только рукой.
Слезы вытер, еду в Питер,
А надежды никакой.

2

Крепостничество пало. Крестьянские бунты перекачивались по России. В условиях борьбы крестьянства за землю и общественного подъема неизмеримо возросло значение демократической пропаганды. Важную роль в этом деле играли и революционные песни. В 1861 году Н. Огарев издает в Лондоне сборник «Русская потаенная литература», в который наряду с запрещенными стихотворениями вошли и песни. В 1863 году в Берне был напечатан сборник «Свободные русские песни», по образцу которого выпускали последующие нелегальные песенники.¹ Пение становится неотъемлемой частью подпольных сходок. Острое политическое содержание, простые слова, выразительная мелодия волновали слушателей. Н. А. Морозов вспоминал позднее: «Хорошее пение всегда действовало на меня чрезвычайно сильно, особенно когда песня была «идейная», с призывом на борьбу за свет и свободу».²

Весь свой пропагандистский пафос разночинцы обращали к крестьянству. Поэтому их агитационные песни «Камаринская», «Долго нас помещики душили...», «Дубинушка» и другие были рассчитаны на деревню. Однако сельские массы еще находились в плену царистских иллюзий. Песни, разоблачавшие самодержавие, не получили в то время сколько-нибудь широкого распространения. Зато их все чаще можно было услышать в передовой рабочей среде.

В рабочий репертуар в этот период вошли и такие песни, как

---

¹ См. «Вольный песенник», Женева, 1869; «Лютня», Лейпциг, 1869; «Вольный русский песенник», сост. С. Нечаев, 1870; «Сборник новых песен и стихотворений», 1873; «Из-за решетки», 1877; «Песни труда», сост. Г. В. Плеханов, Женева, 1885.

² Н. Морозов. В начале жизни. — «Русское богатство», 1906, № 5, стр. 50.

«Ночь темна, лови минуты...» (Н. Огарева); «По пыльной дороге...»; «Слушай!» (И. Гольц-Миллера); «Спускается солнце за степи...» (А. Толстого); «Не слышно шуму городского...» (Ф. Глинки); «Нелюдимо наше море...» (Н. Языкова) и другие.

Эпоха героической борьбы народников с самодержавием обусловила появление на свет замечательных траурных маршей «Замучен тяжелой неволей...» (Г. Мачтета) и «Вы жертвою пали...» (А. Архангельского), ставших со временем любимыми песнями рабочих. Однако тогда их знал лишь небольшой круг революционеров и радикально настроенных студентов. Подлинно массовыми эти песни стали позднее.

Народники не поняли исторической роли пролетариата. Прошли они и мимо его песен. А между тем период 60—90-х годов прошлого столетия был временем возникновения рабочей песни в истинном значении этого понятия. Ее эволюция тесно связана с общим развитием рабочего сознания, с ростом пролетариата, с усилением его организованности и сплоченности.

Жизнь пролетариев капиталистической России в эти годы ярко изображают шахтерские песни. Типичным образцом горняцкой поэзии того времени является известная песня о Грушевском руднике («На Донской земле привольной...»), дошедшая до нас в нескольких вариантах и весьма интересная в художественном отношении. Определения в ней даны краткие, зримые:

Подхожу я к ламповой,
Там народ стоит толпой,
Весь оборванный, худой...
Зубы ясны, глаза красны,
А рубашки как смола.

Невольно вспоминается превосходная картина Е. Касаткина «Углекопы. Смена», на которой изображены горняки в жалком рубище, покрытые густым черным слоем угольной пыли, только блестит полоска зубов и горят воспаленные глаза. «Это почти сплошь люди с бледными лицами землистого тона, с глубоко въевшейся в поры кожи угольной пылью, с синими кругами вокруг глаз, — писал исследователь Донецкого бассейна Л. Либерман, — вечно хрипящие, кашляющие и сплевывающие густую, вязкую, как уголь черную мокроту». ¹

---

¹ Л. Либерман. В угольном царстве. Очерк условий труда, быта и развития промышленности в Донецком бассейне. М., 1924, стр. 50.

«Ямы» и «норы» — так называет песня жилища горняков. «У хорошего помещика скот помещался лучше, чем несчастные шахтеры, жившие в землянках», — подтверждает историк П. И. Фомин.¹ Многочисленные пореформенные горняцкие песни — это сплошной стон и гневные сетования на тяжелую долю.

Не лучшим было положение рабочих и в других отраслях промышленности. Однажды, обходя одну из ивановских фабрик, писатель-семидесятник Ф. Н. Нефедов обратил внимание на мальчиков, напряженно работавших при сушильных барабанах и на вешалах. Нефедов спросил сопровождавшего его фабриканта, как складывается их дальнейшая судьба. Тот, подумав, отвечал:

«— Бог знает куда они у нас деваются, мы уж как-то их не видим после.

— Как не видите!..

— Да так, высыхают они.

Я принял это выражение за чистую метафору, — пишет автор, — и переспросил:

— Вы хотите сказать, что впоследствии они переменяют род своих занятий, или они перейдут на другую фабрику?

— Нет, просто высыхают, совсем высыхают! — отвечал серьезно фабрикант». ²

Народник С. С. Синегуб, посетивший в 70-х годах одну из ткацких фабрик, писал о ней: «Боже мой! Какой это ад!.. Воздух невозможный: жар и духота, вонь от людского пота и масла... Я пробыл на фабрике не более двух часов и вышел оттуда очумелый и с головной болью». ³ Придя домой, поэт написал стихотворение «Дума ткача»:

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопка,
Маслом прогорклым воняет удушливо —
Да, жизнь ткача нелегка...

Стихотворение вскоре проникло в рабочую среду. На основе его сложили песню, которая разошлась по всей России («Мучит, терзает головушку бедную...», «Грохот машин, духота нестерпи-

¹ П. И. Фомин. Горная и горнозаводская промышленность юга России, т. 1. Харьков, 1915, стр. 344.

² Ф. Нефедов. На текстильных фабриках в 70-е годы. М., 1931, стр. 34.

³ Цит. по работе М. Друскина «Революционные песни 1905 года». Л., 1936, стр. 21.

мая...»). Аналогичной была судьба стихотворения Д. А. Клеменца «Дума кузнеца».

Передовые пролетарии сознательно пропагандировали лучшие песни народников. П. А. Моисеенко, работавший в 1877 году на Новой бумагопрядильной фабрике, вспоминает: «Завели хор... Ставили революционные песни «Долго нас помещики душили...» и «Свободушка», напев «Лучинушки». Эффект был поразительный».¹

Текст одной из первых рабочих революционных песен был напечатан в 1876 году в народнической газете «Вперед». В стихотворении неизвестного рабочего «Не трава в степи колышется...» говорилось:

Так восстань же, сила мощная,
Против рабства и оков!
Суд чини, расправу грозную:
Зуб за зуб и кровь за кровь.

Этот призыв слышится и в известной песне «Ткачи», сложенной рабочими-революционерами П. Моисеенко и С. Штрипаном. После забастовки 1878 года на Новой бумагопрядильной фабрике ряд ее участников арестовали, в их числе были Моисеенко и Штрипан. В тюрьме они сложили свою песню, в которой рассказали о забастовке. Тогда же П. Моисеенко написал вторую песню — «Я хочу вам рассказать...», разоблачавшую не только капиталистов, но и попов, полицию, министров, самого царя.

Клич организованной борьбы с самодержавием в 70—80-х годах звучал лишь в произведениях еще немногочисленных передовых представителей рабочего класса. Слабость социальной тематики рабочего фольклора этого времени заключается именно в отсутствии широких политических обобщений.

По форме песня становилась все более разнообразной, гибкой. Малозаметные, на первый взгляд, но интересные изменения произошли в поэтике песен еще в конце XVIII — начале XIX столетий. Уже тогда традиционная условно-символическая система образов не вмещала картин новой действительности. В песни все чаще вторгалась новая производственная лексика: завод, фабрика, контора, корпус, машины, подрядчики, обер-штейгер, мастер, шлихтовальщики, ткачи, рудобойные молотки, протыкальник, шпурик, болоток; военная: офицеры, казарма, гарнизон, госпиталь, конвой; бытовая: компания, школьные, манерные девцы, чай, ситец.

---

¹ «Воспоминания П. А. Моисеенко». М., 1924, стр. 14.

Вторжение новой лексики непрерывно продолжалось на протяжении всего XIX века, а во второй половине его в песни все чаще стали проникать новые слова, связанные с борьбой рабочего класса: борцы, тюремный замок, каторга, забастовка, жандармы, рабство, свобода, эшафот и т. д.

Вместе с тем влияние крестьянской традиционной лирики еще весьма ощутимо. И, в частности, в лексике, в обилии ласкательных и уменьшительных суффиксов у существительных (горюшко, ручушки, глазушки, работушка, зимушка, голосочек, будилочка, зверочки, лесочки, лужочки и т. д.). Еще встречаются даже краткие прилагательные (бела ручка, стальны ключики, чисто полюшко, худя долюшка).

Менялась не только лексика. Иным становился весь поэтический строй рабочих песен. В ранней рабочей поэзии встречались и правильные литературные размеры. Например, известная песня горняков «О, се горные работы!..» написана правильным четырехстопным ямбом. Очевидно, ее автор был грамотен и хорошо знаком с литературными песенными образцами своего времени.

Во второй половине XIX века еще заметнее в творчестве немногочисленных передовых пролетариев прослеживается стремление овладеть литературной формой, чему немало способствовало проникновение в фабрично-заводскую среду революционно-демократической литературы. Например, прокурор петербургской судебной палаты в своем заключении по делу о распространении «преступной пропаганды» среди рабочих Сестрорецкого оружейного завода между прочим писал: «Поступили на работу в слесарный цех трое молодых людей, занимающихся распространением запрещенных изданий в среде заводских рабочих». Одним из упомянутых «молодых людей» был девятнадцатилетний Николай Майков; автор ряда антиправительственных песен и стихотворений. Произведения Майкова и его товарищей относятся к индивидуальному авторскому творчеству. Таковы, например, и стихи другого рабочего поэта — Н. Васильева, также привлекавшегося за распространение нелегальных сочинений:

Поет мое сердце,
Глядя на отчизну,
Глядя на несчастных
Земляков-рабов.
Долго ль, еще долго ль
Время золотое
Не придет в Россию,
Матушку родную.

Правдиво рисуя капиталистическое производство, песенная поэзия рабочих этого времени тяготеет к «повествовательности», подробному описанию завода, фабрики, цеха, вроде:

Корпус длинный, полверсты,
Во стенах связи толсты,
А внутри паровики,
Там шуруют мужики.
Они день и ночь шуруют,
Во котлах вода кипит,
Колесо паром вертит...

Позже изображение производства станет еще более конкретным. Но и в рассматриваемое время песня стремится к возможно более точной передаче заводской, фабричной или рудничной обстановки. Складывались песни обычно об отдельном конкретном предприятии («У Лафузова на фабрике...», «Новая фабричка Каулина купца...», «Как на Маре на реке...», «У Брюханова в заводе...», «Как рабочие Голубкова...»). Герои песен — рабочие одного завода, одной профессии.

Большинство песен этого времени, продолжавших развиваться на народной песенной основе, уже зарифмовывается, правда, рифмовка чаще всего наиболее простая — парная:

Стоит сахарный завод,
Да всё разный народ.
Три дня праздничка ждали,
Да всё праздновали;
Выходили на лужок,
Становилися в кружок...

Шахтер в клеточку садится,
С белым светом распротится:
«Прощай, прощай, белый свет,
Тебя увижу али нет.
Прощай, ясная заря,
Прощай, милочка моя...»

3

С начала 900-х годов в стране назревает революционный кризис. По городам России прокатывается мощная волна стачек и забастовок. В это время крепнет и рабочая песенная поэзия. Чтобы разобраться в ее многообразии в этот период, целесообразно вы-

делить три большие жанровые группы: лиро-эпическую, сатирическую и гимническую.

Лиро-эпический жанр охватывает большой круг произведений о дореволюционном рабочем быте. В 1905—1907 годах в их содержании усилились героические ноты, обусловленные открытой вооруженной борьбой рабочего класса со своими угнетателями.

Конкретная, способная передавать психологические переживания героев лиро-эпическая песня объединила функции традиционных лирического и исторического жанров. В этом плане она — предшественница современных советских песен, которые, по определению В. Я. Проппа, «могут быть названы не только эпическими и лирическими, но и историческими в полном смысле слова». ¹

Качественно новое явление, лиро-эпическая рабочая песня этого периода в то же время тесно связана с более ранней фабрично-заводской песенной поэзией. Среди произведений этого жанра в конце 90-х — начале 900-х годов обширную группу образуют те, в которых продолжены вековые мотивы горя и страдания. «В фабричных песенках нет бодрых настроений, — писал один из собирателей уральского фольклора, — в них сквозит тяжелое сознание невозможности изменить невыносимый порядок вещей...». ² Примером могут быть записи вроде следующей:

Посмотрю на своо сына:
Сердце оборвется.
Та же горькая судьбина
Ему достается.

«В первые годы моей работы, — вспоминает старый большевик Ф. Н. Самойлов, — проявление классового самосознания рабочих было крайне слабым. Люди ежедневно с утра до ночи терпеливо работали, жили в тяжелой нужде и не выражали почти никаких признаков протеста или недовольства». ³

«Получил пятак — иди в кабак», — с горечью шутили московские рабочие, о невеселой жизни которых говорилось не только в песнях, но и в пословицах, поговорках, присказках, вроде: «Живем да хлеб жуем», «Щи — хоть тряпье полощи», «Крупинка за крупинкой бегаёт с дубинкой», «Рабочий давно на харч в аду зачислен»,

---

¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 519.

² Г. Белорецкий. Заводская поэзия. — «Русское богатство», 1902, № 12, стр. 42.

³ Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. М., 1954, стр. 37.

«На заводе ад, а кругом — смрад». ¹ Сохранившиеся песни рассказывают невеселую правду о жизни рабочих окраин. Покосившиеся хибары, огороды, пустыри, мусорные свалки. . .

В 1894 году на «Треугольнике» впервые услышали песню «Последняя рубашонка», которая впоследствии всем полюбилась. Сложил ее свой, заводский поэт И. Д. Волков. В ней говорилось:

Последнюю рубашонку
У вальцов трепали.
По двенадцати часов
Отдыха не знали. . .

Волков — один из немногих создателей рабочих песен, имена которых известны. Судьба этого поэта-самородка, так и не поднявшегося до большой литературы, типична. Он родился в 1867 году в крестьянской семье. С девяти лет пас скот, вил веревки у кабатчика. Затем подростка посылают в Петербург на заработки. Здесь он — «мальчик на побегушках» при кладовых Калашниковской пристани, а с семнадцати — грузчик в порту, летом — возчик, резинщик и т. д. Волков пробовал свои силы в разных видах поэзии: писал песни, стихи, басни, сказки, поэмы. Вначале поэт не поднимался выше традиционных фабричных мотивов, слагая невеселые вирши, вроде:

Время некуда девать,
Никакой отрады,
Не дано просвета знать,
Значит, выпить надо.

Впоследствии, в 1905 году, творчество И. Д. Волкова стало иным. Оно зазвучало по-боевому. Активный забастовщик, он был дважды арестован и в 1911 году выслан из Петербурга, как неблагонадежный.

Рабочие «Треугольника» охотно распевали сложенные Волковым песни. Большой успех имела его песенка об одном из ненавистных мастеров, по кличке «Паровоз», который:

. . . Не брал громадных взяток,
Был доволен небольшим:

---

¹ А. П. Пруссак. Массовая поэзия рабочих Москвы и Подмосквья. — Русский фольклор. Материалы и исследования. Вып. 5. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 419.

Кто принес яиц десяток,
Того ставил он старшим.

А кто хочет прибавленья
Получить побольше в год, —
Пусть приходит в воскресенье
К нему чистить огород. . .

Особенно печально звучали женские песни этого времени. Их настроение передает «Фабричная колыбельная». В ней мать выплакивает горе над колыбелью сына:

Вот такая моя жизнь,
Хоть живая в гроб ложись.
Я б живая в гроб легла,
Только бросить жаль тебя. . .

Столь же безрадостна песня охтинских работниц «Кто на Охте не жывал. . .» и многие другие. Сплошь и рядом, особенно в период подъема движения, эти мотивы переплетаются с протестом и обличением виновников бедствий трудового люда. Так, в «Сормовской песне про бенардаковский завод» дана гневная характеристика чинов заводской администрации. В уральской песне «На Нижнетагильском заводе. . .», где нарисована мрачная фигура жестокого артельщика Волгина, центральное место занимает ранее не встречавшийся образ, — образ рабочего агитатора. Не страшась заводчика Демидова и казаков, он произносит зажигающую речь:

Товарищи, братья родные,
Довольно вам спины ломать
За то, чтоб хозяевам-чертям
На ваших трудах отдыхать.
Прошло то несчастное время,
Павлухе не век управлять,
Мы сами добьемся управы
И не станем на бар работаты!

Выступление от имени коллектива, употребление самого обращения «товарищи» говорит о растущей пролетарской солидарности. Отныне слово «мы» звучит все чаще. Все чаще поется не о выступлениях отважных одиночек, а о массовых действиях против предпринимателей.

Неизгладимый след в рабочем движении оставила героическая Обуховская оборона. О ней поется в питерской песне «По теченью

невских вод...». Начало ее характерно для многих песен этого времени. В нем точно указывается место и время действия:

По течению невых вод
Стоит Обуховский завод...
В девятьсот первом году,
В мае месяце тогда
Там случилась беда...

Затем следует описание стремительного развития событий:

Сбунтовался весь народ,
Свистки грустно возвестили,
Что работу прекратили.
И матросов к нам прислали.
И стрелять им приказали...

Команда, присланная для разгона забастовщиков, дала залп боевыми патронами. Многие были убиты. Второй раз заколебавшиеся матросы выстрелили в воздух. Надеяться на них администрация уже не могла. Были вызваны жандармские части.

...Нас забрали, замели
И в пересыльную свезли.

Там, в одиночке, автор, видимо, и сложил свою песню. Он подробно передает злоключения арестованных, детально описывает тюремную обстановку. В его спокойном повествовании не чувствуется ни страха, ни раскаяния.

Оптимизм, уверенность в близких переменах, жажда борьбы — мотивы, характерные для поэзии передовых рабочих перед пятым годом. В творчестве пролетариев, связанных с социал-демократами, они выступали определенно и ясно, в песнях массы — смутно и бегло, но также присутствовали.

В жандармском архиве найдена песня «Над трубою дым клубится...». Автор подписался под текстом: «Светлов, рабочий при генераторе в мартеновском цехе» — и сделал приписку: «Из жизни рабочих-путиловцев». С одной стороны, песня повторяет старые темы нужды и горя:

Грусть-тоска его заела,
Злая доля одолела...
Чаю денег нет купить,
Погулять не в чем сходить.

Дети тоже голодают,
Рвань-одежду одевают.
Нянчить некому их тут,
Их и в школу не берут...

Однако сложенная в предреволюционную эпоху «Песенка» не могла не запечатлеть и свежие настроения. Путиловец верит: «Скоро всё проснется». Будущее представлялось ему, правда, туманно, но он уверен, что дети будут жить лучше. И хотя автор еще намерен просить прав, а не требовать их, все же песня отражает эволюцию рабочего сознания.

Волна стачек ширилась и росла. В упорной борьбе выковывался рабочий-борец. Его закаляло участие в забастовках, аресты, побег. «Среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — писал В. И. Ленин, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, „рабочую интеллигенцию“». ¹

Новый герой — рабочий социал-демократ — прочно становится в центре пролетарской песенной поэзии. Не обездоленный горемыка-фабричный, а революционер, готовый до конца сражаться за дело рабочего класса, — вот основной образ пролетарской поэзии накануне революции.

Настроения недовольства и протеста проявились прежде всего в антивоенных рабочих песнях во время русско-японской войны. Старый питерский рабочий А. М. Филиппов рассказывает об исполнении очень острой в политическом отношении песни «Братцы, гонят нас далеко...», в которой, например, есть и такие строки:

Распостылое начальство
С жиру бесится, а мы
Отвечай за их бахвальство,
Подставляй под пули лбы!

Как известно, окончательный удар по патриархальной вере масс в царя нанесло «кровавое воскресенье». Накануне 9 января великий князь Владимир Александрович цинично сказал: «Надо открыть жилы России и сделать ей небольшое кровопускание».

Царизм хотел запугать поднимавшийся пролетариат, но вызвал бурю. Весть о расстреле в Петербурге облетела все заводы России.

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 4, стр. 258.

О 9 января сложили песни, гневные и смелые. Среди них особенно известной была «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом...». История ее создания обычна. Неизвестный автор сложил стихотворение о преступлении Николая Кровавого. Потом рабочие подобрали к тексту мотив, и песня зазвучала повсюду. Стихотворение имело двадцать одно четверостишие. Песня намного короче. Но основное — картина расстрела на Дворцовой площади — сохранилось во всех вариантах:

Мы мирно стояли пред Зимним дворцом,
Царя с нетерпением ждали,
Как вдруг между нами и царским крыльцом
На ружьях штыки заблестали...

Так тихо... Так жутко... Вдруг слышится: «Пли!»
Опомниться мы не успели.
Свалились уж многие на снег в крови,
За залпами ж залпы гремели.

Контрастны образы песни, резок и драматичен переход от спокойного ожидания, от веры в царя к проклятиям по его адресу. Раскрывая смысл событий 9 января, В. И. Ленин писал: «Первый день русской революции с поразительной силой поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата». ¹ Эти слова целиком совпадают с народной оценкой «кровавого воскресенья»: проклятье царизму и призыв к мщению пронизывают все рабочие песни о 9 января.

Как только весть о событиях в Петербурге долетела до Москвы, московские рабочие гневно откликнулись на преступление царизма. Возникли и песенные отклики на 9 января. Была сложена «Песнь о 9 января». Впервые ее пели в Сокольниках (на мотив «Дубинушки»):

Спой нам песню, бунтарь, про девятый январь,
Про морозные, грозные ночи,
Когда царь Николай расстрелять приказал
Петербургских голодных рабочих...

Подобные песни рождались по всей стране. В них нашли отражение и бои рабочих с царскими войсками, происходившими в течение пятого года в разных городах России.

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 8, стр. 91.

Особенного накала борьба рабочих с самодержавием достигла в Москве в декабре 1905 года. О декабрьском вооруженном восстании сохранился целый ряд песен. Среди них пользовались известностью «Притаилась тревожно столица...», «Как у наших ворот...», «Шумел, горел пожар на Пресне...», «На баррикадах» Ф. Бутырского и другие.

После поражения восстания возникли произведения, проникнутые скорбью о павших товарищах, гневными угрозами в адрес палачей и убийц трудового народа. Так, в Москве на Пресне пели:

Слава павшим на славном посту!
В декабре их немало убито —
На кровавом Горбатом мосту
И в развалинах фабрики Шмидта...

Рабочие выражали веру в близкое возмездие:

Спите, братья-товарищи,
Близок судный час.
На невиданном пожарище
Мы помянем вас.

В огне боев песни стали верным оружием. Их пели на баррикадах Москвы, на Урале, в Ярославле, Севастополе и других городах. Они раздавались в каждом поселке, на каждой окраине.

Особенно часто звучали острые сатирические песни. Эти песни стали обильно возникать примерно с середины 90-х годов. До этого времени они отличались сравнительно слабым обличительным пафосом, не шли дальше выпадов против «плохого» хозяина. Внимание сосредоточивалось на изображении темных сторон быта. Такая сатира может быть названа бытовой. Песни о предпринимателях, правда, складывались и позже, но ими уже не исчерпывался весь круг произведений.

С подъемом движения рабочая сатира приобретает ясно выраженный социальный смысл. Эксплуататорские методы работодателя объясняются уже не его личными качествами, а принадлежностью к классу угнетателей.

С начала революции 1905—1906 годов сатирическая песня (речь идет о творчестве широкой фабрично-заводской массы) становится открыто революционной. Острые сатиры направлены теперь прежде всего против самодержавия и всего помещичье-капиталистического уклада жизни.

Ненавистный образ заводчика, пожалуй, наиболее ярко выступает в «Камаринской Саввы Морозова». Возникла песня в Орехово-Зуеве в 90-х годах и разошлась по России. Ее записи сделаны и в Петербурге, и на Урале.

Песенный Савва колоритен. Это заводчик нового типа, отнюдь не грозящий лозой и батогами. Он безжалостно обирает ткачей и прижимает их «научно разработанной» системой штрафов. Бесчеловечность предпринимателя раскрывается в эпизоде пожара, когда Морозов закрывает рабочих в горящем здании:

Не велел пускать с завода ни души,
Там уж хочешь иль не хочешь, а туши!

Рисуя внешний облик Саввы, «Камаринская» дает обобщенный образ капиталиста, разжиревшего на крови рабочих и утопающего в роскоши. Представление о роскошной жизни заводчика сочетается у рабочих с твердым убеждением в его праздности и развращенности. Он «на цимбалах забавляется и с кухарками занимается», — говорится в варианте, записанном от ленинградского рабочего М. Жигулева. Орехово-зуевская ткачиха А. Елисеева пела в своем варианте:

На хороших дев заглядывает,
В кабинет к себе заманивает,
Всех подарками задаривает
И подряд их всех обманывает...

«Камаринская» бичевала не только заводчиков, но и попов, дворян, правительство. Правда, песня еще не содержала прямого призыва к революции. Открыто революционной она стала лишь в 1905-году, когда ее дополнила боевая концовка:

...На купцов, да на попов, да на царей
Поднимайтесь скорей, скорей, скорей...

Социально-бытовой сатире свойственно понимание единства интересов прямых угнетателей-капиталистов и их защитников — попов. Враждебное отношение к духовенству рабочие унаследовали от устного крестьянского творчества. Жизненная практика постоянно убеждала, что попы на стороне имущих. Образцом антицерковной рабочей песни 90-х годов является «Сказка о попе и черте». Ее пели в Петербурге, Москве, Туле, Иванове и в Сибири, охотно

помещали в нелегальных партийных песенниках. Текст «Сказки» обнаружен и в архивах жандармского управления.

Отличительная черта идейного содержания рабочей сатирической песни 1905—1907 годов — разоблачение Николая II. В этом отношении рабочая устная поэзия была явлением новым, качественно отличавшимся от творчества крестьянства, долго находившегося в плену царистских иллюзий.

Интересна сатира «Всероссийский император», обошедшая почти все фабрики и заводы. Целый ряд ее вариантов отличается совершенством, подлинно народной афористичностью, емкими, лапидарными определениями; они примечательны не только в идейном, но и в художественном отношении:

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпиков.
Царь — изменник, провокатор,
Царь — создатель кандалов.

Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси. . .
Будь же проклят, царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови.

В отличие от либерально-буржуазной, рабочая сатира сосредоточивала свой огонь не только на царе и его ближайшем окружении, она была по всей правящей касте. В ряде вариантов сохранилась пародия «Молитвы за царя» («Упокой и помяни, боже. . .»), сложенная рабочими как «поминание» царской семьи:

Господи, помилуй
Царя Николая,
Жену его Сашу,
Маменьку Машу,
Трепова-генерала,
Алексеева-адмирала,
Победоносцева-секретаря
И Алексея-моряка,
Владимира-провокатора,
Княгиню Елизавету
И всю сволочь эту. . .

Перечень был обширен, поминали генерала Куропаткина, министров Хилкова, Витте, Бирилева, полицейских, казаков.

Характерно, что песни о царе слагались не узким кругом поэтов-революционеров, как это было в периоды декабризма и народничества, а пролетарскими массами.

Высмеивали рабочие и пресловутый манифест 17 октября 1905 года. Куцый и насквозь фальшивый, он вызывал негодование. По Петербургу ходила рукописная сатира на высочайший манифест:

«БЕСОВОЮ МИЛОСТЬЮ
МЫ
НИКОЛАЙ II

provokator и самодурец всероссийский. Царь нагаек, царь пыток, царь расстрелов, царь виселиц, царь-детоубийца, великий князь беззакония и пр., и пр.

Жалуем усердному холопу нашему рижскому генерал-помпадуру 11 трупов для ношения на георгиевской ленте. . .»¹

О пресловутой свободе слова рабочие невесело шутили: «„Марсельезу“ не запоешь — на крючок не зацепят». На Балтийском заводе в те дни пели:

Когда по улице идешь
В рубашке ярко-красной
И «Марсельезу» запоешь —
Раскаешься, несчастный.
Городовой тебя возьмет
И тотчас — в морду хватить!
И «В околоток! — заорет. —
Арестовать!»

Еще острее зазвучала в 1905—1907 годах старая антицерковная тема. Ненависть к духовенству резко возросла в революционные годы, что наглядно видно и по песне «Помер бедняга Ванюха Кронштадтский. . .», которая была сложена в 1908 году по поводу смерти главаря церковных черносотенцев Иоанна Кронштадтского:

Траур одели министры-либералы,
Царь Николашка ревел.
Вместе они беспощадно все крали,
Грабили русских людей. . .

---

¹ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив В. В. Стасова.

Много он баб одурачил в России,
Много наделал чудес.
С девками спал он, напившись до змия,
И во святые залез!..
Спи же ты, Ванька, спи же, проклятый,
Спи, черносотенец злой.
Пусть тебя черти кромешного ада
Кормят горячей смолой.

Итак, заводчики, мастера, полицейские, попы, шпики — вот главные объекты фабрично-заводской сатиры. Все, что мешало жить, подвергалось беспощадному сатирическому обстрелу.

Песня отразила разные события политической жизни страны. Так, она откликнулась на деятельность Государственной думы, о которой слагались многочисленные частушки типа: «Эх, ты Дума, Думушка, октябристам кумушка...». На распространенный мотив «Коробочки» пелся текст, представлявший пародийную переключку Витте, Трепова и Дурново («Ой, полна тюрьма пред Думою...»). По рукам ходили нелегальные стихи о Думе.

Под впечатлением событий 9 января на Путиловском заводе рабочие сочинили сатиру на «лихой» Семеновский полк, солдаты которого «дружно рубили баррикады у Невской заставы» («Отступая от японцев...»). Пропев эту песню, И. У. Шашкевич сказал: «Мы их тоже пощипали... Казаки боялись болтов да гаек, а жан-дармам досталось, когда они приехали в мастерские».

Всероссийскую известность имела песня «Нагайка». По одним данным, ее сложили в Ошмянской тюрьме (Белоруссия), а по другим — в сибирской ссылке. Сохранилось несколько вариантов песни. Ее автор и первоначальный текст неизвестны. Это одна из народных рабочих песен революции 1905 года. В центре ее символическое изображение насилия: казацкая нагайка. Песня говорила о близком конце царизма, разгула карателей, голодной жизни народа и о его неистребимой жажде свободы. Звучала «Нагайка» сурово и решительно:

Нагайка ты, нагайка!
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.
...Нагайкой не убита
Живая мысль у нас,
И скоро паразита
Пробьет последний час...

Выше уже отмечалось разнообразие изобразительных средств рабочей сатиры. Особенно распространена была пародия. Именно этот прием использован при создании песен «Помяни, господи, петрозаводских купчиков...», «Боже, царя храни, деспоту долгие дни ниспошли...», «Акафист Трепову», многочисленных сатирических «колыбельных». Обычно пародировали официальные гимны, молитвы и прочие церковные песнопения.

Поэтическая палитра рабочих сатир многокрасочна. Здесь и гротеск (у заводчика «в три охвата животинушка», «сумасшедший государь», «алкоголик», царь-«урод») и ирония (Савва в песне «умен, умен, умен»), и гневное обличение.

Сатирические песни, так же как и песни о революционных событиях, о труде и борьбе, были широко известны и любимы рабочими. Но особенно широкое распространение уже с первых лет массового пролетарского революционного движения получили марши, гимны и другие агитационно-призывные песни. Они звучали на митингах и демонстрациях, их пели на баррикадах.

Новый характер рабочего движения требовал действенных средств массовой агитации.

Дело создания пролетарских гимнов стало очередной партийной задачей. Одним из первых был создан марш «Смело, товарищи, в ногу...». Его автор, Леонид Петрович Радин, видный марксист, выдающийся химик, отдал свою жизнь делу русской революции. Марш написан Радиным в Таганской тюрьме в 1896—1897 годах. Впервые его исполнили в 1897 году. Пели заключенные при переводе из Таганской тюрьмы в Бутырскую, «растерявшиеся конвойные не знали, что им предпринять, а смелый, бодрый революционный марш разливался все шире и шире». ¹ Песня быстро приобрела известность среди революционеров. В 1898 году ее пел в селе Шушенском В. И. Ленин и другие ссыльные. «Ильича хлебом не корми, а только подавай ему это самое «Смело, товарищи, в ногу...», — рассказывает в своих воспоминаниях П. Н. Лепешинский. ²

«Смело, товарищи, в ногу...» — пожалуй, самая оптимистическая из песен борьбы. Светлые, мажорные тона пронизывают ее от начала до конца. Коллектив, новый герой революционной поэзии, выступает уже в заповеде марша. Полемизируя с народнической концепцией «героя и толпы», марш подчеркивал единство и сплоченность сил революции. Отсюда его мощь, звучащая в нем уверен-

---

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. «Смело, товарищи, в ногу». — «Советская музыка», 1955, № 12, стр. 6.

² П. Н. Лепешинский. Вокруг Ильича. М., 1926, стр. 68.

ность в торжестве пролетарского дела. Энергическая, мужественная мелодия, прекрасно передававшая величие идей марша, немало способствовала его успеху.

Такой же любовью пользовалась «Варшавянка». История ее создания несколько иная. После ареста и суда по делу ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Г. М. Кржижановский весной 1897 года был заключен в пересыльную камеру Бутырской тюрьмы; там от польских революционеров Абрамовича, Петкевича, Петрамеска и Властовского он услышал польскую «Варшавянку». «Напев песни был очень красив, — рассказывает Г. М. Кржижановский, — но мы, русские революционеры, не могли ее петь, так как не знали польского языка».¹ Тогда же по подстрочнику Г. М. Кржижановский написал русский текст песни. Польская песня явилась только «отправной точкой» для создания русского пролетарского гимна. Г. М. Кржижановский пишет: «Все образы, чуждые сознанию пролетариата, я отбросил, стараясь наполнить песню пролетарским революционным содержанием». Гимн звал к восстанию, славил павших, будил ненависть к «тиранам» и грозил им мстью народа. Основная идея гимна, призыв к революции, концентрируется повторяющимся припевом:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Гимн «Беснуйтесь, тираны...» не получил широкой известности, но в революционной среде он имел заслуженный успех. В селе Шушенском его часто пели ссыльные большевики, «в хоре принимали участие все, в том числе Владимир Ильич».² История создания гимна такова: в 1898 году в Сибири Г. М. Кржижановский перевел украинскую песню «Шалийте, шалийте, скажени кати» (слова А. Колессы, музыка А. Вахнянина).

Гимн «Беснуйтесь, тираны...» — произведение одного идейного и художественного плана с гимном «Вихри враждебные...». В нем с такой же гневной силой обличаются оградившиеся от народа штыками, но обреченные судом народа «тираны». Г. М. Кржижановский отступил от оригинала и создал довольно вольный перевод.

---

¹ Г. М. Кржижановский. Песни борьбы. — «Советская музыка», 1955, № 12, стр. 3.

² М. А. Сильвин. В. И. Ленин в эпоху зарождения партии. — «Каторга и ссылка», 1934, кн. 1, стр. 116.

Он несколько удлинил песню, но усиления классового звучания в этом случае не потребовалось.

Немало общего с этими гимнами имеет песня «Красное знамя», представляющая довольно близкий перевод песни польского поэта М. Червинского «Червоный штандарт». Мнение о принадлежности перевода Г. М. Кржижановскому неправильно: бытовал «сводный текст», составленный из текстов Г. М. Кржижановского и неизвестных рабочих поэтов.

В содержании песни отчетливо выступают характерные признаки пролетарской гимнической поэзии. В построении ее использован типический прием сопоставления мрачного настоящего и светлого будущего:

Слезам залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд...

И сразу же врывается тема «обновленья»:

Но день настанет неизбежный,
Неумолимый, грозный суд!

Главная, призывная тема гимна закрепляется в повторяющемся припеве:

Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром наше знамя реет...

и т. д.

«Красное знамя» помещалось на первых страницах нелегальных песенников большевиков.

В 1902 году поэт социал-демократ А. Я. Коц создает «Пролетарскую марсельезу», или «Песнь пролетариев». Она сразу же была подхвачена революционной средой. «Мы все пришли в восторг, немедленно записали слова, и через несколько дней наша типография выпустила «Новую марсельезу» не только для нашей организации, но и для соседних городов», — вспоминает одесская подпольщица Е. Левицкая.¹

Популярность этой песни объясняется очевидным превосходством ее над народнической «Марсельезой» П. А. Лаврова. Последняя была популярна среди рабочих в начале 900-х годов. Но наряду с общедемократическим содержанием в лавровской «Марсельезе» имелись индивидуалистические, надрывные ноты. Поэтому она усту-

¹ «Пролетарская революция», 1922, № 6, стр. 143.

пила место «Интернационалу», ставшему любимым гимном рабочих. «Марсельезу» по-прежнему пели эсеры. В 1917 году буржуазное Временное правительство объявило ее официальным гимном.

Что касается «Пролетарской марсельезы» А. Я. Коца, то в ней использован лишь старый напев, в остальном — это произведение совершенно новое. Автор стремился передать в песне основные идеи Коммунистического манифеста. Это сказалось и в близости песни к отдельным фразам манифеста, например:

Мы потеряем лишь оковы,
Но завоюем целый мир. . .

Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан. . .

А. Я. Коц писал: «Из всего прочитанного наиболее глубокий след оставил во мне «Коммунистический манифест», который по вложенному в него пафосу, по силе бичующей сатиры, по сжатости, ясности и огненности языка представляется мне как величайшее художественное произведение, как подлинная поэма социализма. . .».¹

Не менее сильное впечатление произвела на А. Я. Коца международная пролетарская песня «Интернационал». Находясь в эмиграции, он часто слышал на рабочих митингах и демонстрациях это замечательное произведение поэта-революционера Эжена Потье и рабочего-композитора Пьера Дегейтера. Коц решил перевести текст этой песни на русский язык. В 1902 году русский «Интернационал» был им написан. Перевод был удачен; правда, А. Я. Коц перевел лишь три куплета из шести. Свой выбор переводчик аргументировал особой значимостью избранных куплетов: «Первая строфа представлялась мне наиболее яркой. Вторая подчеркивала классовую сущность борьбы рабочих против буржуазии и, кроме того, была направлена против бога и царя, третья говорила о передаче земли трудовому крестьянству и о близкой гибели буржуазного мира».²

В. И. Ленин любил и ценил «Интернационал». Он хорошо знал его также по-французски и пел еще до появления русского перевода.

Рабочие жадно заучивали «Интернационал» и другие революционные песни. Руководитель одного из нелегальных рабочих круж-

---

¹ Из письма А. Я. Коца к В. Д. Бонч-Бруевичу. — «На литературном посту», 1931, № 2, стр. 9.

² А. Я. Коц. Наш гимн. — «Звезда», 1937, № 11, стр. 21.

Пѣсни Революціи.

Сборникъ революціонныхъ пѣсенъ и стихотвореній.

---

*Близокъ ужъ часъ, ужъ борьба разгорается,
Мракъ беспросвѣтный не такъ ужъ тѣтитъ:
Это свободы заря запылаетъ,
Это народъ востанетъ...*

Книгоиздательство „Красное знамя“.

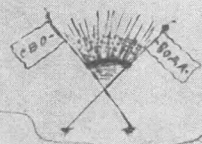
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1905.

Обложка сборника рабочих революционных песен.

ЯКМ-МС-Н-1013

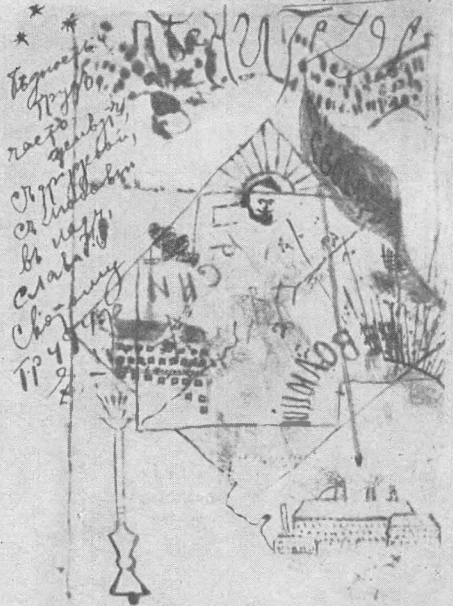
1905 г.

Слово, которое
не вылетит
из уст
рабочих
1905 г.

Метельная
и
декабрьская
и
пбени
и
Сухотворения

Начал собирать ее 9го января 1905 года,
9 января 1905 г. Издание в Петербурге.
Начало: РЕВОЛЮЦИЯ.

Слава своему труду!!!

Титульный лист рукописного сборника рабочих революционных песен и стихотворений.

ков М. М. Эссен вспоминает: «Бывало, придешь на занятие, в программе тема «Падение мелкого производства», а рабочие наточили карандаши и просят продиктовать им «Марсельезу» или «Интернационал».

— Мы, — говорили они, — эту тему о падении мелкого ремесла хорошо знаем, а вы лучше научите нас революционным песням. Понадобятся!»¹

«Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу...», «Варшавянку», «Красное знамя», «Марсельезу» и другие замечательные песни публиковали в многочисленных нелегальных песенниках, листовках и газетах. Распространению этих песен социал-демократы уделяли постоянное внимание.

Однако не сразу эти песни стали массовыми произведениями. В конце 90-х — начале 900-х годов их знали немногие. Большинство рабочих боялись их исполнять или просто никогда не слышали. Широко и открыто песни зазвучали с 1905 года. «Интернационал» получил известность лишь в конце революции 1905—1907 годов.

Своеобразие гимнической поэзии выделяет ее из остальных рабочих песен эпохи массового освободительного движения. Ее основными чертами являются пролетарская революционность и боевой, призывный характер. Им присуща широта социальных обобщений, единая стержневая тема, в них нет субъективного элемента и детального повествования. По своей художественной природе это, прежде всего, произведения пролетарского романтизма. Революционная романтика сочетается в них с четкостью политических лозунгов. Образы песен символичны. Все они, будь это образ красного знамени, героя-рабочего, революции, светлого будущего, — все они пронизаны романтическим пафосом борьбы с миром собственников. Содержание определяет их ясную, мужественную, торжественную мелодию.

После подавления первой русской революции, со спадом революционного движения царские власти резко усилили и преследование пролетарских песен. Сборники песен подвергались уничтожению, против издателей были возбуждены уголовные преследования. Сборнику «Песни революции» Петербургская судебная палата вынесла приговор, в котором наряду с прочим говорилось: «Песни содержат в себе оскорбительные выражения и угрозы, относящиеся к особе государя императора: выражения дерзостного неуважения к верховной власти и призыв к бунтовщическому деянию и вооруженному

---

¹ М. М. Эссен. Песни революционного подполья. — «Советская музыка», 1955, № 12, стр. 7.

восстанию для ниспровержения существующего государственного и общественного строя». ¹

В обстановке реакции 1907—1910 годов, а затем в условиях нового подъема революционного движения происходило дальнейшее сплочение рабочего класса вокруг РСДРП(б). С конца 1910 года начинает выходить большевистская газета «Звезда», с апреля 1912 года — «Правда», ежедневная легальная газета партии. Она постоянно помещала на своих страницах заметки и корреспонденции с фабрик и заводов. Значительное место на ее страницах заняли очерки, фельетоны и стихи. Из актива рабочих-корреспондентов выдвинулся ряд талантливых пролетарских поэтов и писателей.

Серьезную помощь правдистам оказал Максим Горький. Находясь в эмиграции, он постоянно переписывался с начинающими рабочими-литераторами. В 1914 году под редакцией А. М. Горького и с его предисловием вышел «Первый сборник пролетарских писателей», более половины его авторов выросли в активе «Правды». Это была мощная заявка о вступлении в русскую литературу значительного отряда рабочих поэтов. Ранее поэтами-правдистами были изданы лишь три небольших сборника «Эхо ответное» и два выпуска «Наши песни».

Большевистская печать этих лет выдвинула такие самобытные пролетарские дарования, как Д. Бедный, А. Маширов, А. Поморский, И. Войнов, Д. Одинцов, Л. Котомка, И. Батищев. Многие созданные ими стихотворения стали популярными массовыми песнями.

Наряду со стихотворениями известных поэтов «Правда» помещала произведения начинающих авторов. Пристальное внимание уделялось и непосредственно самодеятельному поэтическому творчеству. В статье «Рабочая поэзия», напечатанной 6 апреля 1914 года в газете «Путь правды», писалось: «В этом очерке мы поведем речь не о стихотворениях, вылившихся из-под пера того или иного поэта-рабочего, а о тех поэтических произведениях, которые явились продуктом коллективного творчества рабочих масс. Мы будем говорить здесь о песнях, стихотворениях и частушках, сложенных сообща неизвестными авторами. Всякая народная, в том числе и рабочая, поэзия складывается таким образом, что начатое одними дополняется другими, изменяется третьими и заканчивается четвертыми лицами. Какой-нибудь местный житель или приезжий собиратель-этнограф записывает песни, и, таким образом, коллективное сочинение попадает в печать».

¹ Центральный исторический архив в Ленинграде. Фонд Комитета по делам печати.

Среди правдистских публикаций встречаются интересные образцы рабочих песен этого времени. Так, в «Правде» от 26 мая 1912 года был напечатан вариант песни об Александровском заводе «Сипло гудок завывает...». В «Пути правды» опубликовали песню «На Обводном-то канале...».¹ В основу песни легли драматические события, разыгравшиеся с 12 по 18 марта 1914 года на фабрике «Треугольник». Условия труда здесь были особенно тяжелыми. В погоне за прибылью хозяева фабрики ввели в производство клей, который был очень ядовит. Начались массовые отравления рабочих. Число жертв достигло двухсот. Эта весть облетела Петербург. Перед зданием фабрики собирались толпы возмущенных рабочих. Разогнать толпу удалось только силой.

Рабочие жадно и с интересом читали ходившие по рукам газеты большевиков. Причем ими охотно заучивались помещенные в газетах стихи и песни. Полюбившиеся стихи наклеивали в рабочие шкафчики. Нередко подбирали к ним мотив и пели. «Я знал одного рабочего, — вспоминает старый большевик И. Жига, — который заучивал стихи наизусть и распевал их во время работы».²

Особенно охотно заучивали стихотворения, написанные в форме песен: «Кузнецы» Ф. Шкулева, «Гребцы» и «Пролетарии» А. Маширова, «Рабочий дворец» А. Поморского. Запоминали и безымянные заборные частушки, вроде сложенных колпинцами:

Возле реченьки Ижоры
Веселятся ихни жены,
Веселится наш буржуй,
А рабочий ногти жуй...
Черна сотня — что ежи,
У них кинжалы и ножи.

«Посещая трактиры предместий, — вспоминает Н. Н. Буторин, — и наблюдая там читателей «Звезды», можно было заметить, что ее всегда начинали читать со стихотворений. Мало того, на окраинах появились даже особые гастролеры, заучивавшие стихотворения из «Звезды» наизусть и декламировавшие их в трактирах и чайных».³

Стихи и песни слагались рабочими в самой различной обстановке. Так, один из рабкоров сообщал о случае, когда песни были сложены прямо на митинге: «Среди нас оказался рабочий-поэт,

¹ «Путь правды», 1914, 20 марта.

² «Путь правды», 1914, 28 января. Подпись: П. Скородин.

³ Н. Б у т о р и н. От «Звезды» к «Правде». М.—Л., 1936, стр. 14.

который не выдержал и, вдохновленный необычайной обстановкой, запел куплеты, которые стал экспромтом сочинять, и мы, прислушавшись, стали хором подпевать».¹

В Москве, Петербурге и других городах возникают легальные и нелегальные рабочие хоровые кружки.

В период первой мировой войны, несмотря на преследования, революционные песни получают все более широкую известность. Приобретают еще большую популярность «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу...», «Варшавянка», «Марсельеза», «Вы жертвою пали...», звучат сатирические песни о Николае II: «Как у нас на троне...», «Государь наш Николай собирает сходку...», «Не шумите, детки, Николай сказал...» и другие. В целях борьбы с рабочей песней правительство поощряло массовый выпуск мещанских песенников «для народа», популяризируя песни вроде: «Сухая корочка», «Маруся отравилась...», «Карие глазки», «Поздним вечером».

В период между Февральской и Великой Октябрьской социалистической революциями песня по-прежнему оставалась одним из средств пролетарской агитации. В это время большевистская «Правда» опубликовала «Интернационал», «Красное знамя», «Похоронный марш», «Машинушку», «Смело, товарищи, в ногу...», «Кузнецов», «Варшавянку» и т. д. Пролетарские гимны и марши звали к борьбе за власть Советов. Они раздавались на демонстрациях, с ними возвращались солдаты с фронтов империалистической войны, их брали на вооружение первые красногвардейские отряды.

При создании новых песен часто применялся обычный прием устной рабочей поэзии: брали знакомую песню и на ее мотив подбирали слова. Так, на основе популярной песни «Из-за острова на стрежень...» (автор текста Д. Садовников) в рабочих окраинах Петрограда сложили едкую песенку о грязных похождениях Григория Распутина. В единой по идейному наполнению рабочей песне сочетались и подражание популярной песне, и солдатская песня, и литературный стих, и бойкая частушка-коротушка.

Рабочие песни выражали вражду и непримиримость к Временному правительству, высмеивали и разоблачали Керенского, который:

Страной вертел и правил,
С бедной братией лукавил,
С богачами жил в ладу
И дудел в одну дуду.

---

¹ И. Жиган. Воспоминания. — Сб. «Путь правды». М.—Л., 1925, стр. 196.

Эта краткая, но точная характеристика Керенского дана в песне, записанной на Ижорском заводе. Сложенная в непринужденной, разговорной манере, она рассказывала о походе Корнилова на Петроград, о том, как рабочие Питера разбили войска Корнилова и как Керенский снова пошел на сговор с капиталом. «Революционный» премьер заверяет в песне богачей:

Черный люд мы успокоим,
Предпарламенты устроим.
Членов так мы подберем,
Чтоб не пахло бунтарем.
Будет, словом, говорильня,
И буфетик, и курильня.

Однако под мощным натиском народа устроители предпарламента недолго блаженствовали в своих креслах:

Две недели посидели,
Вверх тормашками полетели.

В исторические дни Великого Октября с пением «Интернационала» шли на штурм Зимнего дворца колонны красногвардейцев, солдат и матросов, под их натиском пал последний оплот Временного буржуазного правительства:

Воля свершилась народная,
Грозный семнадцатый год!
Здравствуй, Россия свободная!
Здравствуй, свободный народ!

Вместе с новыми песнями по-прежнему звучали и любимые песни революционного подполья.

Большевистская «Правда» (в № 5 за 1917 год) писала в эти дни об «Интернационале»: «На фронте, в окопах, и везде, где русские войска соприкасаются с неприятельскими, должно быть поднято красное знамя... Такое же значение, как красное знамя, имеет песня «Интернационал». Она напечатана в № 1 «Правды». Ее поют европейские рабочие, должны петь и мы при всяких пролетарских выступлениях. Мотив песни — родной для рабочих всех стран. В окопах часто противники сидят так близко, что песня слышна. Запойте хором «Интернационал» — и во многих случаях наши голоса сольются в одном хоре с голосами германских или австрийских пролетариев, одетых в солдатские мундиры. Этим, конечно,

не кончить войны. Война должна закончиться организованно. Но германские пролетарии, которых правительство Вильгельма начиняет всякой ложью против русских, почувствуют в русских солдатах товарища. Этим не только уменьшатся излишние жестокости войны, но и подготовится почва к прочному миру. Русская революционная армия во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и иных командах должна обучиться хорошему пению «Интернационала».

Революционные песни русского пролетариата хорошо послужили народу. Лучшие из них отозвались в новой массовой поэзии — поэзии первого в мире социалистического государства.

А. Нутрихин

**ПЕСНИ КОНЦА ХVIII—
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА**

* * *

Ай да вы заводы,
Вы мои заводы кирпичные!
Ай да мы, работающий народ,
Люди горемычные!
Люди горемычные:
Без грошей живем,
До ноченьки работаем,
С горя водочку пьем.
Ну, а кто же вас, заводы,
Заводил, ай, да заводил?
Кто же вас, работнички,
В заводы привозил?
Ай да заводы заводил хозяин,
Ай да работничков
Привезла нужда горькая.

* * *

Мы в посылке долго жили,
Песенок сложили;
Песню нову, песню браву, —
По-бурлацки жили.
Нам-то жить-то не давали —
На совет гоняли.
На совет, совет гоняли,
Совет совещали —
Сухари сушити.

Мы сухарики сушили,
Сумы набивали,
Эти сумы зашивали.
Суму да ремнем зашили,
Коней поймали,
Ямщичка выбрали,
Мы да ямщичка выбрали —
Коней ворочати,
Коней ворочати,
Пехотой шагати.
Велики ли эти версты
Ознобили персты.
На угоре-косогоре
Стояла контора:
Конторщик новый, бравый,
Конторщик горбатый,
Пищичек плешатый.
Они пишут на бумагу,
На тонкий листочек,
Нам сулили буйну плату,
Нам дали лопату
Канаву копати,
Что канавушку копати —
Руду добывати.

* * *

Я вечер-то, добрый молодец,
Долго, парень, загулялся, загулялся,
Что со душечкой, со красной девицей
Долго я, парень, застоялся,
Что от душечки, от красной девицы
Тайно слово дожидался, дожидался.
«Ты скажи-ко, моя разлюбезная,
Скажи, кого в свете любишь, в свете любишь,
Одного ли меня, мальчишечка,
Одного ли сушишь-крушишь?»
На то девочка, на то красная,
На то парню отвечала:
«Ты отстань-ко, мой милый, по охоте,

Не отстанешь, мой милый, по охоте,
Отстань, милый, по неволе.
Что сегодняшнею темной ночью
Хочут нас с тобою поимати,
Белы рученьки и резвы ноженьки
Хочут нам сковати,
Во Змеевскую конторушку
Хочут нас с тобой сослати».

* * *

Ты взойди-ка, взойди,
Солнце красное,
Над горою-то да над высокою,
Над полянушкой широкою.
А на той на полянушке
Стоит завод новенький,
А у железных-то ворот
Будочка сосновенькая.
Ты освети-ка, согрей,
Красное солнышко,
Во заводе том да работников,
Добрых молодцев-бездомничков.
Ты им дай-ко, прибавь,
Красное солнышко,
Силу крепкую да крепешеньку,
Было б можно терпеть
Холод-голод, непогодушку
Да разнесчастную невзгодушку!

* * *

Как на горке, на горе
Стояла палата.
Как во этой палате
Живет губернатор.
Выходил же вор-собака
На ново крылечко,
Выносил же вор-собака
Гербову бумажку.

Расписал он, рассчитал он
На разные работы,
Кому каменна, кирпична,
А нам земляная.

* * *

Работали мы да тут день до вечера,
до потух-зари.

Со потух-зари мы домой пошли.
Домой пошли позднехонько.
Под окошечком постучались.
Отцы-матери испужались,
За окошечко побросались.
«Ох вы, милые наши детушки!
Что же вы пришли так позднехонько?»

* * *

Благослови, сударь хозяин,
У тебя ли во дому,
Во высоком терему
Поскакать, поплясать,
Про все гóроды сказать,
Про все Демидовые.
У Демидова в заводе
Работушка тяжела.
Ах, работушка тяжела.
. . . . .
От виц спинушки болят,
Ах, спинушки болят!
В рудник-каторгу сажают,
Ах, да не выпускают.
Там нас голодом морят,
Ах, студенцою поят!
Уж вы горы, да горы высокие,
Уж леса на горах да дремучие!
Вы укройте работничков бедных,
Вы укройте молодцов, людей беглых,
Ах, людей да Демидовых.

Ах, у нашего сударя света батюшки,
У доброго живота, всё кругом ворота!
Ой, окошечки в избушке косячатые,
Ах, матицы в избушке таволжаные,
Ах, крюки да пробои по булату золочены!
Благослови, сударь хозяин, благослови, господин,
Поскакати, поплясати, про все города сказати,
Про все было уезды, про все низовые,
Про все низовые, остродемидовые!
Хороша наша деревня, про нее слава худа!
Называют нас ворами и разбойниками,
Ах, ворами, . . ., чернокнижниками!
Ах, мы ли не воры, ах, мы да рыболовы,
Ах, мы да рыболовы, государевы ловцы.
Ай, мы рыбочку ловили по хлевам, по клетям,
По клетям да по хлевам, по новым по дворам;
Мы карасиков ловили со щетиночками,
Мы сорочек-то ловили всё с крючками!
Ах, матушка Нева да промыла нам бока!
Ах, батюшка Иртыш на боку дыру вертит!
Ах, батюшка Исять, на коленочки присядь!
Хоть не нас секут батошьем, у нас спинушки болят;
На работу посылают, нам и денег не дают;
Ах, с голоду морят, студенцою поят;
Ах, на каторгу сажают, да не выпускают;
Ах, не нас вешать ведут, на нас петельки кладут!

О, се горные работы!
Скажем, горные работы,
Они всем дают заботы.
Офицерам быть не скучно,
При сем жить им неразлучно.
А наш пристав, офицеры-господа
Все исправности несли,
Постояли да ушли.
Ой вы, бедны бедняки,

Первой части бергалы;
Все вы знаете заботу,
Как ударит на работу!
На работу бьют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Ой ты, свет наша умыльна,
Змеевская плавильна!
Тонко, громко в доску бьет,
К себе в гости зовет.
Подле шпурик, подле бок
Есть корыто и гребок,
Протыкальник, молоток.
Настилаем в шахте смесь
О четыреста пуд вес;
Как четыреста пуд вес —
В одну смену всё сожечь.
Мастер ходит, подтверждает,
Чтобы шлак был не богат...
Постарайся, друг и брат,
Чтобы Правдин был богат.
Есть Шершневочка весела,
Речка валом обнесена,
С переулка третий дом.
Бита Мушиха кнутом.

Ой вы, бедны бедняки,
Пятой части парняки.
Все вы знаете заботы,
Как ударят на работы.
На работы бьют, треложат,
Мы противны быть не можем.
Вот и слушаем опять,
Как ударят часов пять,
В решеточки загремят,
Наше сердце уныват.
Инструмент нам принимать:
Болотки и гребки,
Рудобойны молотки.
По фонталам воду пустят,
Наше сердце приопустят.
Мы примамся работать,
Золоту руду катать.

Как подрядчики на нас
Не косили б своих глаз,
Не грозили бы рукой,
Не страшали бы лозой.

Ой вы, братцы молодцы,
Пятой части молодцы.
Приогрянем в молотки,
Разобьем руду в куски,
Обер-штейгер старичок
Чтобы не дал нам толчок.
Как кончаем урок свой,
Так отпустят нас домой.
А домой когда пойдем,
Громко песни запоем.
Мимо Медера пойдем,
Мимо Кенига пойдем,
На базарочек зайдем,
Калачей на грош возьмем
И позавтракаем.

* * *

Наши горные работы
Всем чертям дают заботы;
Всяк стараться очень рад,
Чтоб подрудок был богат. . .
Офицерам хоть не скучно,
Зато быть им безотлучно.
А забота наша в том,
Чтоб разделаться с урком,
Чтоб нарядчики на нас
Не косили своих глаз,
Своих глаз бы не косили,
У нас денег не просили,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой,
Чтоб не выдрали пять раз,
Пока выробишь наказ. . .
Не успесшь, значит, лечь,

Как валится кожа с плеч...
Да отгудова валится,
О чем петь нам не годится.

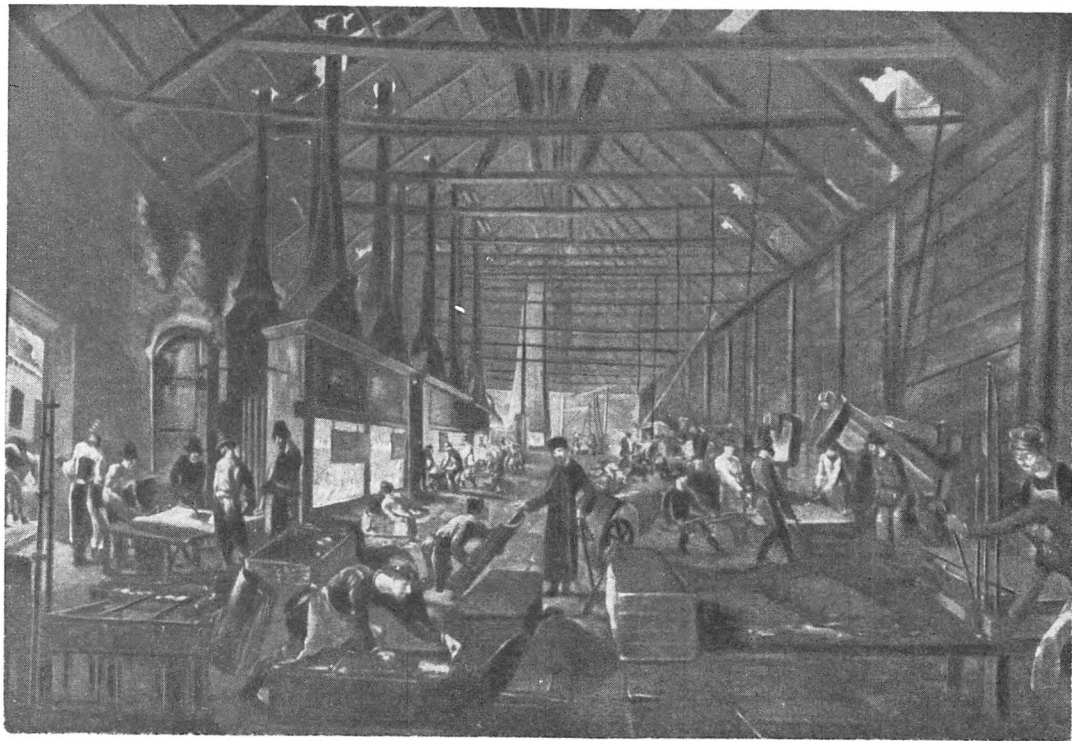
Как ударит часов пять —
На работу мы опять,
Частный кличет и кричит,
Своей палочкой грозит —
Кто не явится на зов,
Тому ею сто лозов...
На бергамте в перекличку
Все собираются в отличку,
Перекличку отведут —
По работам поведут:
Того в шахту, того в гору,
А того к зеленому бору —
Иль деревья обжигать,
Или воду отливать.
Как урок мы кончим свой,
Всех отпустят нас домой;
Мы по улице пойдем,
Громко песни запоем:
Как начальство любит нас,
Как начальство дует нас.

* * *

На разбор нас посылают,
Шибко нас дерут и мают,
А сами за что — не знают,
В отдаленны края посылают.
Поедем к Бельмесову —
Запоем песню веселу,
Приедем в Шадрину —
Растеребим старшину;
Приедем в Саушку,
Попросим бабушку
Напоить, накормить
И спать положить.
Утром встанем,

И. Овешков. Восстание посессионных крестьян на Кыштымском заводе в 1822 году.

В. Худояров. Листопрокатный цех.

Кошельки свои достанем,
Сухариков поедим
И вдаль поглядим.
Видим — на горке,
На высокой, на крутой,
Над плотиной, над водой
Спит рудник Змеев золотой,
Да нам противный он какой.
Наши горные работы
Дают нам заботы.
На промывке на ручной
Есть нарядчик некошной.
Он идет, шары устави́т,
Работать нас застави́т,
Ходит — нас розгами дерет
И волосы на голове рвет;
В праздник робить оставляет
И сам за что — не знает.
Жаловаться не знаем кому,
Только богу одному;
До него высоко,
До царя далеко,
И говорим: охо-хо,
Житье нам плохо;
В казарме мы живем,
Хлеб с водой только жуем,
С работы убежим,
По целым дням в кустах лежим;
Нас поймают
И тогда до смерти задирают и замают.

* * *

Вы бродяги, вы бродяги,
Вы бродяженьки мои!
Что и полно ль вам, бродягам,
Полно горе горевать;
Вот придет зима-морозы:
Мы лишились гульбы.
Гарнизон стоит порядком,
Барабаны по бокам,

Барабанщики пробили,
За приклад всех повели,
Плечи, спину исчеканят,
В госпиталь нас поведут.
Разувают, раздевают,
Нас на коечки кладут,
Мокрыми тряпицами обкладывают,
Знать, нас вылечить хотят.
Мы со коечек вставали,
Становилися в кружок,
Друг на дружку посмотрели —
Стали службу разбирать:
Вот кому идти в Бобруцкий,
Кому в Нерчинский завод.
Мы Бобруцка не боимся,
Во Нерчинске не бывать;
Путь-дороженька туда не близко,
Со пути можно удрать.
Тут деревня в лесу близко,
На пути стоит кабак,
Целовальник нам знакомый,
Всё из наших, из бродяг.
Мы возьмем вина побольше,
Инвалидных подпоим:
И конвой весь перепьется,
И в поход тогда пойдем.
Мы конвой весь перевежем,
Караульных разобьем,
Мы оружие всё захватим,
Сами в лес с ним удерем.

Кто на приисках не бывает,
Тот горя не знает;
Мы на приисках побывали.
Все горе узнали.
Мы ко прииску подходили,
На горку восходили:
Как на горке, как на Зинке
Стояла контора,

Как во этой во конторе
Живет наш приказчик.
Выходил он, вор-собака,
На ново крылечко.
Выносил он, вор-собака,
Перо и бумагу.
Рассчитал он, расписал
По разным работам:
Турфовые, каменные,
Третьи — песковые. . .
Мы, молоды ребята,
Запросили дорогие платы,
Выдавал он, вор-собака,
Кайлы и лопаты —
Кайлы и лопаты
Канавы копати.
Мы канавушку копали,
Судьбу проклинали! . .
Доброй осени дождемся —
Домой поллетемся,
В кабачок забьемся,
Все вина напьемся,
И опять наймемся!

* * *

Близко, близко городочка,
Близ зеленого садочка,
Близ зеленого сада,
Близ города Ярославля,
Недалече от реки,
Початой слободы,
На прекрасе-красоте,
На высокой на горе,
На высокой на горе
Стоял фабричек большой.
В том фабрике ребята —
Удалые молодцы,
Удалые, молодые,
Не женаты, холостые.

Собирались ребята
С того фабрика гулять
На прекрасу-красоту,
На высокую гору;
Садился по краю,
Близ зеленого сада,
Близко зеленого сада,
Близ города Ярославля,
Садился, песни пели,
Соловьям свистать велели:
«Соловьюшки, свищи!
Разгуляться к вам пришли!»
Соловьюшки свистали,
Молодцов всех утешали.

Как у нас было, ребята,
В Ярославле-городе,
В Ярославле-городе,
Во Толчковой слободе,
У солдатки у вдовы.
У солдатки у вдовы
Были девки хороши,
Был Васильюшка-сынок,
Ковры ткать мастеров;
Ковры точет-вытыкает
И наборы набирает;
Он горазд письма писать,
Горазд грамотки читать.
При компанье пребывает,
Сам во скрипочку играет.
Заиграли на скрипиче
Для души красной девицы,
Для школьня, манерня,
Для Пашеньки вдовиной.
Говорила Паше мать,
Уговаривал и брат:
«Полно, Пашенька, уймись,
С молодцами не водись!
Доведут тебя ребята
До славушки до худой!»
— «Хоть худой славы добиться,
А со всеми поводитья».

* * *

Что баклашински ребята
Много мудреные,
Много мудреные
Призакудрявели.
Они сукна ткут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали, —
Все кафтаны перервали.
Заходили во кабак —
Наливали вина так.

* * *

Девки строили палаты,
На все стороны покаты.
У стола была, стола
Стоят трое мастера.
Подмастерья с мастерами
Тонки планы составляли,
Полотенца вышивали,
Полотенца шиты-браны,
Челночки сердечками,
Цевки новы костяные,
По пруточке золотые.
У вдовушки, у вдовы
Три дочки хороши.
Одна девушка беленька,
Всем молодчикам миленька.
Я во Питере жила,
Три науки поняла.
Уж я первую науку —
Я поймала сокола,
А вторую-то науку —
Полюбила молодца,
А третью-то науку —
Разорила до конца.
Разорился парень бедный,
Купил перстень деве медный,
Разорился под конец:

Купил десе шесть колец!
Два витые, два литые,
Два червонно-золотые,
А седьмое-то колечко
Позолоченное.

* * *

Во леску, во леску текла речка по песку
Во матушку во Москву, ко фабричному двору.
Как фабричные ребята — люди мұдрсны,
Люди мұдрсны, принапудрены;
Они ткут ковры, салфетки на разные клетки,
Они ткали, переткали, на кафтаны перешили,
Нам не дороги кафтаны, были б денежки в кармане.
Целковые по мошнам не дают спать по ночам:
Во полночь деньги гремят, в кабак идти велят.
Целовальник молодой, отпирай новый кабак,
Пушай девок и ребят, наливаай чару полней,
Наших денег не жалея, только сам, дурак, не пей.
Если будешь вино пить, я не буду те любить,
Полюблю ли я такого, щеглеватого, рябого?
Щеглевитенький, рябой, доведи меня домой,
До кровати тесовой, до перины пуховой,
Мимо стекол, мимо окон, мимо каменных палат,
Мимо каменных палат, в целовальников кабак.

* * *

Вы леса ль мои, лесочки, леса мои темные!
Вы кусты ль мои, кусточки, кустики ракистовы!
Уже что же вы, кусточки, да все призаломаны?
У мбодцев у фабричных глаза все заплаканы.
Как навстречу им, фабричным, главные хозяева,
Главные хозяева Грача Скарнаухова:
«Вы не плачьте-ка, молодчики, мбодцы фабричные!
Я поставлю вам, ребяташки, две светлицы новые,
Станы самолетные, основы суровые,
Нанесу я вам, ребяташки, цснущку высокую,
Цснущку высокую, салфетки по рублику».

* * *

Как у нас-то на Томаке на реке,
Там стояла нова фабричка,
Нова фабричка Каулина-купца.
В этой фабричке работнички,
Молодые шлихтовальщики,
Раскрасавицы проборщицы.
Они пели песню новую,
Про мастера чернобрового,
Про Алексея, про Ивановича:
«Ты, Алексей да Иванович,
Не пора ли шабашу давать,
Шабашу давать, по улице гулять?
Наши ручки передергались,
И головки примотались,
Наши ножки приходились,
Наши глазки пригляделись».

* * *

У Лафузова на фабрике
Молодые есть работницы.
Они пели песню новую
Про хозяйку чернобровую:
«Госпожа наша хозяйошка,
Прикажи своему приказчику:
Не пора ли нам работушку кончать?
Наши ручки примахались,
У нас ножки приустиали работать,
Все машины притупились.
А слесаря — ти все домой ушли».

* * *

Как у Кати, да у Катерины,

Калина, малина.

Три дочери были, и все Катерины.
Первая дочь баит — выдай, мати, замуж,

Выдай, мати, замуж да за токарячка,
Да за молодого, да за холостого.
Вторая дочь баит — выдай, мати, замуж,
Выдай, мати, замуж да за слесарячка,
Да за молодого, да за холостого.
Третья дочь баит — выдай, мати, замуж,
Выдай, мати, замуж да за столярочка,
Да за молодого, да за холостого.

* * *

Мой-ет миленький
Во дале живет,
В дальнем городе.
Он работушку-то работает
Тяжелую.
Он кладет-то, кладет
Домы каменны,
Он ведет-то, ведет
Стены мраморны.
Он ни сам нейдет,
Ни письма не шлет.
Он прислал-то Дуне
Одну рубашечку.
Он велел-то, велел
Дуне вымыти:
«Уж ты вымой-ка, Дунюшка,
Вымой в речной воде,
В речной воде, не в колодезной.
Уж ты вымой-ка, Дунюшка,
Горячми слезьми.
Уж ты высуши, Дунюшка,
Ты суши ее не на солнышке,
Не солнышке, не на чёлышке,
Уж ты высуши-ка, Дунюшка,
На белой груди».

Слава богу, наш хозяин,
Поправляются дела;

Ах лю́ли, ах люли́!

Из кулька он во рогожку
С дымом вылетит в трубу.

Он за это полетит:
Поутру рано будит.

Он нас чаем не поит,
Плохи щи про нас варит;

Ни капусты, ни крупы —
Одной тепленькой воды,

Мы водицы похлебали,
Говядины — ни куска.

Все празднички работали, —
У хозяина денег нет.

Будем денег мы просить, —
Он глаза все перекосит.

Ну так черт с тобой, хозяин,
Со работой со твоей,

Со работой со твоей,
Со приказчиком дурным,

Со приказчиком дурным,
С подмастерьем дорогим!

Что за хваты за ребята
У <фамилия хозяина> живут:

Носят ситцевы рубашки
Об семидесят заплат,

На них синие халаты
Подпоясаны ремнем.

* * *

Как на Маре на реке,
На Далматовской земле,
Тут стоит труба высока,
Преогромный, большой враг.
Как во этом во врагу
Корпус длинный, полверсты.
Во стенах связи толсты.
А внутри паровики,
Там шуруют мужики,
Они день и ночь шуруют,
Во котлах вода кипит,
Колесо паром вертит.
От того ли колеса
Проведёны чудеса:
Не насмотришь в три часа.
Корпус длинный, трехэтажный,
Наверху свисток отважный.
Он завоет, заревет,
Народ на фабрику пойдет.
На завод ткачи пришли,
Они во флюсовых рубашках
И без подметок сапоги,
То зубковские ткачи.
У машины я стоял,
У рук пальцы оборвал,
Из корпуса побежал.
Тут знакомых увидал,
Своих родственников;
Отец с матерью стоят,
Все про то же говорят:
«Провались ты, Коновалов,
Со всей фабрикой новой,
Со машиной паровой».

* * *

Наш хозяин нерадив,
На работе заморил.

Испекем ему пирог —
Нам поменьше даст урок.
Испекем ему другой —
Не прогонит ли домой?
Солнышко на ели,
А мы ишшо не ели.
С рубашонок ручьи льются,
В животе кишки дерутся.
Кто на горé не бывал —
Тот и горя не видал.
На Благодати я бывала —
Горюшко узнала.
Горюшко узнала —
Руду промывала.

* * *

Не последний был красильщик,
Сам на фабрике живал.
Денег мало заработал,
По три сотни рублей в год.
А в деревне не хватило
Двадцать пять в оброк отдать, —
Где такого капитала
Нам по скудости собрать?
А еще придет красotka:
Ей сафьяны башмаки,
А на праздник воскресенье —
Сарафанчик и чулки.
А идешь с ней на гулянье,
Позабудешь и про дом —
Тут последняя копейка
Улетает вверх орлом.
Мне родители писали:
«Приезжай, родной, домой,
Приезжай, родной, домой
На машине паровой.
На машине паровой
Да верст четыреста водой,
Верст четыреста водой,
Да к отцу с матерью домой».

Я родителям в ответ:
«Да на дорогу денег нет.
Продай, тятенька, овцу,
Пришли деньги молодцу».
Я в конторе рассчитался,
А хозяин — он хитер,
Без копейки я остался,
Кулаком слезу утер.
Всю дороженьку проплакал,
Об расчете толковал,
Об расчете толковал —
Куда денежки девал.
Неприметно из кармана
Разошлись деньги вокруг:
В церкву — гривну, штрафу — руп,
Девке — два с полтиной вдруг.
Мне родители писали:
«Тебя надобно женить,
Перестанешь баловать
Да с пьянчугами гулять».
Поженили Ваню с Таней,
Так о чем же толковать?
И послали снова в Питер
Капиталы наживать.
Оглянулся на деревню,
И махнул только рукой, —
Слезы вытер, еду в Питер,
А надежды никакой.

* * *

Во приисках лето жили,
Свои жилы натужили,
А на третьем на годочке,
На последнем на денечке
Нас подрядчик рассчитал,
Ни копеечки не дал,
Только матерно ругал.
Во неволюшку отдал,
Остались малы детки
Без водички и без хлебца,

Разлучила, развела
Чужа-дальняя сторона —
Та Бисертская дорожка,
Дороженька больша.

* * *

Эх, да постыла контрашна работа,
Тошно, тошно, как тянется год,
Да у хозяина одна забота:
Ему мучить, морить бы народ.
Эх, немила да нерадостна жизнь.
Да красну солнышку нас не согреть,
Эх, да заживо в землю ложись,
Да чем голод и холод терпеть.
Да убегу, убегу я от муки,
И скроюсь в лесу я, в горах,
Да есть же пока ноги и руки,
Да пока в молодых-то порах.

ПЕСНИ 1860—1880-х ГОДОВ

• *

Уж ты волюшка, да разневоля,
Ты не знаешь мово горя!
Мое горюшко, да великое:
С горя ноженьки не ходят,
Со слез глазухи не смотрят,
Белы ручухи не робят,
Красота в лице переменилась.
Уж ты, голубь мой сизокрылый!
Ты скажи мне, где мой милый?
А мой милый друг во неволе,
Он на сахарном заводе.
Он там днюет да ночует,
Рано встанет, поздно ляжет,
А хозяин да его всё лает...

* * *

Стоит сахарный завод,
Да всё разный народ.
Три дня праздничка ждали,
Да всё праздновали;
Выходили на лужок,
Становилися в кружок.
Запоемте, братья, песню
Про <имярек> купца,
Про подрядчика-подлеца.

Кто у <имярек> не бывал,
Нужды, горя не видал.
Мы у <имярек> побывали,
Нужду, горе узнавали.
Как убросят борщу-щей,
Хоть собакам вылей.
Как убросят махана —
Только косточка одна.
На работу рано гонят;
На работушку идем,
Горьки слезы льем,
Из работушки идем —
Веселые песни поем.
... , пан хозяин,
И с заводом твоим,
С инструментом стояным,
И с твоими рядчиками,
И с подрядчиками,
Да еще с теми паничами,
Да еще с теми к ...
Мы до дому пойдём,
На другой год не придем,
И собаку не пришлем,
И соседям скажем,
И собаку привяжем.

* * *

Уж ты зимушка-зима,
Да холодна очень была.

Холодна очень была,
Все дорожки замела.

Все дорожки и пути,
Нельзя к милому пройти.

Зима-холод настает,
Да у фабричных сердце мрет.

У фабричных сердце мрет,
Им не хочется работать.

Со полуночи вставать,
У машинушки дремать.

Одна девка задремала,
Во мотыль рука попала.

Белу ручку оторвало,
Да за мастером послали.

Как и мастер-то идет,
Да стальные ключики несет.

Он машину отпирал,
Белу ручку вынимал,

За отцом с матерью послал.
Как отец с матерью идет,

Проклиная весь завод.
Распроклятый тот завод,

Никто замуж не берет.
Что ни барин, ни купец,
Ни заезжий молодец.

* * *

В шестьдесят четвертом годе
У Брюханова в заводе
Машинист рано вставал,
Нас на сменушку сзывал.
Нам не хочется вставать,
С полуночи работáть.
Я нарочно упаду,
Под машину попаду,
Белу ручку оборву.
За приказчиком пошлют...
Вот приказчики идут,
Да стальные ключи несут,
Белу рученьку найдут,
Во больницу унесут.

* * *

Что шахтерска жизнь проклята,
Кто не ведает про то?
В божью церковь он не ходит,
Он не знает про нее;
День и ночь он работает,
Ровно в каторге всегда,
Придет праздник воскресенье —
Уж шахтер до свету пьян.
В кабачок бежит детина —
Словно маковка цветет,
С кабака ползет детина —
Как лутошечка гола!
Ой, гола, гола, гола,
В чем мамаша родила.

* * *

Мужики вы, мужики,
Одним словом — дураки!
Вы во шахтах не бывали —
Нужды с горем не видали.

Вы во шахтах не бывали,
Нужды с горем не видали,
Вы пойдите в шахты с нами,
Распознаете про всё.

Вы пойдите в шахты с нами,
Распознаете про всё,
Распознаете про всё —
Про шахтерское житье.

Шахтер пашенку не пашет,
Косы в руки не берет,
Косы в руки не берет,
В казну денег не кладет.

Косы в руки не берет,
В казну денег не кладет.
Шахтер — холод, шахтер — голод,
Нет ни хлеба, ни воды.

Шахтер — холод, шахтер — голод,
Нет ни хлеба, ни воды;
Нет ни хлеба, ни воды,
Нет у воли никуды.

ДРУЖЕ

Шахтер, друже,
Мой дружок,
Неселый наш денечек.

Дни и ночи
Спину гнем,
А суху корку грызем.

Корок вволю
Не дают.
По десятку шкур дерут.

От работушки
Проклятой
В кабаках валямся пьяны,

Как собаки
В конурах.
Нужду растим на горбах.

От Миколы
До Ивана
Считай, друже, всё пропало.

Обижат нас
Всё подрядчик,
Живодер-купец, приказчик.

Лупит палкою
Смотритель
Да кричит, друже, смотрите:

«Шахтер, сволочь,
В зубы ткну
Да запрячу во тюрьму! . .»

Шахтер, друже,
Мой дружочек,
Доживай послед денечек,

Горе водкой
Заливай,
Всё равно нам помирать.

* * *

Понедельник — легкий день:
Кто на рудник, кто в курень.
Один миленький — на медный,
А другой — на золотой
И третий милый мой —
На Синару за рудой.
Ты не езд, милый мой,
На Синару за рудой,
На златые прииска,
Там работа тяжела.
Со работы руки ломит,
Со ходьбы ноги болят,
Шум в головушке стоит.
Тятенька мой,
Дай мне пачпорт годовой:
Я не буду здесь жить,
Пойду в городе служить;
Я не буду баловать,
Буду деньги наживать.
Наживу я гривенку,
Пошлю тятеньке на соль,
Наживу я рублей пять,
Пошлю тятеньке опять.

* * *

Шахтер в клеточку садится,
С белым светом распротится:
«Прощай, прощай, белый свет,
Тебя увижу али нет,
Прощай, ясная заря,
Прощай, милочка моя».
А загонщик дело знает,
Всё вагончики гоняет,
Он вагонов шесть погнал,
Себе спину ободрал,
Жизнь шахтерску он проклял.
Шахтер в яму опустился,
С белым светом распротился.
Сам он ходит со свечами,
А смерть носит за плечами.
Эх, нет на свете тяжелей,
Как работа в шахте, ей!

* * *

Как на свете живется,
Вот та песня поется,
Вот та песня поется:
«Через золото слеза льется,
Руда кровью обмывается».
Слезы льются рекой,
Рекой, широкой рекой,
Пока могилку твою
Принакроет травой зеленой.

* * *

Загудел гудок на пять —
На работу мне вставать.
Загудел гудок на шесть —
А на зданье негде сесть.

Я на клеточку садился,
С белым светом распростился.
Клетку дернуло, качнуло,
Меня в сердце колонуло.

Клетка в шахту понеслась,
Бся постройка затряслась.
Клетка к камере подходит,
Там народ стоит толпой.

Там народ стоит толпой,
Весь оборванный, худой,
Зубы ясны, глаза красны,
А рубашка как смола.

* * *

Нет, ребяташки, трудней,
Как работа шахтерей.
Шахтер рубит, шахтер бьет,
Под землею ход ведет.
Он подходит ко стволу,
В гору голос падает:
«Вы, бадейные, не спи!
Воротные, не дремли!
У нас завтра день субботний,
На получку все пойдем.
Мы получим денег много
И в кабак их понесем.

Дует, дует ветерок
Из трактира в кабачок.
Там бумажки шевелятся
И стаканы говорят!
Идет шахтер в кабачок,
Берет водку, табачок,
Пьем мы водку, пьем мы ром,
Завтра ж — по миру пойдем!»

ШИНКАРЮ КОНДРАШКЕ

Кондрат, Кондрат!
Мы к тебе идем,
Мы к тебе идем,
Все рубли несем,
Все копеечки...
От тебя идем,
Как быки орем,
Как коровушки...
Жене бок набьем...
Все бока набьем
Да и по головушке.

* * *

Чуть как зоренька зарится,
К нам будилочка стучится:

Качай, наша, качай,
Знай похаживай, качай!

Вы, ребятушки, вставайте
И в забой бегом ступайте.

Мы, ребятушки, вставали
И в забой бегом бежали.

Кто с лопатой, кто с кайлом.
Наш смотритель — становой.

Мы давай кайлить обрез —
Становой на борт залез.

Мы подколку подкалили
И отвалку отвалили.

Мы спросили про замер —
Становой на нас взревел:

«Вам известен весь наш стан —
Две сажени и... стакан!»

Мы спросили про обед —
Становой вскричал в ответ:

«Погодите, мои детки,
Не дошел обед до метки!»

* * *

На донской земле привольной,
На Макеевской степи,
На Макеевской степи
Инженеры попрошли,
Инженеры попрошли,
Пласты угля понашли.
Нашли уголь антрацит,
Там порыли ямы-норы,
Где работают шахтеры.
Одна яма есть такая,
Преогромная, большая —
Три аршина шириной,
До ста сорок глубиной,
Там проведенный шнурок,
На шнуре висит звонок.
Шнурок дернет, звонок звонит:
«Рукоятчик, не зевай!
Рукоятчик, не зевай,
Машинисту слух давай!»
Кочегар гудок дает:
Первый гудок прогудел —
Шахтер обуваться сел.
Второй гудок прогудел —
Шахтер шапочку надел.
А третий гудок подал —
Всех на здание собрал.
Подхожу я к ламповой,
Там народ стоит толпой,
Весь оборванный, худой.

Натолпилось народу,
Негде было ему встать,
Негде было ему встать,
Сейчас будет опускаться.
Мы на клетку становились
По шестнадцать человек,
Мы на клетку становились,
С белым светом распростились:
«Прощай, прощай, белый свет,
Увидимся али нет,
Прощай, солнце и луна,
Прощай, милая моя».
Клетка вихрем понеслась,
И вся зданья затряслась.
Клетка дернула — рванула,
Ах, у сердца кольнуло.
И не успел слова сказать,
Становой кричит: «Слезать!»
И мы слезли, покурили,
По продольным разошлись,
За работу все взялись,
Кто за кайло, кто за лом,
А забойщик за забой,
А сапожник дело знает,
Только лямку одевает.
Сел на саночки, заплакал,
Отца с матерью проклял,
Что на шахту он послал...
«Ох ты боже мой!
Висит камень надо мной,
Над моей головой,
Камень рухнет, упадет,
Мне голову прошибет».

* * *

Не ропщи-ка, Пашенька драгая,
Я лишаюсь, Пашенька, тебя.
Горька участь от царя-монарха —
Отсылают нас в восточные края.

Там лесочки,
Мелконьки наши зверочки.
И близ зеленого он лужка,
Близ зеленого он лужочка,
Тут сидел мальчик на бережочке,
Свежу рыбочку мальчик ловил.
Приходила к нему мать родная,
Стала сына в лице признавать.
Стала сына в лице признавать,
Стала в уста сына целовать.
«Ты, дитя, дитя мое родное,
Ты зачем сюда, дитя, попал?»
— «Восемь лет я робил в Богословском,
Я спокою себе, мальчик, не знал:
Горно-каторжны там работы,
Знать, состарили они меня».

ПЕСНЯ О КОНОГОНЕ

Вот лошадь мчится по продольной,
По темной, узкой и сырой,
А коногона молодого
Предупреждает тормозной:

«Ах, тише, тише, ради бога!
Здесь ведь и так большой уклон.
На повороте путь разрушен,
С толчка забурится вагон».

И вдруг вагончик забурился,
Беднягу к парам он прижал,
И к коногону молодому
Друзей на помощь кто-то звал.

Через минуту над вагоном
Уже стоял народ толпой,
А коногона к шахтной клетки
Несли с разбитой головой.

«Ах, глупый, глупый ты мальчишка,
Зачем так быстро лошадь гнал?»

Или начальства ты боялся,
Или конторе угождал?»

— «Нет, я начальства не боялся,
Конторе я не угождал, —
Мне приказал начальник шахты,
Чтоб порожняк быстрее давал.

Прощай навеки, коренная,
Мне не увидеться с тобой,
Прощай, Маруся, ламповая,
И ты, товарищ стволовой.

Я был отважным коногоном,
Родная маменька моя,
Меня убило в темной шахте,
А ты осталась одна».

* * *

Встань, проклятая машина,
Дай хоть раз мне отдохнуть,
Дай хоть раз усталой грудью
Посвободнее вздохнуть!
Но не слушает машина, —
Знай стучит себе, стучит.
«Отдохнешь в сырой могиле», —
Этот стук мне говорит.

* * *

Как рабочие Голубкова
С молодцами Толкачева
В кабачок зашли.
Они мало водки пили,
Только много говорили,
Да и подрались.

Подрались и помирились
И опять разговорились,
Стали водку пить:
«Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе —
В северной тайге.
Мы пески там промывали,
Людям золото искали,
Себе не нашли.
Много денег нам сулили,
Только мало получили:
Вычет одолел.
Щи хлебали с тухлым мясом,
Запивали дрянным квасом
И мутной водой.
Зачастую хлеба корка
В горле станет как распорка,
Что не проглонишь!
Что за бродни, что за шубка,
Что за табачок, за крупка,
Эдакая дрянь!
Приисковые порядки
Для одних хозяев сладки,
А для нас горьки.
Как исправник с ревизором
По тайге пойдут с надзором,
Вот тогда беда:
Один спьяну, другой сдуру
Так отлупят тебе шкуру,
Что только держись!
Давай выпьем на остатки
И возьмем опять задатки,
И айда в тайгу!..»

* * *

Как доверенный за нами
Ехал строго, с казаками:
«Ну, скорей пошел!»
Как азам на растопашку,

Знай закатывай в размаху,
Некогда стоять!
Мы на прииск приходили,
Ломы, кайлы получили
И в разрез пошли.
Из разреза приходили,
Все мы разом говорили:
«Утром нам вставать!»
Утром рано нас будили,
На работу проводили, —
Ну-ко, работать!
Нас ругали и бранили...
Так мы лето проводили,
Теперь отдыхать!
Мы в контору приходили,
А как деньги получили,
С радостью пошли!
На дорожку выходили,
Громку песню заводили
Сами про себя:
«Мы «по собственной охоте»
Были в каторжной работе
В северной тайге.
Мы теперь научились —
Больше не пойдем,
А домой уйдем!»
И домой не угодили,
На Бурахту своротили,
К Малишевскому.
Мы к нему зашли!
Тут мы пили и кутили,
Утром стали без сапог,
А кто и без порток!
Мы на Ерут приходили,
Вновь задатки получили,
Еще стали кутить!
Нас одели и обули,
У исправника отдули
И теперь — совсем!

* * *

Время — тяжелый период
Для фабричных настает.
Жмет фабричного контора,
Как в тюремном замке вора;
Цену сбавляют, пишут штраф,
На защиту нету прав.
И ни охни, ни вздохни,
Спорить — боже сохрани!
Кто не хочет подчиниться,
Надо с фабрикой проститься,
Поступить в артель «котов» —
Грязь месить у кабаков...
А ведь люди и купцы:
Есть и дети и отцы,
А на сердце у них ночь:
Чуть прогневил — поди прочь!

* * *

Во деревне-то я спородился,
Да в завод-то жить угодил.
Я робил тут, голодом бился,
Много горя, нужды испытал.
Да тяжела работа в заводе —
Полсуток горишь, как в аду,
А хозяин полицию водит,
Чтобы мы не творили беду.
За малу провинку все плети,
Всю спину сполосуют — молчи!
Эх, тяжело жить нам на свете,
Загонют нас в гроб палачи.

* * *

Измученный, истерзанный
Работой трудовой,
Идет, как жизнь загробная,
Наш брат мастеровой.

Придет зима холодная,
Ему расчет дадут,
И с ним семья голодная —
Все по миру пойдут.
В деревне тоже голодно,
Одна лишь нищета.
И холодно и голодно,
Нужда, нужда, нужда.

* * *

Жизнь наша нелегкая,
Трудно стало жить,
Семью свою родную
Приходится забыть.
Из деревни пишут:
Как ты там живешь?
Получки получаешь,
Домой денег не шлешь?
Получки получаю
В месяц рублей пять,
Иду и рассуждаю:
Куда мне их девать?

* * *

Фабричный, фабричный!
Фабричный горевой!
Три года он деньги копит,
Зараз он все пропьет!
Жена его в деревне
Три года домой ждет...
«Пойду схожу к разбойнику,
Проведаю его!»
А дети ее плачут,
Что мать в Москву идет...
Пришла жена на фабрику,
Спросила про него,

А ей тамо сказали,
Что нету здесь его:
«С хозяином расчелся,
Деньжонки получил, —
Ступай, ищи разбойника
В трактирах, кабаках».
Фонарики-сударики
По всей Москве горят,
Что видели, что слышали, —
Про то не говорят.
«Мы видели, мы слышали
Гуляку в кабаке:
Ощипанный, оборванный,
Полштоф держит в руке!»

* * *

Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машин и колес,
Свет застилает мне оченьки ясные
Каплями пота и слез.
Ах, так зачем же, зачем же лиетися,
Горькие слезы, из глаз,
Делу помеха, работа попортится,
Быть мне в ответе за вас.
Как не завидовать главному мастеру,
Вот у окна он сидит:
Чай попивает да гладит бородушку,
Знать, на душе не болит.
Ласков на вид, но придешь к нему вечером,
Станешь работу сдавать —
Всё он бранит и ругается,
Всё норовит браковать,
Всё норовит, чтоб поменьше досталось
Нашему брату-ткачу.
«Эй, ты, хозяин, надсмотрщик, приказчики,
Жить ведь я тоже хочу!»

Света лишенный, от мира оторванный
Труженик в черной пыли,
В недрах земли, преклонясь в три погибели,
Силы кладет он свои.

Смело глядит в глаза страшной опасности,
Роется крѳтом в земле.
Эх, и не жаль ему моченьки,
Всѳ для семейки не жаль.

Много вас гибнет под взрывами,
Вечная память о вас.
Много вас, жен, без мужей остается,
Много детей — без отцов.

Эх, не сладко шахтеру живется,
Но для семьи он на всѳ готов.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Вы скажите, ради бога,
Где железная дорога?
Она строилась три года,
Много было тут народа,
Усыпалась песком,
Ели хлеб с кваском,
Заливалась чугуном,
Горе тешилось вином.
Чугунина три аршина,
По ней бегают машина,
Под машиной шесть колес,
Это, бают, паровоз.
«Паровоз, паровоз,
Ты куда меня повез?»
— «Я везу тебя в Москву,
Брось ты горе и тоску».
Тоска, горе нипочем,
Разукрасим кумачом,
Кумач развевается,
Хозяин наш ругается.

ДУМА КУЗНЕЦА

Молодым пареньком
Дружбу свел с молотком,
А дожить довелось
До седых до волос.

Ах ты, молот-ковач,
Я ли не был силач?
А теперь не под стать
Мне с тобой работать!

Одряхла рука,
Ноют грудь и бока,
А пока в небе свет,
Мне и отдыха нет!

Что за лютый злодей,
За лихой чародей
Наши деньги берет,
Кровь мужицкую пьет?

Нет, не лютый злодей,
Не лихой чародей —
Именитый купец
Да царь белый — отец!

Собирайтесь же все,
Кузнецы, слесаря,
Топоры наострим
И пойдем на царя!

ДУБИНУШКА

Много песен слышал я в родной стороне,
Про радость и горе в них пели;
Из всех песен одна в память врезалась мне,
Это песня рабочей артели:

Ой, дубинушка, ухнем!

Ой, зеленая, сама пойдет, сама пойдет,

Подернем! Подернем! ухнем!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству,
И лишь только как станет работать невмочь,
Мы к дубине, как к верному средству.

Говорят, что мужик наш работать ленив,
Пока не взбороздят ему спину,
Ну, так как же забыть наш родимый мотив
И не петь про родную дубину.

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работать невмочь,
Так затащит родную «дубину».

Тянем с лесом судно иль железо куем,
Иль в Сибири руду добываем,
С мукой, с болью в груди одну песню поем,
Про дубину в ней всё вспоминаем.

И на Волге-реке, утопая в песке,
Мы ломаем и ноги и спину,
Надрываем там грудь, и, чтоб легче тянуть,
Мы поем про родную дубину.

Пускай мучат и бьют, пускай в цепи куют,
Пусть терзают избитую спину, —
Будем ждать и терпеть, и в нужде будем петь
Всё про ту же родную дубину.

Мы пируем при блеске огней на балах,
И шутя мы поем про дубину,
И забыли про тех, кто сидит в кандалах
Всё за ту же родную дубину.

Но ведь время придет, и проснется народ,
Разогнет он избитую спину
И в родимых лесах на врагов подберет
Здоровее и крепче дубину.

КАМАРИНСКАЯ

Ах ты сукин сын, проклятый становой!
Во всю прыть бежишь, раздуй тебя горой!
Целый стан, поди, как липку ободрал;
Ах ты сукин сын, чтоб черт тебя побрал!

Ах ты сукин сын, помещик-грубиян!
Чай, надул уставной грамотой крестьян,
Ах, землей как есть негодной наделил,
Черту с богом в одно время угодил!

Ах ты сукин сын, ярыга пьяный поп!
Полицейский да помещичий холоп,
Что бежишь опять о воле божьей врать?
Стыдно харей постной бога надувать.

Ах ты сукин. . . то бишь царский адъютант,
Что, на девок зарясь, свой теребишь бант?
Для чего навел ты к нам в село солдат?
Не стрелять ли, стерва, вздумал невпопад?

Нет, брат, шутки, воле нашей не перечь!
Ноне вам уже нас более не сечь!
Коль земли своей да мир не господин,
Так и царь-то наш тоже сукин сын!

* * *

По пыльной дороге телега несется,
А в ней по бокам два жандарма сидят.

Сбейте оковы,
Дайте мне волю —
Я научу вас
Свободу любить! .

Юный изгнанник в телеге той мчится,
Скованы руки, как плети висят.

Дома оставил он мать беззащитную,
Будет она горевать.

Дома оставил он милую сердца,
Будет о нем тосковать.

Вспомнил он, бедный, про дело народное,
Вспомнил, за что пострадал.
Вспомнил и молвил он: «Дайте мне волю —
Я научу вас свободу любить!»

* * *

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу!

Порой изнывали по тюрьмам сырым;
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи изрекали порой,
И шли вы, гремя кандалами.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая!

Настанет пора, и проснется народ
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья! Вы честно прошли
Ваш доблестный путь благородный.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ

*Замученному в остроге Чернышеву,
борцу за народное дело*

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил. . .
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил. . .

Служил ты недолго, но честно
Для блага родимой земли. . .

И мы, твои братья по делу,
Тебя на кладбище снесли.

Наш враг над тобой не глумился. . .
Кругом тебя были свои. . .
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои. . .

Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах, —

Нет, злоба нас только душила!
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись. . .

С тобою одна нам дорога:
Как ты, мы в острогах сгнием. . .
Как ты — для народного дела
Мы головы наши снесем,

Как ты — мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых,
Грядущих и доблестных дней. . .

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подыметесь мститель суровый,
И будет он нас посильней.

* * *

Не трава в степи колыхается,
Не в дубраве ветер шумит —
Клич удалый, мощный слышится,
В бой с врагом идти велит.

То не кречеты слетаются,
Чуя близость мертвецов —

Люд рабочий ополчается
Мстить за дедов и отцов.

Не страшат борцов мучения,
Ни тюрьма, ни эшафот;
Полны мужества, презрения,
Смело движутся вперед.

Так восстань же, сила мощная,
Против рабства и оков!
Суд чини, расправу грозную:
Зуб за зуб и кровь за кровь!

Западет пусть в душу каждого:
Подлость, зло с земли стереть
Иль на трупе брата павшего
За свободу умереть!

Братья! дело наше правое:
Смело в путь идти должно;
Пусть нас сотнями ссылают;
Будь что будет — всё равно.

Чем всю жизнь прожить под гнетом,
Лучше разом кончить с ней,
Жить, как жили мы доселе,
Это — жизнь меж двух огней.

Пусть горит в душе отвага!
Пусть пылает правдой речь!
Пусть девизом нашим будет:
Победить — иль с честью лечь!

Хлынем, братья, не робея,
Как потоки вешних вод!
Пусть для деспота со сворой
Час отмщения пробьет!

Так сойдемся, братья, дружно
Чашу братства вместе пить,
Чтоб над павшим монархизмом
Знамя равенства развить.

ТКАЧИ

С утра до ночи в заботе
Мы на фабрике в работе,
Чисто как в аду.
Как пришел — пальтишко скинул,
Взял крючок, согнувши спину
Целый день в ходу.
Шибко вертится станок;
Вдруг: ту-ту — летит челнок
И ударит в бок.
В краю нитка порвалась,
И корзина наплелась, —
Ткач остановил.
Отвернул набор рукою,
Взял щипцы, полил водою,
Голову склонил.
Он таскал нитку за ниткой,
Тут ему с соседней кидки
В спину челноком.
Он назад тут обернулся,
Шибко, крепко он ругнулся,
Грозил кулаком.
Взял щипцы, на место вторнул,
И навой назад надернул,
И станок пустил.
На другой оборотился
И за ручку ухватился,
Плюнул на станок.
Там корзина пребольшая,
Да широкая такая —
Задаром кусок.
Тут станки оба на якорь —
Чуть с досады не заплакал
И в заход пошел.
Там полным-полно народу;
Говорят, с нового года
Вздорожит вино.
Об вине, братцы, не дело,
Надо взяться нам за дело —
Плохо нам житье.
Всякий ткач про это знает,

Как хозяин обирает
Всех нас дочиста́.
На Канаве забастовка;
От хозяина прибавки
Требуют ткачи.
И нам тоже, братцы, надо,
Черт с ней, за год рубль награды!
Давай и мы.
А и то ведь, братцы, дело,
Ну-ка дружно все да смело
Крикните «ура!».
Тут все разом закричали,
Вон из фабрики бежали:
Стачка и у нас.
Вот за это тоже дело,
Что стакнулись дружно, смело,
Нас в тюрьму сажать. . .
Нас жандармы забирали,
По тюрьмам всех разогнали,
Всех по одному.
И допрашивали нас:
«Кто зачинщик был у вас,
Что за человек?»
Мы жандармам отвечали:
«Мы зачинщика не знаем,
Все мы таковы.
Нам зачинщика не надо,
Наш хозяин обирало,
Всему он виной,
Обижает нас кругом,
Не кнутом бьет, а рублем,
Всё пишет штрафы.
Вот за эти-то штрафы
И стакнулись-то мы,
Чтобы не писал,
Чтоб прибавил за работу,
В ночь под праздник не работать —
Не по силе нам.
С восьми вечера ты станешь,
До восьми утра прядешь —
Тут-то каково!
В голове тут закружится

И в глазах уж помутится,
Ходишь как глумной.
А машина всё вертится,
И в руках уж не спорится,
И присесть нельзя.
На окно если присел,
То полтинник, глядишь, съел:
Штрафуют тебя».
Ай да славно песня вышла
Про житье-бытье фабрично,
То-то молодцы!

* * *

Я хочу вам рассказать,
Как нас стали обирать
Дармоеды-кулаки,
Полицейские крючки.
А министры да цари
На нас смотрят издали —
Указ новый написали,
Чтобы чище обирали;
Попы пьяные орали,
Народ бедный надували.
Царь наш, батюшка-спаситель,
Нашей шайки предводитель,
Хорошо ты управляешь:
Честных в каторгу ссылаешь,
Суд военный утвердил.
Полны тюрьмы лонабил,
Запретил всему народу
Говорить ты про свободу;
Кто осмелится сказать,
Велит вешать и стрелять.

* * *

Сипло гудок завывает,
Властно рабочих зовет;

Невский завод оживает,
Крови и поту он ждет.
Злобно скрежещут машины,
Четко стучат верстаки;
Ломит рабочие спины,
Нехотя гнутся они.
Сипло гудок завывает —
Кончился день трудовой;
Невский завод засыпает,
Крови напившись людской.

ПЕСНИ 1890-х—1917 ГОДОВ

* * *

Последнюю рубашонку
У вальцов трепали:
По двенадцати часов
Отдыха не знали.

Годы многие без смен
Красим мы резину,
Нас не знают как людей,
Знают как скотину.

Сажа в тело и лицо
Коростой впивалась.
Эх, а мыла никогда
Нам не полагалось.

Мы по улицам ходили
Грязные, как черти.
Лишь в субботу в бане мылись —
Так до самой смерти.

* * *

У Корзинкина во ткацкой
Дух поповский да кулацкий.
Здесь рабочий словно нищий:
Без квартиры и без пищи,
Миллионы барышей
Создает для торгашей.

Кто на Охте не живал,
Тот горя не знает,
А мы жили-поживали,
Все горе узнали.
«Ай фабричные девчонки,
Почему все бледны?»
— «Потому мы худы, бледны,
Что живем мы бедно,
Поутру рано встаем,
Поздно спать ложимся,
У нас машинушки худые,
Шпинделя кривые;
Подмастерья молодые
Ни черта не знают,
Только знают-понимают —
К мастеру подводят,
Мастера-то англичане
Всё штрафы становят».

К РАБОТНИЦАМ КАРТОЧНОЙ ФАБРИКИ

Жизнь в заботе, жизнь в неволе,
Жизнь, погрязшая в нужде! . .
Нет трудней девичьей доли
В рабском варварском труде.

Только лишь наступит утро,
Мы на фабрику спешим.
Как ни тяжело, как ни трудно,
Всё работаем, молчим.

Кто нас только тут не травит,
Кто коварно не теснит,
Кто не правит, кто не давит,
Как отъявленный бандит!

Мастер Цубе нас терзает,
Нет подлея его души;

Он сначала разорвет,
Рвет последние гроши.

Разоривши, призывает,
Как рабынь, в свой кабинет
И в любовниц обращает . . .
На него управы нет!

Злая Катька-писариха
Крови много нашей пьет.
Как голодная волчиха,
Взятки с нас она дерет.

А не дашь — совсем прогонят
И последнего лишат.
Так живет народ и стонет,
Проклиная жизнь, как ад.

Что ж терпеть нас заставляет
Это варварство людей?
Что нам честно жить мешает
Жизнью вольною своей?

Это наше несогласье
И мертвящая нужда,
И мертвящею нуждою
Нарожденная вражда.

Мы могли б объединиться,
Сбросить иго с плеч долой,
Только стоит нам сплотиться
Вместе тесною стеной. . .

Чем постыдно преклоняться
И позор такой нести,
Будем, сестры, мы бороться,
Чтобы честь свою спасти.

Будем все, не уставая,
Против варварства стоять,
Чтобы челядь эта злая
Не могла нас пожирать.

Пусть теперь мы терпим муки!
Знайте, счастье впереди.
Пусть не дрогнут ваши руки,
Не замрет огонь в груди.

Посмотрите, наши братья
Шлют из всех далеких стран
Угнетателям проклятья,
Собираясь в дружный стан.

Разрушайте же оковы!
Путь нам общий всем лежит:
К жизни светлой, к жизни новой,
Где свободы луч горит!

ФАБРИЧНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ах, баиньки, баиньки,
Спи, пока ты маленький.
Когда будешь подрастать,
Будешь горе-нужду знать.
Когда большой подрастешь,
Ты на фабрику пойдешь.
Там ты будешь работáть,
Будешь денежки давать.
Работать надо без конца. . .
Ты не будь, сынок, в отца.
Он кувалдой день-ночь бьет,
Как получит, всё пропьет.
Отец денежки пропьет,
Домой с песнями придет.
Песни пьяные поет,
Нам покою не дает.
Если буду унимать,
Станет драться, приставать.
Вот какая моя жисть,
Хоть живая в гроб ложись.
Я б живая в гроб легла,
Только бросить жаль тебя.
Днем на фабрике работаю,
Ночью зыбку я качаю.

ПРИЧИТАНИЕ ПО РАБОЧЕМУ

Чудо случилось, что диво сдвигалось,
Была думушка не думана,
Была мыслина не мыслена,
Что придет тебе такая смеретушка
От тяжелой работушки.
Верно, не спас тебя божий господи
На такой работушке.
И оставил меня круглой сиротинушкой
Со малыми детушками.
Как же я буду жить,
Как же я буду без тебя,
Моя венчальная, законная семеюшка.
Будет жить мне тяжелешенько
Без тебя, моей законной, венчальной семеюшки,
Тяжелешенько и труднешенько,
Не забыть мне тебя, кручинной головушки.
Мне подсесть к своей законной головушке,
К своей венчальной семеюшке,
Мне подсесть в последний разочек.
Остались тебе последние часочки,
Твои последние минуты.
Часок к часочку подвигается,
Минута, минута кончается.
И всё твое-то потеряется.
И понесут тебя сегодняшним господним денечком,
И ты пойдешь не в гостибище
И не на веселое весельице —
И понесут тебя на воскат-гору высокую,
На могилушку умершую.
И зароят тебя желтым песочком,
И не встанешь и не выстанешь;
И я осталась несчастная головушка
Со малыми со детушками.

* * *

Пошел мой муженек родненький,
Моя удала головушка,
На тяжелую работушку.

Принесли мне весточку нерадостну
Со казенной тяжелой работушки,
Что свезли моего мужа родненького,
Мою удалую головушку,
Во казенное вить гнездышко.
Обмерло мое ретивое сердечушко,
Как болели его резвы ножушки,
Сколько прошло долгих годиков,
Я ходила, притопталася. . .

* * *

- Он не брал громадных взяток,
Был доволен небольшим:
Кто принес яиц десяток,
Того ставил он старшим.

А кто хочет прибавленья
Получить побольше в год, —
Пусть приходит в воскресенье
К нему чистить огород. . .

Но на вальцах от старанья
Будь ты мокрый хоть всегда,
А отличья в воздаянье
Не получишь никогда.

В ВАЛЬЦОВКЕ

Бедный я детина:
Чуть хочу вздремнуть —
Вдруг, глядишь, морщина —
Надо натянуть.

Пропадает спячка,
Встанешь, хмурия лоб.
Тут опять горячка —
Старший кричит: «Стоп!»

Вмиг свою машину
Я остановлю.

Ох, эту проминку
Как я не люблю!

Не люблю, сударик,
Ведь ноги болят,
А тяжелый валник
Мне нести велят.

Эх, трудно, товарищ!
Удел наш таков:
Работать в ночную
Двенадцать часов.

* * *

«Вот что-то сердце заболело», —
Шахтер жене своей сказал.
— «Али погибель свою чуешь?»
Шахтер жене не отвечал.

«О чем, о чем, отец, горюешь? —
Сынок приветливо спросил. —
Али несчастье случилось,
Али тебя кто огорчил?»

— «Отстаньте, дети, не мешайте,
Где же лампочка моя?
Скажи, жена, мне, дорогая,
Скажи всю правду для меня».

Надел пиджак свой запыленный,
Картуз накинул на себя,
И сердце бедное забилося,
Шахтер на шахту пошагал.

Ох ты, шахта-лиходейка,
Иду покой твой нарушать.
Иду я рыться в твоих недрах,
Семье, что надо, доставлять.

У меня семья-то небольшая,
Всего лишь десять человек,

И старший сын плохой помощник,
Ему всего двенадцать лет.

Пришел на шахту, стал спускаться,
На двести сажен ушел вглубь...
По шахте крики раздаются:
«Обвал, обвал!» — кричит народ.

Гудки тревожно прогудели,
Рабочие в кучу собрались.
Сто двадцать насмерть задавило,
А остальные все спаслись.

«Гудки давно уж прогудели,
А папы что-то долго нет.
Али несчастье случилось,
Аль за гостинцами зашел».

Вдруг в окошке кто-то стукнул.
«Наверно, папа наш идет!» —
Детишки разом соскочили,
А мать их бросилась вперед.

И с шумом двери растворились,
Заходит в комнату сосед.
И, к удивлению семейства,
Он весть нерадостную принес.

«Твой муж убит, зарыт землею,
И вечный там ему покой».
— «Ой ты папа, родной папа!
Зачем ты нас не взял с собой?»

Ой ты шахта-лиходейка,
Зачем ты мужа отняла,
Детей навек осиротила,
До нищеты их довела!

Ой ты шахта-лиходейка!
Зачем ты мужа отняла,
Детей всех по миру пустила,
А мать с тоски в постель легла!

* * *

Посылают шахтеры и свет и тепло
В города, во дворцы для богатых.
Паразитам уютно, приятно, светло,
А шахтеры считают заплаты.

За страданье, нужду, за тернистый наш путь
Обещают нам счастье на небе,
А чтоб в рай угодить, нужно в гробе уснуть, —
Там забудешь заботу о хлебе.

Беспросветная жизнь тянет лямку труда,
Ни отрады, ни счастья не зная.
В темной шахте тебя поджидает беда,
А в казарме жена проклиная.

Только слово промолвишь — расчетом грозят.
Походи, погляди по сторонкам:
Никуда ведь шахтеру податься нельзя, —
Всюду церковь, тюрьма да казенка!

* * *

В шахте молотки стучат,
Фонари едва горят,
Мина зажигается,
Люди разбегаются.
Тяжко, братцы, вековать в труде,
Некуда укрыться нам в беде.

Всё одно, всё одно!
Молотками постучать,
Света божьего не видать.

Под землею холодно,
Под землею и темно.
Ноженьки мои болят,
И трудненько мне дышать.

День ли, ночь ли — нам всё одно,
Под землею всегда темно.

Колокол как зазвонит,
Всяк подняться вверх спешит,
Смена новая придет
И работать вновь начнет.
Солнышка почти нам не видать,
Время нет, чтоб милую ласкать!

* * *

Бывали дни несветные,
Про них песню споем.
За рюмочкой полштофочки
С горести соъем.
Вот встанешь рано утречком
И глазки чуть утрешь,
Спина твоя больней болит,
Тяжела голова.
Из шахты когда вылезешь,
На сто чертей похож,
Как бабушка загробная,
В кабак тогда ползешь.
Про горести несветные
Мы песенку споем.

* * *

На Трофимовском угоре
Мы катались кораблем.
Одну беленьку бабенку
Опрокинули вверх дном.

Эта бабочка фартова
Не в обиде бы на нас,
Да мужик ее, заноза,
Тут же был на этот час.

Перво бабу сбил с копыльев,
А потом пошел пылять:
«Это что еще за мода
Детну бабу заголять?»

Шире-дале поднялося,
Матерка до облаков. . .
Набежало тут с угору
Сколько хочешь дураков.

Голоруким драться скучно,
А правилочки на что?
Искорябали все рожи
Ни за что и ни про что.

Эх, сысертски вы, сысертски,
Сколь в вас много дурака!
Вы почто разодрались
Из такого пустяка?

Если рученьки зудятся,
Нехитро ведь их размять.
Шире рыло подвернется,
Вот тогда и поздырять.

А правилочка-снастинка
Очень ловкая в руках.
Нос убавить, глаз подставить
Можно этак, можно так.

Хочешь — утычью работай,
Хочешь — попросту глуши.
Эх, правилочки-правилки
Шибко в драке хороши!

* * *

Эх, Шиповка, ты Шиповка,
Косогором улочка.
На тебе, Шиповка, жизнь —
Всё одно разгулочка.

У Коростенки отведашь,
А Паруньки подопьешь,
А к Верховскому-хромуле
Еле ноги волокешь.

Всё узнать-то нам охота,
Из какой посуды пить.
Добры люди, пособите,
Научите, как нам быть.

У Коростенки гранчата,
У Паруньки рифлена,
У Верховского-холеры
Всё зеленого стекла.

Эх-эх-эх-хе-ха,
Всё зеленого стекла!

Ты Шиповка, ты Шиповка,
Камениста улочка,
Сколько бабы слез пролили,
Ни одной грязиночки.

Сколь мы крови проливали,
Не жалели мы голов.
Полысались ножами,
Не чурались топоров.

Неодинова случалось
До сибирского греха,
Только это всё напрасно —
Наша улочка суха.

Добры люди, пособите,
Научите дураков!
Не иначе нам поставить
Еще пару кабаков.

Эх-эх-эх-хе-хох,
Еще пару кабаков!

Прощай, Сысерть моя родная,
Хоть провалиться бы тебе.
Такая жизнь у нас худая,
Что не увидишь и во сне.

Работа каторжна до поту.
Ребяток — божья благодать...
У бабы брюхо понаруже,
И у себя кругом видать.

За что мы муку принимаем,
Почто мы только тут сидим?
Кака нас муха укусила,
Что будто нам завод один?

Заколочу свою избенку,
Возьму детей с собой, жену,
Наденем сумочки холщовы,
Пойдем искать свою судьбу.

Уж лучше по миру шататься,
Чем тат с работой голодать.
Прощай, любезные соседи,
Мне больше вас не увидать.

Прощай ты, улица Шипова,
Прощай, зеленая трава!
Почто, почто ты загубила
Мои злосчастные года?

Почто я только тут топтался,
За что соседей материл?
Хорошей жизни не дождался
И ни хрена не получил.

ЦАПЛЯ

На Сысертском на заводе
Цапля ставится клеймо —

Ноги тонки, нос толстенный,
Нам не всё ли то равно ...

Пущай ходит по болоту
Да лягушечек глотат.
Только наша, братцы, цапля
Молодых глохтит ребят.

Как двенадцать лет мальчишке,
Он колодочки надел,
В синю пестрядь обрядился,
На шуровочку поспел.

Паленьговска плаха — охнешь,
А получечка легка.
Поту выпустишь полпуда —
Не получишь ни черта.

Этак года два проробил,
На урода стал похож.
Ясны глазки призатухли,
А работай, хошь не хошь.

Горько, горько нам, ребята,
Под железной цаплей жить.
И большим не много ходу,
Не умеют ее сбыть.

Погоди, проклята птичка,
Подшибем тебе пакли,
Нос на сторону своротим,
Расколотим вам мозги.

Ты Подгорна, ты Подгорна,
Кистени тяжелые.
Научи избыть цаплюгу,
Мы к тому готовые.

Мы пройдем Сысерть до краю,
Вплоть до царского столба,
Попетану стекла вставим,
Немогутку — за бока.

* * *

В малахитной он робил,
На рассылки поступил.
Проходил годочков пять,
Надо выше поднимать.
Чтобы выше подняться,
Надо в шахту спуститься.
С четырех ночи будят,
На поденщину звонят.
Он полсуток проробит,
Домой мокрый весь бежит,
И последний он пятак
К шинкарю несет в кабак.

* * *

Работал я работушку
И сам платил налог,
Что-то занеможился,
И я в больницу лег.

Три месяца ровнехонько
В больнице пролежал,
Товарищу-приятелю
Целковый задолжал.

Я вышел из больницы,
И денег ни гроша.
Теперь мое житышко
Не больно хорошо.

* * *

Распроклятый Турчанин,
Со заводом со своим!
Жерди из лесу возили,
Огороды городили,

Огороды городили
И заводы становили.
Уголь жгли, руду копали,
Свою спинушку теряли;
Свою спинушку теряли,
Турчанина проклинали:
«Распроклятый Турчанин,
Со заводом со своим!»

* * *

Распроклятый наш завод
Перепортил весь народ:
Кому палец, кому два,
Кому по локоть рука. . .

* * *

Грудь расшиб себе два раза
У мартыновских печей,
Я ослеп на оба глаза —
Хоть бы голову с плечей! . .

* * *

Управитель наш подлец,
Всех замучил нас вконец:
В будни тяжело работаем,
В праздник отдыха не знаем.

* * *

Эх ты, маменька родима.
Ты зачем меня родила?
Всё забота да работа
До тяжелого до пота,
Она душит молодца,
Эх, до самого конца.

* * *

Заперты мы на заводе
Тяжелой неволей:
Много долгу на народе,
Всяк себе не волен.

* * *

Никуда нам нет пути,
Ни уехать, ни уйти.
Управитель это знает,
Нами лихо помыкает.

* * *

Посмотрю на своо сына,
Сердце оборвется —
Та же горькая судьбина
Ему достается. . .

* * *

Тяжело, братцы-ребята,
Тяжело на свете жить,
За то можно ведь, ребята,
В вине горе утопить. . .
    Э-эх-ма! . . .
В утешенье нам дано
Монопольское вино.

* * *

Белорецкий завод славный:
На реке Белой стоит.
Управитель у нас главный
Одним глазом вверх глядит.

* * *

Затряслась земля сырая,
В гору реки потекли:
Стопудовую мадаму
Черти с лошади снесли.

* * *

Инженеру <имярек>
Паром рыло обварило.
Жалко нам, братцы-ребята,
Что всего не окатило.

* * *

Как вечернею порою
У заводских у ворот
Собирался весь народ,
Собирался весь народ
Как не в славный хоровод,
Не в военный то поход.
Ой нет да, нет, ой ли нет да,
Собирался весь народ,
Видит, мастер наш идет,
Видит, мастер наш идет,
С собой барина ведет.
Ой ли да, ой ли да, да!
С собой барина привел.
Барин речь таку повел,
Барин речь таку повел,
Ой повел, повел, повел, да!
«Расходитесь-ко, ребята,
По казармам, по домам,
Всё равно рубля не дам,
Всё равно рубля не дам,
Ой ли дам да ли я не дам.
Не пойдете по домам,
По казармам, по углам,
Я приказ тогда отдам.
Ой отдам ли я отдам,
Накладут вам по шеям».

Как на Сормовском заводе
Разговор прошел в народе,
Что Мещерский уезжает,
А Приемский приступает.

Вел Мещерский дело строго,
На словах сулил нам много.
Забастовки точно были
И штрафы с шеи свалили,
Облегчили чуть работу,
На два часика в субботу.
А Приемский как вселился,
Метлой новой заявился.
Он заводом управляет
И штрафы нам возвращает.

Эй, Приемский, ты скотина,
У тебя есть лоб и спина.
А такую-то скотину
Что ж не двинуть камнем в спину.

СОРМОВСКАЯ ПЕСНЯ ПРО БЕНАРДАКОВСКИЙ ЗАВОД

Там, где Волга протекает
Полосой громадных вод,
Вероятно, всякий знает
Бенардаковский завод.

С первой утренней зарею,
Чуть забрезжится восток,
Будит эхо над водою
Оглушительный свисток.

Старый, малый, трезвый, пьяный
По свистку спешат в завод.

Драки, брань и говор пьяных
Раздается у ворот.

А в проходной конторе чинно
Штаб приказчиков сидит.
Судняков, как бочка винна,
Рыжьев, всколоченный на вид.

Федосей Михайлыч старый
Смотрит странным чудачком,
Симаго зато огромный
Дышит злобно чесноком.

Интересы Бенардаки
Он, как верный пес, блюдет,
И, клянусь, такой собаки
Вряд ли в мире кто найдет.

«Тридцать пятый! Сто девятый!» —
Восклицают слесаря,
И вручает бородатый
Симаго им номера.

А опоздаешь две минуты,
Не может номера принять,
И с надутыми губами
Он кричит: «. . . .!»

* * *

На Нижнетагильском заводе,
Над старым большим рудником,
Стряслася беда роковая
Над тем молодым бедняком.

В ту пору хозяйские лапы,
Как когти, держали нас всех,
А Важгин-артельщик всё хапал,
И то не считая за грех.

Он брал и деньгами, и хлебом,
И сахарным мелким песком.
На наши, на кровные деньги
Себе он повыстроил дом.

Себе он повыстроил терем
Из красных больших кирпичей.
Из нас-то ведь всякий был беден
И много ему проработал ночей.

Важгин, по приказу Павлухи,
Входил к нам ко всякому в дом
И каждого гнал на работу
Большим коногонным кнутом.

И все мы до время, до поры
Ему подчиняться должны,
И все на работу ходили
Весь год от зари до зари.

Но время пришло — и явился
Средь нас удалой тот бедняк,
Он богу вовек не молился,
И нам говорил он всем так:

«Товарищи, братья родные,
Довольно вам спины ломать
За то, чтоб хозяевам-чертям
На ваших трудах отдыхать.

Прошло то несчастное время,
Павлухе не век управлять,
Мы сами добьемся управы
И не станем на бар работать!»

Но он говорил, а Павлуха
И с ним кровопивец Важгин
Призвали казаков с полсотни,
И был им приказ лишь один:

«Стрелять, не жалея патронов,
Коль будут идти против нас!»

Издали они приказанье,
Урядник отдал их приказ.

А сами бедняка молодого
Сковали они в кандалы
И, не давши с семьею проститься,
Провели вдоль тюремной стены.

С завода его по этапу
Угнали скорей на Байкал.
И умер бедняк там безвестно
Среди тех безрадостных скал.

А дома остался родитель
И старая, дряхлая мать. . .
И будем мы дружно, ребята,
Его за упокой поминать.

ЧЕРМОЗСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Мы собрались здесь толпою
Просить получше нам пожить,
Прибавки дать к поденной плате,
Жердьем, дровами наделить.
Нам школу новую построить,
Чтоб наших деток обучить.
Так мы, рабочие, просили,
Стояли мирно у крыльца.
Пивинский — Чермоза правитель —
С усмешкой слушал до конца:
«Кто недоволен — не работай,
Я вас-то силой не держу;
Найму других и дам дороже,
Жердьем, дровами награжу.
А вам же, други чермозяне,
Прибавки — фигу покажу.
А вы, которые просили,
Об этом больше ни гу-гу.
И вам всем за эти просьбы
Одеться в лапти помогу. . .»

— «До время как бы не напился
И сам бы лапти не надел!
Рабочей кровью ты опился,
Ты нашим потом разжирел!»
Толпа рабочих не стерпела
Насмешки горькие сносить,
Свобода русская велела —
Врага в лапотках поводить.
А бабы нищие с сумами
Сводили к проруби поить.
Поили тем, к чему привыкли,
Витушкой дали закусить.
«Ты разорил все наши семьи,
Заставил по миру ходить».
«С работы тяжкой я хвораю,
Ты должен пенсию платить. . .»
«Голодной смертью помираю,
Мне нужно семью прокормить. . .»
«Ты нас невинно увольняешь,
Работ в заводе не даешь,
Невинных девок покупаешь,
Богатство князя продаешь. . .»
— «Довольно, братцы, не корите,
Завеса спала с глаз моих,
Просите всё вы, что хотите,
Я, что могу, даю для вас. . .»
Но вот настал и час расплаты,
К допросу требуют всех нас,
В тюрьму попались депутаты.
Куда же правда убралась?
И где народная свобода,
Свобода совести-то где?
Куда ты скрылась от народа,
Или ты сидишь в тюрьме?

* * *

По течению невских вод
Стоит Обуховский завод,
Там, как будто на беду,
В 1901 году, в мае месяце тогда

Там случилась беда,
И теперь молва идет:
Сбунтовался весь народ,
Свистки грустно возвестили,
Что работу прекратили.
И матросов нам прислали
И стрелять им приказали.
Потом нас замели
И в пересыльную свезли.
И с пересыльной-то потом
Предварительный нам дали.
В предварительный втащили,
В одиночку заключили.
По галереям вы пойдете,
Номеров массу найдете,
Номерки вверху висят:
«Одиночные» — гласят.
Если хотите знать весь план,
То с первых слов я передам.
Там от двери до окна
Две сажени, как одна.
Поперек сажень косая —
Значит, камера большая.
И по стенке чинно в ряд
Программы с правилом висят.
Рядом полочка прибита,
Сухарями сумочка набита,
Кружка, миска тут стоят
И что-то мухи говорят.
Если скучно будет вам,
Приходите тогда к нам.
А теперь пока прощай,
Одиночка, не стращай.

* * *

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Смуту усмирять,
Ох, смуту усмирять!

Рано утром нас будили.
Не кормили, напоили
Водкою одной,
Ох, водкою одной!
Много силы у солдата,
Но давить родного брата
Можно лишь спьяна,
Ох, можно лишь спьяна!
Подготовив понемногу,
Повели нас в путь-дорогу;
К Невскому пошли,
Ох, к Невскому пошли.
Тут в дворы нас засадили
И настрого запретили,
Чтобы не орать,
Ох, чтобы не орать!
Не по нас была засада,
Земляков брала досада
На такой приказ,
Ох, на такой приказ!
Долго ль, мало ли сидели,
Не шумели, не галдели,
Слышь, команда нам,
Ох, слышь, команда нам!
Выходите на тревогу,
Фараонам на подмогу,
Клейгельс ослабел!
Мигом вышли на свободу,
Видим тысячу народу:
Тут и статский, и военный,
И бродяга, и поштенный,
Весь народ шумел,
Ох, весь народ шумел!
Сперва зачали студенты,
Подхватили тилигекты,
Подсобил народ,
Ох, подсобил народ!
Драка, свалка началась,
Бросились и мы.
Молоток пошел тут в дело,
Офицеришку влетело,
Кровью залился,

Ох, кровью залился!
Храбрый Клейгельс-генерал
Всё подальше удирал
И с коня кричал,
Ох, и с коня кричал!
А Вяземский-генерал,
Тот на Клейгельса кричал:
«Ваш-ство, не смей мешаться
Не в свои дела,
Ох, не в свои дела!»
Как пришли домой мы в роту,
Принесли одну заботу,
О своем грехе!
Ох, отцы вы командиры,
Опоганили мундиры,
Чистые досель,
Ох, чистые досель!

* * *

Как четвертого апреля,
Утром, раннею порой,
Только встать едва успели,
Барабанный слышен бой.
Вот гремит замок тяжелый,
Отворилась дверь тюрьмы,
Входит стражник к нам суровый,
Но не пали духом мы.
Приказал нам одеваться,
Тотчас следовать за ним.
Стали с башен мы спускаться
Вниз по лестницам крутым.
Мы из башни выходили,
Становились по два в ряд.
Всё начальство тут же было,
И солдат тут был отряд.
«Две шеренги! Рота, стройся!» —
Раздался команды глас.
Сердце сжалось, но не бойся,
Не страшна за правду казнь.

И начальством отряда
Строгий отдан был приказ:
«Зарядить винтовки надо!»
Всё исполнено тотчас.
И солдаты со штыками
Стройно «шагом марш» пошли,
Барабан гремел. Пред нами
Черный флаг они несли.
Грустно шли в рядах солдаты
По плотине вековой.
Плач и стон всех нас, собратьев,
Наполнял сердца тоской.
Вот на площади соборной
Нам кобылина видна.
Перед зданием конторы
Возвышается она.
Воз, наполненный лозами,
За кобылиной стоял.
И горючими слезами
Народ на площади рыдал.
Свершилась казнь, и кровь пролита
Рукою грозных палачей.
Земля родная окропилась
По воле дерзостных судей.
О будьте, деспоты, прокляты,
Все, кто невинную льет кровь!
Для вас нужны штыков оплоты,
Чтоб превратить народ в рабов.

ПОБЕГ

То не соколы сизокрылые
Улетели в небо прочь —
То ребята, сердцу милые,
Убежали в эту ночь.

Из тюрьмы, из заточения,
Чтобы волю повидать,
Позабыть свои мучения,
Вольной грудью подышать.

И, связавши крепко-накрепко,
Как веревку, простыни,
В час ночной они спустились
Из окна своей тюрьмы.

И один солдатик смелый,
Свой же брат — мастеровой,
Был свидетель той пропажи
В час полночный роковой.

Но солдатика лихого
Не нашли уж под окном,
Лишь шинелька удалого
Тут валялася с ружьем.

Шапка тоже тут лежала
Вместе с ними на снегу,
Но о бегстве не сказала
Грозной страже ни гу-гу.

Слава вам, борцам свободы,
Что решились бежать, —
Знать, просилось для народа
Сердце снова работать.

Слава славному солдату,
Что себя не пощадил,
И, подавши руку брату,
Он свободе путь открыл.

* * *

Вот гудок прогудел на заводе, —
Я, тебя дожидаясь, стою;
Вижу, ты показалась в народе,
Я приметил головку твою.

Погоди же домой торопиться:
Я принес тебе грустную весть —
Нам с тобою придется проститься
И разлуки часы перенести,

Ну, зачем ты навзрыд зарыдала
И лицо заслонила рукой?
Ты и так истомилась, устала,
Нужен отдых тебе и покой.

Я за общее дело страдаю,
За рабочее дело стою.
Жалко мне, я тебя покидаю,
Дорогую подругу мою.

Ночи мрак нам приносит страданья.
Верь, что близок желанный рассвет, —
Я вернусь к тебе вновь из изгнания,
Не тоскуй, помни данный обет.

Видишь, тень притаилась у входа,
Эта тень караулит меня.
Ну, прощай! Буду ждать у завода,
Верь и жди того светлого дня.

* * *

Ах, зачем ты, ямщик, перестал песню петь,
Приумолк и такой ты угрюмый?
Колокольчик вдали продолжает звенеть,
А тебя не слышать, друг мой милый.
«Это было давно — год примерно назад,
Вез я девушку трактом почтовым,
Круглолица была, точно тополь стройна
И покрыта платочком лиловым.
Попросила меня, чтобы песню ей спел.
Я запел, а она подпевала,
Кони мчались стрелой, словно ветер их нес,
Словно сила нечистая гнала.
Вдруг жандармский разъезд перерезал ей путь,
Тройка быстро как вкопана стала,
Кто-то выстрелил вдруг, прямо девушке в грудь,
И она, как цветочек, завяла.

Перед смертью она говорила мне так:
Что с тюрьмы я к рабочим бежала,
Жаль одно, что пришлось молодой умереть,
Ах, зачем моя юность завяла!

Видишь, парень, вдали холм зеленый стоит,
Холм зеленый, поросший травой?
За далеким холмом эта девушка спит,
Унесла она песню с собою».

* * *

На одной из улиц отдаленных
Есть высокий, красный дом большой.
На окнах железные решетки,
Обнесен высокою стеной.

Тишина кругом его повсюду,
Не слышать живой души,
А кругом шагают часовые,
На воротах крепкие замки.

Иногда там слышны звуки песен,
Но печальных, как осенний день.
Иногда в окне там виден узник,
Но худой и бледный, точно тень.

Кто ж они, безмолвные герои,
Там, за крепкою стеной?
Точно звери, заперты жестоко
В этот гроб холодный и сырой.

Это те безвестные герои,
Это те страдальцы за народ,
Кто под гордым знаменем свободы
Звал идти безропотно вперед.

Много их таких со славой пало,
Много и еще в борьбе падет.
Но в сердцах свободного народа
Дело их вовеки не умрет!

Напротив римского собора
Построен новый желтый дом.
Сей дом построен для надзора, —
Там за свободу сидят в нем.

Там бедный юноша томится,
Ища свободу пред окном, —
В окнах железные решетки,
Кругом все двери на замках.

Прощай, страна моя родная,
Прощайте, все мои друзья.
Друзья мне здесь — железны цепи,
А тачка — верная жена.

Погонят нас в края Сибири,
Там, где могила Ермака,
Дадут кайло, дадут лопату,
А руку к тачке прикуют.

Прощай, страна моя родная,
Прощайте, все мои друзья.
Друзья мне здесь — железны цепи,
А тачка — верная жена.

Наша жизнь коротка,
Всё уносит с собой;
Наша юность, друзья,
Пронесется стрелой.

Проведемте, друзья, эту ночь веселей,
Пусть рабочих семья соберется тесней.
Налей, налей бокалы полней,
Пусть рабочих семья соберется тесней!

Не два века нам жить —
Лишь полвека всего,
Так что плакать, тужить
Было б просто смешно.

Выпьем мы за того,
Кто писал «Капитал»,
И за друга его,
Кто ему помогал.

Выпьем мы за того,
Кто в Сибири давно,
Кто в Сибири давно
С нами мыслит одно.

Выпьем мы за того,
Кто неправдой не жил,
Кто свободу как мать
Дорогую любил.

Выпьем мы за того,
Кто «Что делать?» писал,
За здоровье его,
За его идеал.

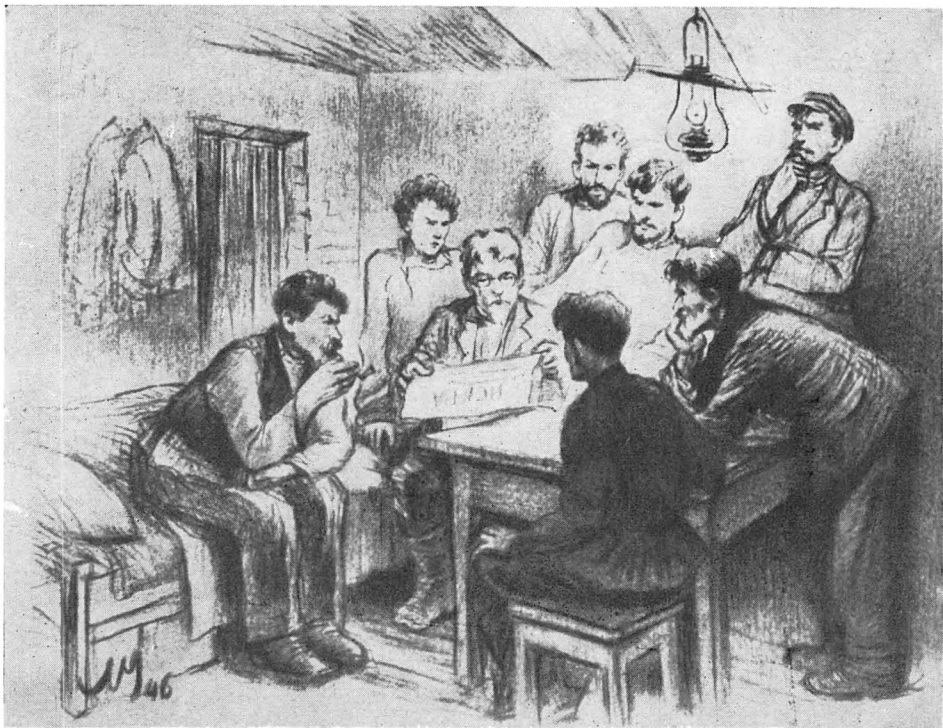
Выпьем мы за того,
Кто фон Плеве убил
И с России пятно
Кровью деспота смыл.

* * *

Да скуем мы, братцы,
Тяжкий молоток,
Тяжкий молоток, —
Крепкий молоток!
Да ударим сильно
Силою могучей
В царские хоромы,
В камешку стену, —

Н. Касаткин. Морозовская стачка.

Л. Ушаков. Рабочие читают «Искру».

Разобьем мы, братцы,
Здребезги ворота,
Вдребезги ворота
И каменную стену!
Дуй сильнее, братцы!
Дуй сильнее в горны,
Нагревай железо
До самого бела,
Чтобы крепкий молот,
Наш тяжелый молот,
В царские ворота
Бил бы без промáха!

* * *

Я в сорочке, знать, родился —
Жить, работать научился
На заводе.

В сельской школе — чтенью, знанью.
Я рабочий по призванью,
По природе.

Имел силу и проворство,
Попадал за непокорство
В переделку.

Раз десяток арестован,
Раз полсотни оштрафован
За безделку.

Раз полтысячи обсчитан
И десяток раз рассчитан —
Не гожуся.

Не один раз исправляли,
В путь-дорогу отправляли,
Побожуся.

Братцы, гонят нас далеко
От родимой стороны,
В степи Дальнего Востока, —
Ах, вернемся ли с войны!
Ждет нас стужа, лютый холод,
Лютый жар нас будет печь;
Ждет безводье, ждет нас голод,
Вражьи пули и картечь.
Эх, на всё пошел бы смело.
Всё б стерпел: не смерть страшна!
Знать бы только, что за дело,
Знать, что правая война!
Да обидно то, ребята,
Что без нужды без лихой
Гонят русского солдата
Как скотину на убой.
Иль земли в России мало,
Что в Китай за ней идем! . .
Если барство всё забрало,
Так японец ни при чем!
Иль жить мирно надоело,
Что мы сунулися вброд
Не спросившись, чтоб без дела
Сиротить родной народ?!
Или русскому народу
Денег некуда девать,
Так мы их кидаем в воду,
Чтоб японцев пострелять?!
В дураках кругом мы, братцы,
Распроклятая война!
И видать, не глядя в святцы,
Для кого она нужна.
Распостылое начальство
С жиру бесится, а мы
Отвечай за их бахвальство,
Подставляй под пули лбы!

Мы мирно стояли пред Зимним дворцом,
Царя с нетерпением ждали,
Как вдруг между нами и царским крыльцом
На ружьях штыки заблестали.
И рота за ротой все супротив нас
Вдруг фронтом развернуты были,
Наставили дула в лица как раз
И. . . в грозном молчаньи застыли.
Так тихо. . . Так жутко. . .
Вдруг слышится: «Пли!»
Опомниться мы не успели,
Свалились уж многие на снег в крови,
За залпами ж залпы гремели.
И ужас объял нас. Безумно крича,
Мы с страшного места бежали,
Израненных, мертвых с собой волоча,
А в тыл нам стрелять продолжали.
Рабочий один шел, молчанье храня,
Он нес бездыханное тело —
Прах той, что погибла, его заслоня
От меткости зверской прицела.
Но вот, обернувшись навстречу стрельбе,
Он крикнул, рукой потрясая:
«Палач и убийца, проклятье тебе,
Проклятье родимого края!
Пред пышным дворцом мы появимся вновь,
День близок кровавой расплаты
За кровь трудовую, невинную кровь,
Что брызнула в эти палаты. . .
Свобода — родному народу!
И вечная слава — героям борцам,
Погибшим в борьбе за свободу!»

С наивной верою, с открытою душою
Мы шли к тебе, безжалостный палач,
Мы шли к тебе с единою мольбою,
Чтоб внял ты голосу страны бесправной.

А ты, убийца-царь, на брата выслал брата
С оравую шальных твоих офицеров,
И грозный штык направил ты на братьев и отцов.
Меж тем как за народ, за бедную отчизну
Мы гибли там с проклятьем на устах,
А ты по нам там правил тризну,
Трусливо спрятавшись в награбленных дворцах.
Самодержавный царь бесправного народа,
Уж не пойдем мы с просьбою к тебе
С оружием в руках и с криками: «Свобода!»
Сотрем тебя или умрем в борьбе.

* * *

В день девятый января
Мы проведать шли царя.
Не гулять к нему, не пить —
Шли мы милости просить.
А уж он нас угостил —
Напоил и накормил.
С того пира тысяч пять
На погост стащили спать.
«Ох ты, батюшка наш царь,
Ты надежда-государь,
Не забудем мы вовек,
Сколь ты добрый человек».

* * *

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган. . .
Его любят зловещие птицы
И целует болотный туман. . .
В январе эти птицы видали,
Как солдаты на поле пришли,
Как всю ночь торопливо копали
Полумерзлые комья земли;
Как носилки одну за другою

С мертвецами носили сюда,
Как от брошенных тел под землю
Расступалась со свистом вода.
Как холодное тело толкали
Торопливо в рогожный мешок,
Как в мешке мертвеца уминали,
Как сгибали колена у ног...
И видали зловещие птицы
(Не могли этой ночью заснуть),
Как бледнели солдатские лица,
Как вздыхала солдатская грудь...

На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно белых снегов
Мертвецы приютились, счетом
Девяносто рогожных мешков...
Нераздельною братской семьей
Почиют они в недрах земли —
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовой пулей в груди...
И зловещие видели птицы,
Как в глубокий вечерний туман
Запыленные, грязные лица
Приходили на этот курган.
Как печально и долго стояли
И, пред тем как с холма уходить,
Всё угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить!..
На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман...
В мае птицы зловещие эти
У кургана видали народ,
И мельканье противное плети,
И пронзительный пули полет;
Как, измучившись тяжкой борьбою
И неравной, толпа подалась,

Как кровавое знамя родное
Казакom было втоптано в грязь...
Но зловещие птицы узреют —
И близка уже эта пора! —
Как кровавое знамя завет
Над вершиной родного холма!

* * *

Не стая воронов слеталась
Над трупом в поле пировать —
Жандармов шайка собиралась
На Невском удаль показать.
Самодержавные владыки —
Осатанелый этот сброд, —
Смеясь на стоны, визги, крики,
Гнал дерзко шашками народ.
Пусть льется кровь, несутся стоны —
Им дан приказ, — они и быют,
Для них не созданы законы,
Для них закон — нагайка, кнут.
Кого же бьет, кого гоняет
Слуг царских дикая орда?
Над кем бесчинства позволяет,
Не зная совести, стыда?
Бьет тех, кто смело и свободно
Решился правду говорить,
Бьет тех, кто всенародно
Бесправье вздумал обличить,
Кто, не щадя жизнь молодую
Во имя светлых всех идей,
Песнь про свободу, песнь святую
Поет средь гика палачей.
Что ж, издевайтесь, тираны,
Наступит скоро ваш черед!
За этот стон, за эти раны
Вам отомстит родной народ!

* * *

В Ярославле в пятом годе
Шли рабочие на бой.
Черной сотней руководил
Касауров, врач глазной.
На рабочих он в обиде:
Революция — гроза. . .
Кто врагов своих не видит,
Пули вылечат глаза.

* * *

Однажды митинг был на заводе,
В день манифеста, в октябре.
Мы были все тогда в работе,
Повсюду споря о царе.

Одни кричат, что мы добились
Чего нам надо, хватит с нас.
Другие спорили и злились,
Что манифест тот не для нас.

«Мы знаем цену манифеста:
Пока на троне царь сидит,
Нам не избежать от ареста», —
Сердито кто-то говорит.

Собрание бурное как море
Шумит осеннею порой:
«Не поддадимся царской своре,
Долой царя, долой, долой!»

Я в этот день был арестован.
Сбылись товарища слова:
Никто из нас не застрахован,
Пока у власти царь — глава.

В город Николаев, на французский завод,
 Три тысячи рабочих собрались на сход.
 Собрались на сходку. Стало худо жить.
 Вышли два оратора, стали говорить.
 Говорили долго, ясно было всем:
 Николай Романов — министр надо всем.
 «Января девятого мы к тебе пошли,
 Хоругви, портреты пред собой несли.
 Мы просили хлеба, — чем ты накормил?
 Пулями, картечью ты нас насытил.
 Ах же ты, Иуда, чертов крокодил,
 Сколько же ты крови нашей пролил!
 Что ты посеял, то ты и пожнешь —
 Пули и картечи на себя возьмешь».

10 ИЮЛЯ 1905 ГОДА

*На смерть Борчанинова-отца,
 погибшего во время демонстрации
 в Мотовилихинском заводе летом 1905 года.*

Сошлись говорить мы о праве своем —
 Орда казаков налетела.
 Послышался залпа ружейного гром,
 И в воздухе плеть засвистела.

Хунхузы царя не жалеют плетей. . .
 Нет ружей у нас под рукою, —
 Избили нещадно нас, жен и детей,
 Кровь наша лилася рекою.

Снесли старику они череп долой,
 Мозг выпал, смешался с травой. . .
 А ружей у нас, братцы, нет под рукою, —
 Покончили б с дикой ордою.

Но близок уж час, и мы отомстим,
 Оружье себе мы достанем!
 Погибнет злодей, все опричники с ним, —
 Свободны, счастливы мы станем!

* * *

По заводу парень шел,
Подобрал листовку.
Собирается народ
Делать забастовку.

* * *

Сормовски робята ноне
За народ стараются;
Всё начальство разогнали,
Сами управляют!

* * *

Ночью стражники ходили,
Много начудесили:
Троим головы срубили,
Семерых повесили. . .

* * *

Захотела царска власть
Богачей потешить:
Напечатала приказ —
Всех рабочих вешать. . .

* * *

Море в ярости стонало,
Волны бешено рвались. . .
Волны знали, море знало,
Что спускалось тихо вниз.

Там в мешках лежат защиты
Трупы юных моряков:

Были пред зарей убиты
Девятнадцать удальцов.

Море видело — косою
Шли спокойно моряки
С песней звучной боевою. . .
Вдруг солдатские штыки.

Братья братьев привязали
Крепко-накрепко к столбам. . .
Братья братьев расстреляли. . .
Ужас веял по волнам.

Небо сразу побледнело,
Люди торопились скрыть
Ими сделанное дело —
Трупы в море опустить.

Чтобы жертвы их не всплыли
На трепещущих волнах,
Люди с трупами зашили
Камни тяжкие в мешках. . .

День безоблачный сияет
В гавань дальних берегов,
Море бережно вздымает
Трупы славных моряков.

Вихрь промчался возмущенья,
Все народы гнев объял.
Смерть — царю, злодеям — мщенье,
Час суда для них настал. . .

* * *

Грохочет Балтийское море
В угрюмых утесах у скал,
Как лев разъяренный в пещере,
Рычит набегающий вал.

И с плачем другой, подоспевши,
О каменный бьется уступ,

Где грузно лежит посиневший,
Холодный, безжизненный труп.

Недвижно лицо молодое,
Недвижен гранитный утес,
Замучен за дело святое
Был этот отважный матрос.

Не в грозном бою с супостатом,
Не в чуждой далекой стране —
Убит он своим же собратом,
Казнен на родном корабле.

Погиб он за правое дело,
За правду святую и честь,
Снесите же, волны, народу,
Отчизне последнюю весть.

Снесите глухой деревушке
Последний рыдающий стон
И матери, бедной старушке,
От павшего сына поклон.

Бушует Балтийское море!
Молчит неприветная даль!
Темна, как народное горе,
Как русская злая печаль.

Плывет полумесяц багровый
И кровью в пучине дрожит.
О, где же тот мститель суровый,
Который за смерть отомстит?!

* * *

Шумел, горел пожар московский,
Его никто не заливал,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял Дубасов-генерал.
Дубасов в Москве народ дубасил,
А Трепов в Питере трепал.

Как на станцию Голутвин
Строй семеновцев прибыл,
Чтоб пролить там кровь невинных,
Кто свободушку любил.

Их полковник — Риман бравый,
Как гиена, мечет зло.
От руки его кровавой
Много люда полегло.

РЕКРУТСКАЯ

Последний день в семье родимой,
А завтра рано в дальний путь;
Глухой, гнетущею обидой
Томит измученную грудь.
Не утолит тоски бессонной
На сердце пьяное вино,
В казарме каменной и темной
Три года жить присуждено.
Служить царю слепую верой,
На караулах голодать
И рукавом шинели серой
Украдкой слезы утирать.
О, где же правда, где же милость,
Коли голодный и больной,
Отбыв солдатскую повинность,
Придешь калекою домой?
Тебя соседи не узнают,
Взглянув на бледное лицо;
И мать-старуха зарыдает,
Упав на ветхое крыльцо.
Расскажет старческие были
Про годы бедствий без конца;
Наверно, брата осудили,
Убили старого отца,
В далекий край сослали друга
Греметь цепями под землей.
Одна убогая лачуга
Стоит печальной и сырой. . .

Снова я к родной семье вернулся,
О которой часто так грустил,
Снова в шахту темную спустился
И живым себя похоронил.

Снова глыбы смертью угрожают,
Снова взгляд встречает злая мгла,
Снова грудь без воздуха страдает,
В сердце боль проснулась, как была.

Руки вялые висят как плети,
А задышка — как у старика.
И, пока дойдешь до шахтной клетки,
Проклянешь всю долю горняка.

На-горá весна меня встречает,
Закипает пламенная кровь. . .
Жить хочу. . . Но шахта убивает,
Отнимает трезвость и любовь.

На-горá — пахучая прохлада,
Яркий луч природу осветил,
Только мне спускаться в шахту надо, —
От живого к мертвому идти.

Может быть, спускаюсь я навеки,
Может, в руки смерти я попал. . .
Труп холодный вынесут из клетки
Под хрипенье старого попа. . .

Понесут в такое ж подземелье,
Только там не мучит тела боль. . .
Так выпить чарку, что ли, для веселья,
Когда уж так обижен я судьбой!

Вот молот шахтера стучит под землей,
Во тьме его стук отдается,
Копает он норы одну за другой,
И каплями пот с него льется.

Живет он в убогой каморке, сырой,
И он, и семья голодают,
Под вечер с тяжелой работы дневной
Там дети его поджидают.

Сидит у окошка больная жена,
Уныло глядит на дорогу:
Живым ли вернется семейства глава,
Придет иль приедет на дрогах?

«В момент его смерть может там подстеречь,
Остануся я с сиротами;
Как, детки, от голода вас уберечь,
Куда-то мы денемся с вами?»

Сидит и вдруг видит она из окна:
Вздывается пыль по дороге,
Дорогой плетется лошадка одна
И тащит больничные дроги.

На дрогах — из досок сколоченный гроб. . .
Жена, подбежав, посмотрела. . .
Упала бедняжка у гроба как сноп:
В гробу уж остывшее тело.

Урядник и штейгер за гробом пришли,
Жене протокол показали. . .
В правленья «в ее положенье вошли»
И трешку на бедность ей дали.

СТОЛЯР

Жизнь волною быстрой
Двигается вперед...
Сколько в жизни горя,
Муки и забот!

Ночь в сырой каморке
Как мертвец проспишь;
Поутру пораньше
К верстаку спешишь.

День-деньской рубанок
Из рук не идет.
Грязь и пот ручьями
Со страдальца льет.

Тяжело копейка
Достается мне,
Но еще труднее
С фабрикой жене.

Шабашу дожدهшься
И идешь домой,
А в глазах, как призрак,
Силуэт ночной.

Та же всё каморка
С мрачным огоньком
И больная женка
На руках с птенцом.

* * *

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно,
Днем и ночью надзиратель
Стережет мое окно.

Он продал начальству душу
За три гроша с пятаком,

С своей подленькой душонкой
Настоящим стал шпиком.

Ты не знаешь, как страдает
Трудовой, честной народ,
Как крестьяне голодают,
Вымирает весь наш род;

Как помещики лютуют,
Обдирают мужиков
И попы крестом торгуют,
Грабят хуже кулаков.

Ты не видишь: народ стонет
От жандармов-подлецов,
Царь же тюрьмы только строит,
Держит сотни кабаков.

Ты забыл, что пол-осьмины
Земли стало у людей
И распродана скотина
На уплату податей.

Ты не видишь, как кровь льется
По деревням, городам.
Как везде крестьяне бьются,
Бьют пороги господам.

Будь же проклят ты, иуда,
Черносотенный слуга,
Не уйти тебе, предатель,
От народного суда.

Придет время для народа,
Когда весь проснется он,
Тогда светлая свобода
К нам придет со всех сторон.

Тогда плохо тебе будет,
Распроклятый зверь-шакал,
Ведь народ не позабудет,
Как его ты продавал.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЦЕНТРАЛ

Далеко в стране Иркутской,
Между двух огромных скал,
Обнесен стеной высокой
Александровский централ.

Чистота кругом и строго,
Ни соринки не найдешь:
Подметалов штук десяток
В каждой камере найдешь.

Дом большой, покрытый славой,
На нем вывеска стоит,
А на ней орел двуглавый
Раззолоченный висит.

По дороге тройка мчалась,
В ней был барин молодой.
Поравнявшись с подметалой,
Крикнул кучеру: «Постой!

Ты скажи-ка мне, голубчик,
Что за дом такой стоит?
Кто владелец тому дому?
Как фамилия гласит?»

— «Это, барин, дом казенный,
Александровский централ,
А хозяин сему дому
Здесь и сроду не бывал.

Он живет в больших палатах,
И гуляет и поет,
Здесь же в сереньких халатах
Дохнет в карцере народ».

— «А скажи-ка мне, голубчик,
Кто, за что же здесь сидит?»
— «Это, барин, трудно помнить:
Есть и вор здесь, и бандит.

Есть за кражи и убийства,
За подделку векселей,
За кредитные билеты. . .
Много разных шукарей.

Есть за правду за народну:
Кто в шестом году восстал,
Тот начальством был отправлен
В Александровский централ.

Есть преступники большие,
Им не нравился закон,
И они за правду встали,
Чтоб разрушить царский трон.

Отольются волку слезы,
Знать, царю несдобровать!»
Уловив слова угрозы,
Барин крикнул: «Погонять!»

* * *

Недалёко от ларка, на левой руке,
Стоит фабрика, бывшая Кениг.
Там работают дети весь день на станке
С детской думой: немного бы денег.

Все мы, дети-подростки, живем в нищете,
Переносим болезни, невзгоды
И работаем в страде, пыли, духоте,
И проводим здесь юности годы.

Капитал нашу бодрость и жизнь, красоту
Отнимает и гонит в могилу,
А живым он в подарок несет нищету
За пропавшую детскую силу.

А порядки у нас не ахти хороши,
Много хуже, чем в прочих заводах,
Часто слышим: «Эй, мастер, штраф запиши!»
Жутко, мрачно в запущенных сводах.

А прислужников — слуг капитала — всегда
Красноречие льется рекою;
Нас, рабочих детей, заставляет нужда
Вытирать свои слезы рукою.

Это время пройдет, и настанет пора,
Когда взрослыми станем мы, дети.
Нас поднимет наверх пробужденья волна,
Разорвем капитала мы сети.

* * *

У нас на Волге-то, направо,
В Твери, городе большом,
Где течет в Тьмаку отрава,
Там стоит огромный дом.

Нет там лестницы парадной,
В залах люстры не горят,
Вместо музыки отрадной
Целый день станки гремят.

Там ведь всё народ рабочий,
Век при бедности живет,
От утра до темной ночи
За работой спину гнет.

Люди все тому не рады,
Силен голод-лиходей,
Он-то губит нашу долю,
Мать-отца велит забыть.

Заставляет унижаться,
Крепостное иго несть,
Но куда же нам деваться,
Когда дети просят есть?

Не погубишь детской доли,
Не пошлешь с сумой ходить.
Лучше сам пойдешь в неволю
К фабриканту даром жить.

Наши девы чернобровы
За станками слезы льют,
Им хорошие основы
Мастера зато дают.

И вот эти-то злодеи
Без вины всегда бранят,
А хозяева-тираны
Крепостными быть велят.

* * *

Над трубою дым клубится,
Бедный газовщик томится.
В топки уголь он кидает,
Свою силу подрывает.
Грусть-тоска его заела,
Злая доля одолела.
Целый день в заводе преет,
Придет — нечего обедать.
Чаю денег нет купить,
Погулять не в чем сходить.
Дети тоже голодают,
Рвань-одежду одевают.
Нянчить некому их тут,
Их и в школу не берут.
Знайге — скоро всё проснегся,
Дети тоже развернутся.
Рвань-одежду с себя сбросят
И закон новый попросят,
Чтоб казенки позакрыли,
А союзы все открыли.

* * *

Во заводе парень жил,
Меня, девушку, любил,
Во завод меня манил,
Тайны речи говорил.

Он по улице ходил,
Знамя красное носил,
Поколь парня не знала,
И в тюрьме я не была.
А как парня стала знать,
Во тюрьме стала бывать.
Меня мать стала бранить,
Тюрьмой, каторгой кормить.
Уж ты, маменька моя,
Ты не мучь боле меня,
Я скажу тебе секрет —
Мне дороже его нет.
Не течет в гору река,
Не вернусь назад и я.

* * *

Как на фабрике у Чешера
Шла работа преуспешная.
Господин хороший Чешер
Завсегда рабочих тешил.
И покончил дело так,
Что прибавил в день пятак.
Много он не говорит,
Прямо пишет алфавит,
А потом сказал: «Ей-богу,
Отниму всё понемногу».
В свою пользу всем один
Заправляет он сатин;
Чтоб пополнить все убытки,
В ход пустил гнилые нитки.
Одной глиной он шлихтует,
А сифоны так и дуют.
Хоть болеет весь народ,
Зато Чешеру доход!
А как ноги заболят,
То расчет тебе сулят.
Чтоб тепло не уходило,
Вентиляторов не было.
Из рабочих тянет пот
Всё Семенов-идиот.

Прямо скажет кочегару,
Чтоб нагнал побольше пару,
Сам в контору прямо спать,
Ничего не хочет знать.
Он и раньше только знал,
Шлихтовальню подметал.
А за гнусное внушеньё
Получил он повышеньё.
Теперь, видно по всему,
Всё доверено ему:
В ткацкой, тоже трикотаж
И четвертый весь этаж.
А чтоб не было близен,
На то есть слепой Семен:
Не пропустит и подкладки,
Разбирает всё до складки,
А за близны и за грязь
Он имел с Володей связь.
А Володя неумыен —
Верит, что сказал Семен.
Лишь крамольника узнают,
Прямо тут же рассчитают,
А будь «русский человек»,
Не прогонят во весь век.

* * *

Царь гуляет, тризну правит,
Нашу кровушку сосет.
Как его нам обезглавить,
Как вернуть с войны народ?
Всех война нас закрутила,
В гроб-могилу загнала,
Мужиков всех погубила,
Сыновей отобрала.
Тризну правит царь Николка
С сворой пьяных палачей.
В руки мы возьмем винтовки
И пойдем на богачей.

Из разных сторон Петрограда
Собирался рабочий народ.
В домах — полицейских засада:
Всё время стрелял пулемет.

Но шли, ни на что невзирая,
Свободу и хлеб добывать,
И долг свой они выполняли:
Решился народ умирать.

А царь Николай в это время
У Двинца с составом стоял,
Собрав кровожадное племя,
Надежды в душе не терял.

Он думал, что всё обойдется,
Надеясь, как был пятый год,
Он кровью народа напьется
И снова опять заживет.

Солдаты ему изменили,
Не стали в рабочих стрелять
И вместе с народом решили
Свободу и хлеб добывать.

Из разных сторон Петрограда
Собирался рабочий народ,
За кровь получил он награду,
Свободно на праздник идет.

ФАБРИЧНАЯ КАМАРИНСКАЯ

Эх, и прост же ты, рабочий человек!
На богатых гнешь ты спину целый век.
У Морозова у Саввушки завод —
Обирают там без жалости народ;
Все рабочие в убогости,
И на них большие строгости;
Чтоб не вышло препирательства
За иные надувательства,
Канцелярия составила
Для рабочих пункты-правила:
Положили кары грозные,
Наказания серьезные,
Обирает по-законному,
Прижимает по-ученому.
Эх, у Саввушки палатушка ума,
Оттого-то, знать, толста его сума.
Загорелся раз у Саввушки завод,
Разбегаться стал испуганный народ;
Управляющий огонь тушить велит,
А рабочий люд на улицу валит.
Дали Савве знать об этом в телефон:
Как ошпаренный, примчался мигом он.
«Что ж, имущество мое должно сгореть?
Эй, немедленно ворота запереть!»
Не велел пускать с завода ни души:
Там уж хочешь иль не хочешь, а туши!

Ах, уж Саввушка умен, умен, умен,
И начальством он за это отличен:
Почитается как знатный дворянин,
Принимается как важный господин.
Савва — жирная скотинушка,
В три обхвата животинушка,
Он живет себе с отрадою,
Умывается помадою,
Злой кручинушки не ведает,
По три раза в день обедает,
Признался гувернантками,
Черномазыми тальянками,
Разговору непонятного,
Обхождения приятного.
На гроши наши трудовые
Сшил наряды им шелковые, —
Они ходят точно павушки,
Удовольствие для Саввушки. . .
Собирали как-то деньги на собор,
На заводе велел Савва сделать сбор:
«Подавайте с каждой хари четвертак,
Всё равно снесете деньги вы в кабак».
Подчинилися приказу дураки,
Понесли они свои четвертаки,
От покорности убогих дураков
Понастроены все сорок сороков.
Духовенство умилилося,
Савве низко поклонилося.
А для нашего спасенья
Поучает в воскресенье,
Чтоб безропотно трудилися,
Да молитвами кормилися,
Чтоб не ели в пост скоромного,
Поведенья были скромного,
Чтоб начальству подчинялися
Да иконам поклонялися.
За усердие чудесное
Введем в царствие небесное!
Эх, наставники духовные!
Проповедники церковные!
С виду — божии угодники,
Втихомолку — греховодники.

У вас брюхи слишком пухлые,
Ваши речи очень тухлые.

Эй, ребяташки, живей, живей, живей,
Соберем колокола со всех церквей,
Из них пушку мы большую отольем,
Духовенством эту пушку мы набьем.
Знатно выпалим попами в небеса,
Уж посыплются к нам с неба чудеса!
Служим потом, служим кровью
Мы купецкому сословью.
И царское правительство
Покрывает всё грабительство,
Издает законы многие,
Для рабочих очень строгие,
Да без всякого стеснения
Учиняет притеснения.
На купцах стоит теперь у нас земля,
Нету силы против батюшки рубля!
Ох, уж эти-то купцы, купцы, купцы,
Обиратели они да подлецы!
Вы, ребяташки фабричные,
К обирательству привычные,
Уж найдите вы управушку
На Морозова на Саввушку,
Покажите молодечество,
Выходите на купечество,
На купцов, да на попов, да на царей
Поднимайтесь скорей, скорей, скорей!..

* * *

Ох, Демидов уж умен, умен, умен,
И за это он начальством отличен.
Получил он званья итальянские,
Отнял он леса крестьянские,
Обзавелся гувернантками,
Мамзелями, итальянками.
На гроши наши рабочие
Шьет наряды им хорошие.

Он кручинушки не ведает,
По три раза в день обедает.
А на приисках рабочие
Пески моют днем и ночью им.
Щи хлебают с тухлым мясом,
Запивают кислым квасом,
Заработают какие-то проши
И несут в кабак четвертаки.
Ох, и сколь народ наш дураки!
Только сказывать нам будто не с руки!

СКАЗКА О ПОПЕ И ЧЕРТЕ

В церкви, золотом залитой,
Пред оборванной толпой
Проповедовал с амвона
Поп в одежде парчевой.
Изнуренные, худые
Были лица прихожан,
В мозолях их были руки. . .
Поп был гладок и румян.
«Братья! — он взывал к народу. —
Вы противитесь властям;
Вечно ропщете на бога,
Что живется плохо вам!
Это дьявол соблазняет
Вас на грешные дела,
В свои сети увлекает,
Чтоб душа его была.
Вот за то, когда помрете,
Вам воздастся по делам:
В пламень адский попадете
Прямо в общество к чертям».
Мимо церкви в это время
Черт случайно проходил,
Слышит — черта поминают;
Уши он насторожил.
Подобрался под окошко
И прислушиваться стал.
Всё, чем поп людей морочил,
Черт всё это услышал.

Повалил народ из церкви;
Наконец выходит поп,
Черт к нему... сверкнул глазами,
И попа за руку... цоп!
«Ну-ка, отче толстопузый,
Что про нас ты в церкви врал?
Отвечай, какие муки
Беднякам ты обещал?
Чертом вздумал ты пугать их,
Страшным адовым огнем!..
Что им ад?.. Они и в жизни
Терпят тот же ад... Пойдем!»
Поп бежать... Но черт за ворот,
Как щенка, его поймал
И, подняв с собой на воздух,
В даль туманную помчал.
Он принес попа к заводу.
В дымных мрачных мастерских
Печи яркие горели,
Адский жар стоял от них.
Молот тысячепудовый
По болванке ударял
И фонтаном брызг горячих
Всех рабочих осыпал.
И в другую мастерскую
Опустил он толстяка.
Здесь — средь смрада и шипенья —
Из огромного котла
В приготовленную форму
Лава яркая текла.
Вдруг большими языками
Лаву стало вверх кидать...
Люди в ужасе смертельном
Попытались убежать.
Но напрасно... с страшной силой
Клокотал чугун в котле,
Обгорелые стонали,
Корчась в муках на земле.
Поп, от страха замирая,
Полы рясы подобрал
И быстрее косого зайца
Из завода тягу дал.

ПРО АРХИЕРЕЯ АНАСТАСИЯ

Жил-был у нас архиерей Настасий
В славном городе Петра.
Как монах, он пил простасик
От утра и до утра.
Ни печали, ни работы
Сей «владыко» не имел,
От субботы до субботы
Всё над рюмкою корпел.
Как подагрик изнуренный,
Никуда он не ходил,
И в соборе кафедральном
Вовсе даже не служил.
Чем же он себя прославил?
Это трудно объяснить,
Племяша попом поставил, —
А для средства, чтоб прожить,
Ключарем его поставил,
Камилавкой наградил.
Бедным гроша не оставил,
До копейки всё пропил.
Лишь любил одних чиновных,
Бедных ставил ни во что,
Как медведь, сидел в берлоге,
Консistorии не знал,
Эконому на похмелье
Сумму крупну отпускал.
Всё же смертью ненормальной
Наш «владыко» опочил,
И в соборе кафедральном
Он могилу получил.

* * *

Помяни, господи, петрозаводских купчиков,
Всех кормильцев-голубчиков.
На муку прибавили,
Мужику заботы прибавили.
Помяни, господи, Пospelова Андрюшу,

Помяни, господи, Тиккоева Васюшу,
Помяни, господи, Пименова Гришу,
И вверзи их в огненную геенну,
И предай сатанинскому плену.

ОБЪЕЗД МИНИСТРОВ

Коль Островский захотел,
Так уж нам и бог велел
Ездить по России:
Мы для ней — мессии!
В сих видах министры
Рыщут очень быстро,
С края и до края,
Всё обзоревая.
Выпал вам, вельможи,
Промысел отхожий. . .
При больших прогонах
В даровых вагонах.
Царские вам встречи,
С хлебом-солью речи,
Пышные овации,
Флаги, люминации,
А народу, поглядишь,
От объездов выйдет — шиш!
А быть может, хуже —
Скрутят еще туже.
Но чтоб зря нам не гадать,
А наврное узнать,
Ждать иль нет успеха,
Спросим лучше эхо.
Что, у вас министры были?
Были.
Ваши нужды рассмотрели?
Ели.
Ну а как же поступили?
Пили.
Справедливо и умно ль?
Ноль.
Вышнеградский приезжал?
Жал.

Общий кризис разобрал?
Брал.
Чем же кончил разговор?
Вор.
Как нашли вы контролера?
Ера.
Ну, а прокурор небес?
Бес.
В просвещеньи есть успех?
Эх!
А в хозяйстве и лесах?
Ах!
Разве так Островский плох?
Ох!
О Ванновском какой слух?
Ух!
Сделал ли это Гюббенет?
Нет!
Так что вышла ерунда?
Да.
Ждать ли на весну их?
Ну их.
Стоило же принимать их?
Мать их.
Что ж? Уснул! Кричи: «ура!»
У — а!

* * *

Боже, царя храни!
Деспоту долгие дни
Ты ниспошли.
Сильный жандармами,
Гордый казармами,
Царствуй на страх сынам
Руси бесправной,
Царь православный,
Царствуй на страх глупцам!
Враг просвещения,
В царстве хищения
Мирно живи!

Всех, кто свободу
Ищет народу,
Бей и дави!
Твой голодающий,
Вечно страдающий
Бедный народ
В храмах моления
Благословения
Все тебе шлет.
Время настанет,
Солнце проглянет —
Разбудит борцов...
Пользуйся временем!
Царствуй над племенем
Жалких рабов!

* * *

Эх ты, зимушка-зима,
Холодна больно была,
Холодна больно была,
Все дорожки замела,
Все дорожки и пути —
Негде милому пройти.

Черная галка,
Чистая полянка,
Ты же, Марусенька,
Черноброва,
Чего не ночуешь дома?

Алексеев-генерал
Лес на Ялу вырубал,
И пошел по свету звон,
Что он нажил миллион.

Старк команду получил,
Крейсер на мель посадил;
Смотрит, выпучив глаза:
«Эка, божия гроза!»

«Адмирал Дубасов принимает кровавую ванну». Сатирический рисунок 1905 года.

Куропаткин-генерал
Всё иконы собирал,
А приехал за Байкал,
Ровно церковь обокрал.

И с попами всё молился,
Победить врага хвалился,
А японцы не дремали,
Броненосцы наши рвали.

Столь добра пошло на дно,
Только выплыло дерьмо,
По велению божьих сил
Всплыл известный всем Кирилл.

Верст за двадцать от Тамбова
Дурака нашли святого,
Стали думать и гадать,
Как святому имя дать.

Стали думать и гадать,
Как святому имя дать,
А в народе пошел слух,
Что святой-то тот протух.

Долго думали, гадали,
Серафима имя дали.
И давай звать дураков,
Несли б больше пятаков.

* * *

Витте край наш поднимал
И себя не забывал,
И по всей России звон,
Что наградил миллион.
Монопольку учредил,
Русский весь народ спойл.
По совету разных дур
Он построил Порт-Артур.

Алексеев-адмирал
В том Артуре заседал,
Жил, кормился он да спал,
Про японцев не слышал.
А японцы не дремали,
Броненосцы наши рвали.
Что тут думать и гадать,
Значит, надо удирать...
Сдав командованье Старку,
Приказал врагу дать парку.
Старк команду получил,
Крейсер на мель посадил.
И его прогнали в шею, —
Ну, его я не жалею.
Не ударим лицом в грязь!
Есть у нас Ухтомский-князь!
Сидит праздник, сидит будни
На своем обширном судне.
Сидел день, сидел ночь
И ничем не мог помочь.
Вот Макарова прислали.
«Слава богу!» — все сказали.
Но недолго ликовали —
«Петропавловск» наш взорвали.
С ним погиб наш адмирал,
И как камень в воду пал.
Повеленьем божьих сил
Всплыл известный всем Кирилл.
Пробкой плыл он по волнам
К порт-артурским берегам.
Из воды его тут взяли
И за храбрость шпагу дали,
А на шею дали «Анну»,
За холодную, зная, ванну.
И как по морю он плыл,
Всех француженок забыл,
Что с собою в Порт-Артур
Захватил он для «амур».
Тут наместник расхрабрился,
В Порт-Артур он возвратился.
Помня свой высокий сан,
Забрался на «Ретвизан».

Только стал он разгораться,
Как опять пришлось спасаться:
Неприятельская рать
Стала город окружать.
Тут Витгефта он призвал
И команду ему сдал,
И решился в ту же ночь
Удирать скорее прочь.
Видно, бога умолил —
Словно заяц проскочил
В укрепленный град Харбин,
От японских дальше мин.

* * *

Дело было под Артуром,
Дело скверное, друзья.
Тоги, Ноги, Камимура
Не давали нам житья!
Мы с соседкой желтолицей
Подрались за царя...
«Полечу я вольной птицей
Да за синие моря».
Приказали нам от берега
Удалиться в два часа...
«Пропадай моя телега,
Все четыре колеса».
Там стоял «Варяг» железный
И «Кореец» с ним как раз...
«Выходи, о друг мой нежный,
Уж пробил свиданья час».
Порт-артурцы проглядели,
Как на них нашла гроза...
«Оглянуться не успели,
Как зима катит в глаза».
И пустился в путь-дорогу
Сам Макаров, наш герой...
«Дам тебе я на дорогу
Образок святой».
Куропаткин горделиво

Прямо в Токио яспешил...
«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил?»
Вот уж он на ратном поле,
Слава северных дружин...
«Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин».
И наместник уезжает
Безвозвратно, навсегда...
«Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда».
Куропаткину обидно,
Что не страшен он врагам...
«В поле бес нас водит, видно,
И крутит по сторонам».
А Ойяма наступает
Ночью и при свете дня...
«Посмотри, как он играет,
Дует, плюет на меня».
С Порт-Артуром попрощался,
Получил огромный нос...
«Гром победы раздавайся,
Веселися храбрый росс».
Ходят пленники как тени,
Без отчизны, без семьи...
«Ах вы сени, мои сени,
Сени новые мои!».
Генералов вереницы,
Офицеров без числа...
«Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила».
Грустно, вяло и несмело
Рать солдат пустилась в путь...

О СЕМИ НАРОДНЫХ ШКУРАХ

Царь наш батюшка с царицей
Живут весело в столице.
Сладко кушают и пьют —
По семи с нас шкур дерут.

Первую шкуру царь дерет
На свой гнусный царский род.
А вторую он снимает
И министров одаряет.
Для полиции — нас же сечь —
Третью шкуру тащит с плеч.
Для господ и кулаков
Он снять четвертую готов.
Чтоб попов всех содержать,
Шкуру пятую надо снять.
А шестая шкура — та
Для помещиков снята.
«Хоть немножко, царь, посбавь,
Нам последнюю оставь!»
— «Что вы, хамы, очумели?
Или войско проглядели?!
Кто ж вас будет усмирять,
Если войско не держать?
Нет уж, хоть околевай,
А последнюю отдавай».

* * *

Говорили царю:
«Беден, темен мужик,
Повели, государь,
Просветить нам его».
— «Не мелите вы чушь!
Для чего? Да к чему?
Если подать когда
Он нам в срок не отдаст —
Сорок розог вкатите ему!
Если беден мужик —
Значит, пьянствовать стал,
А за пьянство его
Уж не миловать стать!
Поучи-ка его,
Так уж он и того,
Скажет: „Сам я умен!
Обойдусь без царя,
Значит, к черту его!“»

ДОБЛЕСТНОМУ РУССКОМУ ВОИНСТВУ

Отступая от японцев,
Мы напали на гапонцев;
И за Нарвскою заставой
Мы покрыли себя славой.

Сдав Артур, с досады
Взяли баррикады
И, сорвавши красный флаг,
Водрузили царский стяг.

У Александровского сада
Мы устроили засаду,
И, вселяя всюду страх,
Мы толпу повергли в прах.

А на Мойке на реке,
От дворца невдалеке,
Огонь залпами открыли,
Дружно шашками рубили,

И лихое дело
Всюду громко прогремело,
И, как бывало встарь,
«Молодцами» назвал царь.

* * *

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпииков,
Царь-изменник, провокатор,
Созидатель кабаков.
Всех народов угнетатель,
Покровитель для дворян,
Царь — убийца для рабочих,
Царь — убийца для крестьян.
Народ, взявшись тут за дело,
Сокрушит твой подлый трон,
Долю лучшую народу
Завоюет в битве он.

Во славном Питере на троне
Николай сидит в короне.
Перед ним сидит мамаша,
Рядом с ним супруга Саша.
И ведут они совет:
«Дать свободу или нет?»
Николай сам дать бы рад,
Да ругает его мать:
«Эх ты, глупая ворона,
Не к лицу тебе корона!
Ну, чего ты так размяк?!
Передумай так и сяк.
Ну скажи, зачем народу
Дашь ты полную свободу?
Чтоб тогда свободный он
Нас с тобою выпер вон?»
Отвечает Николай:
«Ох, какая вы, мамаша,
Вы подумайте: теперь
Разъярен народ, как зверь,
Он готов, царица-мать,
Нас на части разорвать!
Если дальше его мучить,
Может то ему наскучить.
Слушать нас он не захочет,
На дворец он наш наскочит,
Спины вздует мне и вам.
Если ж я свободу дам,
То бумажечкой одной
Обеспечу всем покой!
Сосчитай-ка ты, нам сколько
Даст доходу монополька?
Винокуренный завод
Также даст большой доход,
Да и сахар-рафинад —
Это тоже чисто клад!
Да притом же я народу
Дам условную свободу.
Ведь народ-то наш дурак!
Манифест составить так,

Витте это всё умеет,
Он над этим порадеет,
Чтоб свободы был лишь след,
Будто есть она иль нет,
Будто вправду всё дано,
А рассмотришь — вот оно!
Делай всё, но осторожно,
То нельзя, а то не можно...»
— «Молодец ты, Николаша! —
Говорит ему мамаша. —
Зря тебя я лишь ругала.
Так работай же скорей
Над свободой своей».
Так по милости царя
В половине октября
Манифест имел народ
С миражом семи свобод...

* * *

Государь наш Николай
Собирает сходку,
Будет весь российский край
Здесь представлен ловко.
Соберется сто голов,
Три митрополита,
Сотня дворников, купцов,
Старшина Никита.
Всё сословие дворян,
Две императрицы,
Даже с Невского «мадам»
И с ней три девицы.
Корпорацию воров
Витте сам представит.
Из охранки молодцов
Вряд ли кто доставит,
Потому что им хлопот
Много без собора,
Уж и так разинув рот
Шагает вся свора.

Там какой-то негодяй
Бомбами бросает.
В Петербурге через край
Либерал хватает.
А рабочий просто зря,
Без пути бунтует,
Перестал любить царя
И на портреты плюёт,
И кричит: «Пошире дверь
Открывайте в школу!»
Так что впору им теперь
Истреблять крамолу.

* * *

Когда по улице идешь
В рубашке ярко-красной
И «Марсельезу» запоешь, —
Раскаешься, несчастный.

Городовой тебя возьмет
И тотчас — в морду хватать!
И «В околоток! — заорет. —
Арестовать!»

* * *

«Ой, полна тюрьма пред Думою,
Что мне делать, не придумаю,
Помогите, граф, в беде.
Тюрьмы строим мы немалые,
В них сажаем без числа,
Знать, итоги небывалые
Конституция дала».
Витте бережно торгуется,
Всё боится передать,
Дурново шумит, волнуется,
Предлагает всех сослать.

Только знает жандармерия,
Как поладили они.
Смолкни, голос недоверия,
Графа строго не вини.

* * *

Эх ты, Дума-Думушка,
Октябристам — кумушка.
    Эх ты, Дума, Дума,
    Государственная...
    Октябристам — кумушка,
    Правым всем — голубушка.
С барами хорошими
Хлопаешь ладошами.

В дело хоть не вникнула,
А от «уры» охрипнула.

*

Что за странная нелепость!
От Петра до наших дней
В Петропавловскую крепость
Возят мертвых лишь царей.

Эх, дождемся ль перемены,
Доживем до дней иных —
В Петропавловские стены
Повезут царей живых.

Будем жить и веселиться
В Петербурге и везде,
Будем весело трудиться,
Будет праздник на земле.

Уж желанная свобода
Шлет нам первые лучи,
Волей твердою народа
Сгинут скоро палачи.

* * *

Перед вами император всей Руси:
Грудь вся в лентах и с лампасами штаны.
С казаками разъезжает и нагайкою стегает,
Кричит: «Никого я не боюсь.

Бей же их, бей же их,
Бей сильней и в тюрьму сажай.

Говорят, что сицилистов я боюсь,
За башку мою дурацкую трясусь,
Эй, жандармы и шпионы,
Охранители короны, —
Покажите, как всех их боюсь..

Говорят, что всей Россией правлю сам.
Но, поверьте, это сущий есть обман:
Правит Витте, правил Плеве,
Дядя — слева, мама — справа,
На бумаге сам пишу я — „Николай“».

* * *

Славься, славься, царь Николай,
Чертом нам данный царь-государь.
Палач беспощадный, потонешь в крови,
Романовского рода тебе не спасти.
Погибнут, как черви, романовцы все,
И вместе придется погибнуть тебе.
Многих в сырых ты тюрьмах сгноил,
Много несчастных без хлеба сморил,
Ты многих повесил, других расстрелял,
Того, кто за правду так крепко стоял.

НАГАЕЧКА

Задумал наш Трепов
Царя удивить,
Пулей, нагайкой
Народ задавить.

Нагаечка, нагаечка,
Нагаечка моя,
Вспомни, моя милая,
Девятое января.

Послал он казаков
По всем городам,
Душите, давите,
Награду вам дам.

Царь, напугавшись,
Издад манифест:
Свободу для мертвых —
Живых под арест.

Свободу собранья
Бараньих голов,
Свободу изданья
Для всяких ослов.

Старый и малый
Бегут от него.
Борцы за свободу,
Убейте его.

Народ, увидавши
Такой произвол,
Решил посадить
Царских слуг всех на кол.

* * *

Когда настанет народный суд,
Увидишь ты тогда парад потешный:
Борцы свободы в рай пойдут,
Тираны все же в ад кромешный.

Не грусти, не унывай
Всякий, кто борец свободы,
Ждет народ наш земной рай,
Рай на вечные же годы.

В аде будет множество попов,
Поповский шеф Победоносцев
И, злее злейших казаков,
Митюха Трепов и Коковцев.
В аде будет поп Иван,
Угодник бабий и святитель,
И Плеве, грозный хулиган,
Свободы яростный гонитель.

В аде будет Бирюлев,
Усмиритель буйного Кронштадта,
И кровавый Николай,
И с ним все дамы Демаршата.

НАГАЙКА

Нагайка, ты нагайка!
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

На жалобы и стоны
Голодных русских масс
Один ответ у трона —
Лупить нагайкой нас.

Нагайкой не убита
Живая мысль у нас,
И скоро паразита
Пробьет последний час.

Его разбоев диких
Конец не за горой,
Настанет час великий,
И рухнет царский строй.

Нагайки свист позорный
Забудем мы тогда,
Пойдем вперед мы дружно
Под знаменем труда.

Эй ты, зимушка-зима,
 Холодна очень была.
 Эх... эх... доля моя,
 Где ты водою заплыла?
 Холодна очень была,
 Заморозила меня,
 Зима люта настаёт,
 У рабочих сердце мрёт, —
 Жандарм с обыском идёт:
 Появились во столице
 Подозрительные лица.
 Трепов, жирный генерал,
 Всех жандармов собирал.
 Всех жандармов собирал
 И такую речь держал:
 «Эй, вы! синие мундиры,
 Обыщите все квартиры».
 Обыскали квартир триста,
 Не нашли социалиста,
 У курсистки под подушкой
 Нашли пудры фунт с восьмушкой,
 У студента под конторкой
 Пузырек нашли с касторкой.
 Собрался тут весь синклит
 И решили — динамит.
 Динамит не динамит,
 А при случае палит.
 У рабочего у Гришки
 Под подушкой нашли книжки.

Вся Россия торжествует,
 Николай вином торгует.

На столбе висит корона,
 Николай Второй — ворона.

Председатель всех бояванов
 Николай Второй Романов.

От Алтая до Дуная
Нет глупее Николая.

По России слух прошел:
Николай с ума сошел.

* * *

Упокой и помяни, боже,
Нижеупомянутые рожи:
Царя Николашу,
Мать его Машу,
И жену его Сашу,
Княгиню Елизавету
И всю сволочь эту:
Генерала Трепова,
Витте — победителя,
Полицию — грабителей,
Казачков-палачей
И всех прочих сволочей.

* * *

Спи, голодная Россия,
Баюшки-баю!
Я расставлю пулеметы,
Кровью всё залью.
Ты, я знаю, будет время,
Проклянешь житье.
Сбросишь бремя
И возьмешь ружье.

* * *

Спи, рабочий, год за годом,
Баюшки-баю;
Твоим будущим свободам
Я отходную спою.

Я писать указы стану
Твердою рукой.
Дам покой тебе, смутьяну:
«Со святыми упокой!»
Если мало эскадронов,
Слабо хлещет плеть,
Для тебя я и патронов
Не хочу жалеть.
Приложу к тому все силы,
Чтоб создать покой.
Нет спокойнее могилы:
«Со святыми упокой!»
Хороните павших с миром,
Говорите речь,
Ей в ответ, сливаясь с клиром,
Прогремит картечь.
Брызнет кровь по ленте красной,
Потечет рекой...
Спи ж, рабочий, враг ужасный,
«Со святыми упокой!»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Тихо, сладко спи!
Ты пока еще не «красный»,
Обыватель неопасный
И гостей не жди.
Подрастешь, тогда узнаешь,
Как в ночи не спать...
Хоть гостей не ожидаешь,
Принимать их не желаешь,
Надо их впускать.

На Руси сон безмятежный
Лишь того удел,
Кто слывет благонадежным
И к теориям мятежным
Тяготеть не смел.

Кто всю жизнь тропинкой торной
Смирно, чинно шел,

Кто, властям всегда покорный,
В сделках, с совестью позорных,
Жизнь свою провел.

Кто не знал воодушевленья
Юношеских дней
И глядел без возмущенья
На страданья, угнетенья
Остальных людей...

Спи пока — твой час настанет,
Будет не до сна,
Мысль твоя работать станет
И с горячностью восстанет
Против лжи и зла.

В эти дни, дни золотые
Юности святой,
Все задачи вековые,
Все вопросы роковые
Встанут пред тобой.

И мечты о личном счастье
Бросишь ты тогда,
С жаром юной, честной страсти,
Весь ее отдавшись власти,
Ты пойдешь туда,

Где собралась воедино
Мощная семья
Пролетарья исполина —
Всё растущая дружина
Рыцарей труда...

С той поры, сынок родимый,
Распростишься со сном,
Всюду, точно зверь травимый,
Сын отчизны нелюбимый,
Позабудь о нем!

Спи, младенец мой прекрасный,
Тихо, сладко спи!

Ты пока еще не «красный»,
Обыватель неопасный
И гостей не жди.

ПРО МАСТЕРА ЕГОРА И ЕГО СЫНА

Спи, мой свет, Егор Егорыч,
Баюшки-баю,
Я тебе, паршивый сволочь,
Песенку спою.
Скоро вырастешь и будешь
Ты мастеровым,
Место тепленько добудешь
Язычком своим.
Про отца твоего седого
Слух идет такой,
Что он просто, одно слово,
Негодяй большой.
Но отец твой, плут ужасный,
Знает цель свою.
Спи, пока Егор неопасный,
Баюшки-баю.

* * *

Как у нас на троне
Чучело в короне.
Ай да царь, ай да царь,
Сумасшедший государь.
Мать его царица —
Страшная как львица.
Косо смотрит на народ,
С нею Витька-граф живет.
А царица Саша
Глупая — не наша.
Их дядья и братья —
Всем людям проклятье.
Долго ль нам терпети
Царский кнут да плети?

Чучело в короне
Нужно свергнуть с трона,
С бою взять свободу
Русскому народу.

СЛАВА

Будь же ты проклят,
Романовский род,
За то, что ты губишь
Рабочий народ.

Пьянством, буянством
Прославился ты,
И нету подлее
Тебя на Руси.

* * *

Всюду слухи,
Всюду толки,
Как у нашего Николки,
Православного царя,
Мозга нету ни на грош.
Есть замашки,
Больше всё
Насчет рюмашки.

* * *

Помер бедняга Ванюха Кронштадтский,
Долго, скотина, страдал
Тяжкой болезнью, мучительной, адской,
Черту он душу отдал.
Траур одели министры-либералы,
Царь Николашка ревел.

Вместе они беспощадно все крали,
Грабили русских людей...
И протянул к нему с плачем ручонки
Мальчик Алешка-болван,
Скрылись из виду богомолки-бабенки,
В гроб завалился Иван.
Много он баб одурачил в России,
Много наделал чудес.
С девками спал он, напившись до змня,
И во святые залез!..
Всплакнули все богомолки-бабенки,
Всплакнула Сашенька-мать,
Всю глубину проститутской печали
Трудно пером описать.
Пышные были ему похороны,
Слово Антоний прочел,
Только одно лишь они позабыли —
В спину забить ему кол.
Спи же ты, Ванька, спи же, проклятый,
Спи, черносотенец злой.
Пусть тебя черти кроmeshного ада
Кормят горячей смолой.

* * *

Губернатор Богданович,
Николашкина вся власть,
Напились вы нашей крови,
Скоро ждите смертный час.
Неужель на белом свете
Для того лишь мы живем:
Тюрьма, каторга да цепи
Или голодом мы мрем.
Правды нет, но она будет,
Мы с огнем ее найдем,
Силы нет терпеть нам боле,
Кровопийцев бить пойдем.
Скоро гром над вами грянет,
Задрожите в теремах,
Пролетарская свобода
Разнесет вас в пух и прах!

АКАФИСТ ТРЕПОВУ

Радуйся, патронов не жалеющий,
Радуйся, жалости к народу не имеющий,
Радуйся, отвращение к себе внушающий,
Радуйся, на защиту царскую уповающий.
Радуйся, заповеди бога оскверняющий,
Радуйся, к братоубийству народ призывающий,
Радуйся, Митюха Трепов, радуйся.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!

Радуйся, чадо, стыд и совесть презирающий,
Радуйся, человеколюбие ногами попирающий.
Радуйся, о враг человечества злодеющий,
Радуйся, из псов пес смердеющий.
Радуйся, христиан уничтожающий,
Радуйся, кроме казней ничего не знающий.
Радуйся, ума ничего не имеющий,
Радуйся, патронов и людей не жалеющий,
Радуйся, Митюха, пес смердящий.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!

КАЧАЛА-МОЧАЛА

Спозаранку Качала-Мочала
Многотрудный свой путь начинает,
Целый день без конца, без начала
Он мотается, рыщет и лает.
Чуть гудок, а Качала-Мочала
На пороге стоит в ожиданьи
И входящих сюда для начала
Окропляет отборною бранью.
Как собака, Качала-Мочала
Целый день без конца и начала
Он торопит, кричит, понукает.
Как в припадке, Качала-Мочала
Льет потоки похабнейшей брани,
Брызжет, льет без конца, без начала,
Как помои из скверной лохани.
Но зачем же Качала-Мочала

Всех торопит, кричит, понукает,
И зачем без конца, без начала
Непристойною речью ругает?
Почему он, Качала-Мочала,
И холоп, и лакей, и дубина,
Негодяй без конца, без начала
И первейшего сорта скотина?
Потому что Качала-Мочала
Барыши Пастухову собирает.
Для него без конца, без устали,
Как мошенник, он всех надувает.
Утомился Качала-Мочала,
День-деньской всех рабочих ругая,
Целый день без конца, без начала
Подгоняя, крича, обирая.
Но и ночью Качала-Мочала
Отдохнуть-то едва успевает
И во сне без конца, без начала
По привычке рабочих ругает.

* * *

Ушаков, я тебя ведь хвалил,
В благодарность тебе ведь гимн сочинил;
И тебя называл я всем честным борцом, —
Оказался же ты подлец подлецом.

Думал я, прямо нас ты к победе ведешь
И дорогу вперед в царство правды пробьешь.
Но увы! Как и все, я ошибся в тебе:
Ты душою кривишь для наживы себе.

Ты в глазах у нас был родник светлых идей,
За глазами ж у нас — графа Витте лакей,
И о правде нам пел, тая на сердце ложь,
А рассчитывал ты, что далеко уйдешь.

Но злодейка-судьба разрушает мечты —
Масло выплыло вдруг на поверхность воды.
И узнали мы все, что наш «честный борец» —
Провокатор и вор, негодяй и подлец.

Спала с глаз пелена, тайна стала ясна.
И что было темно — осветила она.
И теперь, Ушаков, будем помнить и знать,
Что подобных «борцов» в шею прочь надо гнать.

ПОМИНАНИЕ РАБОЧИХ ФАБРИКИ КОРЗИНКИНА

Товарищи! Надо помянуть, непременно помянуть надо:
Директора Грязнова,
О себе много мнящего
И в нужды наши не входящего;
Никифора брюхатого,
Муравьева плутоватого
И хромого Бабаева.
Надо помянуть, товарищи, нельзя не помянуть:
Помощника управляющего Соколова,
Бухгалтера Швырева
И грызлу Лихачева.
Надо помянуть, товарищи, как хотите надо помянуть:
Кляузных дел мастера Кругликова,
Двух братьев Брычевых
И лабазника Курочкина.
Надо помянуть и тех, которые, например, между прочим:
Русанова, Суханова, Пальшау,
Рогалева с Шопиным
Да Фетисова с доносчиком Глушковым,
И всех наших угнетателей.

СЕСТРОРЕЦКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД

Рассказать, что ли, от скуки,
Терпим мы какие муки,
Издевательства.
Душно в нашей мастерской.
Собрались мы все гурьбой,
Погуторили.
Да недолго говорили,
Дружно требовать решили
Вентиляцию.

Мигом старосту послали.
Результат такой узнали:
                                Запретить курить!
А начальник мастерской —
Изворотливый такой,
                                Удивительно.
Взял бумажку, начертил —
Вентилятор в ход пустил,
                                Закружился тот.
За куренье ж табаку
Штраф нам по четвертаку
                                С первослучаю,
На второй случай полтина...
Вот так разлюли-малина —
                                Вентиляция!
Только воздух не качает,
А карманы очищает
                                Ощутительно!

* * *

На Обводном-то канале
Дело вышло — загуляли
                                Все рабочие.
Там галоши работали,
Животы все надрывали
                                От усталости!
Были случаи — хворали,
Под машины попадали,
                                Всё случалось!
Но вот хозяевам-купцам,
Благодетелям отцам,
                                Показалось,
Что мало прибыли несет
Их резиновый завод
                                И галошницы.
А на самом-то ведь деле
Фабриканты захотели
                                Больше прибыли.

Живо дело закипело,
Заварилось и поспело
Чуть не в полчаса!
Яду с мазью наварили,
Чаны полные налили,
Благо дешево!
Все галошницы пришли,
Чаны полные нашли —
Заработали!
Но работать не удалось:
Дело с мазью сорвалось
У хозяйчиков!
Все галошницы от мази
«Заплясали», точно «князи»,
Удивительно!
Полетели вверх ногами,
Да и об пол головами,
Точно пьяные!
И тащили без стеснения
И без всякого сумленья
Всех на улицу!
И рядом на снег поклали,
А потом и поливали
Всех водичкою!
А когда сочли всех вместе,
Набралось штук их двести.
Ведь не много же!
Финансисты осердились,
Что надежды их не сбылись,
Дело лопнуло.
На второй день приказали,
На работу всех пригнали:
Приходите, мол.
Люди снова вверх ногами
Да и об пол головами,
Всё по-прежнему!
И на третий день пришли,
Чаны с ядом вновь нашли,
Как и следует.
Снова падали как мухи,
Вроде будто бы от скуки,
Удивительно!

Но теперь на снег не клали,
 А в больницу посылали —
 Полечитесь, мол.
 И в листочках, что давали,
 Писаря всем написали:
 «Головокружение».
 А все коль жертвы сосчитать,
 Наберется сотен пять, —
 Это за три дня!
 Взбунтовался тут рабочий,
 Ведь и я имею очи, —
 Коль вам кажется?
 И мои-то видят очи,
 Что тут дело вроде ночи —
 Темноватое.
 А начальство приходило,
 Всё крамольников давило,
 Забастовщиков.
 Слухи разные пускали,
 Будто яду подмешали
 Агитаторы!
 А один дурак большой
 Слух пустил везде такой —
 Поразительный:
 Это ваши депутаты,
 Социал-демократы,
 Отравили вас.
 Вы ягнята раньше были —
 Бастовать-то не ходили,
 Ну и учат вас!
 А когда толпа собралась,
 Положенье обсуждалось
 О галошницах, —
 Налетели фараоны,
 Понеслись такие стоны
 Тут со всех сторон...
 Было дело на Обводном,
 Да писать о нем подробно
 Ну опасно.
 Заберут еще за это
 Да на крайний полюс света
 Навек выгонят.

А ведь сам-то я больной,
И путь северный такой
                                Мне не выдержать.
Эх, было дело, было, братцы,
Записать бы это в святцы
                                Надо было бы.
Да ведь видите, друзья,
Говорить о всем нельзя:
                                Запрещается!

ЧЕМ РУСЬ СЛАВИТСЯ

Несчастьем, жизнью колкою,
Романовым Николкою,
Мариями Дармштадтскими,
Иванами Кронштадтскими,
Распутиными Гришками,
Придворными интрижками,
Развратницами Сашками,
Расшитыми рубашками.
Надменными и важными
Министрами продажными,
Полнейшею разрухою
И царскою сивухою.

Дворцовыми спиритами,
Развратами открытыми,
Охранниками-гадами,
Лихими казнокрадами.

Плетями и дубинкою,
Кровавою Ходынкою,
Цусимою, Карпатами,
Проклятыми сатрапами.

Гнилою и позорною,
Развратной сотней черною,
Холопскою боязнию,
Позорной смертной казнию.

Застенками и плахами,
Погромами и страхами,
Приспешниками-гадами,
И морами, и гладами.

Мученьем, притеснением,
Народа разорением...
Всем этим Русь-красавица
Лет триста с лишним славится.

МАРСЕЛЬЕЗА

Есть песнь одна, ее с любовью
Везде рабочие поют,
Ее крестили люди кровью
И «Марсельезою» зовут.
Она во Франции родилась,
Весь мир оттуда обошла,
И вот приют себе нашла:
В сердцах рабочих поселилась.

К оружию, народ!
Сомкни свои ряды!
Вперед, вперед!
Пусть кровью врагов
Зальет их следы.

Ярмо тяжелое рабочий
Истомы и трудов несет.
И лишь когда нет больше мочи,
Он «Марсельезу» запоет,
И хоть на время песня эта
Его страдания облегчит,
Больные силы подкрепит
И бросит в сердце луч привета.
Когда же, бросивши заводы,
На стачку дружно он идет, —
Пусть раздается песнь свободы,
Пусть «Марсельезу» запоет.
И песни звуки боевые
Тесней ряды его сомкнут,

Могучей силы придадут
Не гнуть перед врагами выи,
И в час, грядущий без сомненья,
Когда избавится народ
От гнета и порабощенья, —
Он «Марсельезу» запоем.

И под мелодью чудных звуков,
Освободившись от оков,
Низвергнув в прах своих врагов,
Мир возвестит для наших внуков.
И лучшее наступит время
Любви и братства без вражды,
Когда свободный труд — не бремя
И в «Марсельезе» нет нужды!
И лишь тогда, когда не будет
Вражды на свете роковой,
Тогда лишь звуки песни той
Народ рабочий позабудет.

НОВАЯ ПЕСНЯ

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдем в ряды страждущих братьев,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд,
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут.

Голодай, чтоб они пировали!
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб ругались они над тобой!

Тебе отдых — одна лишь могила!
Каждый день — недоимку готовь;
Царь-вампир из тебя тянет жилы,
Царь-вампир пьет народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты:
подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
подавай ему крови твоей!

Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз!
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и дальний Кавказ!
На воров, на собак — на богатых!
Да на злого вампира-царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись, лучшей жизни заря!

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братства людей.
Купим мир мы последней борьбою,
Купим кровью мы счастье детей.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в едино народы
В вольном царстве святого труда...

* * *

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.
Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.

«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой.

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил!

Время за дело приняться,
В бой поспешим мы скорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Всё, чем держатся их троны, —
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки!

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда.

ВАРШАВЯНКА

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.
Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Мрет в наши дни с голодухи рабочий, —
Станем ли дольше мы, братья, молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид жандарма пугать?

«Его рабочее величество пролетариат всероссийский».
Рисунок из журнала 1905 года.

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

*Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!*

ПѢСНИ

БОРЬБЫ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Обложка сборника рабочих революционных песен
и стихотворений.

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны миллионам людей.

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим,
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.

Мечь беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
Близок победы торжественный час.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимый, грозный суд!
Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть, —
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть.

Бездушный гнет, тупой, холодный,
Готов погибнуть наконец.
Нам будет счастьем труд свободный,
И братство даст ему венец.

Скорей, друзья! Идем все вместе,
Рука с рукой и мысль одна!

Кто скажет буре: стой на месте?
Чья власть на свете так сильна?

Долой тиранов! Прочь оковы,
Не нужно старых, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

БЕСНУЙТЕСЬ, ТИРАНЫ

Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозитесь свирепо тюрьмой, кандалами!
Мы вольны душою, хоть телом поправны,
Позор, позор, позор вам, тираны!

Пусть слабые духом трепещут пред вами,
Торгуют бесстыдно святыми правами,
Телесной неволи не страшны нам раны,
Позор, позор, позор вам, тираны!

За тяжким трудом, в доле вечного рабства
Народ угнетенный вам копит богатства,
Но рабство и муки не сломят титана!
На страх, на страх, на страх вам, тираны!

В рудниках под землю, за станком и на поле —
Везде раздаются их песни о воле,
И звуки тех песен доходят до тронов,
На страх, на страх, на страх всем тиранам!

Сверкайте штыками, грозите войсками —
Спасти вас не могут казармы с тюрьмами,
Ваш собственный страх не сковать вам цепями,
И стыд, и страх, и месть вам, тираны!

От пролитой крови заря заалела,
Могучая всюду борьба закипела,
Пожаром восстанья объаты все страны,
И смерть, и смерть, и смерть вам, тираны!

ПРОЛЕТАРСКАЯ

(На мотив «Марсельезы»)

Мы «Марсельезы» гимн старинный
На новый лад теперь споем —
И пусть трепещут властелины
Перед проснувшимся врагом!
Пусть в песне мощной и свободной
Их поразит, как грозный бич,
Могучий зов, победный клич,
Великий клич международный:

Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан!

Веками длится бой упорный...
Не раз мятежною рукой
Народ платил за гнет позорный
И разрушал за строем строй.
Но никогда призыв свободный
Такою мощью не дышал,
Такой угрозой не звучал,
Как этот клич международный.

Силен наш враг — буржуазия!
Но вслед за ней на страшный суд,
Как неизбежная стихия,
Ее могильщики идут...
Она сама рукой беспечной
Кует тот меч, которым мы,
Низвергнув власть позорной тьмы,
Проложим путь к свободе вечной!

Не устрасит нас бой суровый:
Нарушив ваш кровавый пир,
Мы потеряем лишь... оковы,
Но завоюем — целый мир!
Дрожите ж, жалкие тираны!

Уже подхвачен этот зов:
Под красным знаменем борцов
Уж подымаются все страны!..

В стране, подавленной бесправьем, —
Вам слышно ль? — близок ураган:
То в смертный бой с самодержавьем
Вступает русский великан...
Перед зарею пробужденья
Уже бледнеет ваша тень!..
Вперед, на бой! Пред нами день,
Великий день освобожденья!..

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

(На мотив «Internationale»)

Вставай, проклятем заклеименный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разроем
До основанья, — а затем
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!

Это будет последний
И решительный бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и ни герой!
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро, —
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас всё так же солнце станет
Снять огнем своих лучей. . .

* * *

Ты ведь не раз уж встречался с законом.

С милостью царской знаком!

Знаешь, что в досталь для нас он имеет

И казаков и солдат;

Что они в женщин, детей безоружных

Нагло из ружей палят.

Что за подобную доблесть публично

Царь благодарность им шлет.

Верно, монарх наш уж понял отлично,

Что ему страшен рабочий народ,

Что эта сила растет с каждым годом,

Что от нее не уйти

Всем, кто глумится над бедным народом,

Всем, кто развитием стоит на пути.

Встань же, усталый, пойми, обездоленный,

Что всё спасенье в тебе,

В ясном сознании условий, в союзе,

В дружной и стойкой борьбе.

Эта борьба уж дает результаты.

Уж на уступки тиран наш идет!

К светлой победе, к свободе и счастью

Дружно и смело — вперед!

Кто под землей и на земле,
В полях и в рудниках
Проводит жизнь в труде,
А мрет в нужды когтях?

Кто строит, ткёт, из-под земли
Богатства достает,
Другим за жалкие гроши
Всю роскошь создает?
Спины не может разогнуть,
Спокойно жить и спать?

Да, это ты, рабочий люд,
Голодный, бедный брат!

Кто потом, кровию труда
И храмы и дворцы воздвиг,
Построил города —
Сам чужестранец в них?
Палаты, роскошь — для других,
Чердак, подвал — себе,
Ученье в школах дорогих
Не детям, не тебе?
Кто, чтобы жить, продав свой труд,
Все силы вынужден отдать?

Да, это ты, рабочий люд,
Ты, угнетенный брат.

Твоим трудом весь мир живет,
Другим ты всё отдал.

Кто гнетом тирании
Порабощенным был
И за царей России
Кровь как воду лил?

Пойми, народ, что ты во всем
Всегда обманут был кругом.
Проснись, народ рабочий,
Проснись, голодный люд!

Добейся лучшей доли,
Оковы сбрось долой,

Вперед, не медля боле,
Иди в кровавый бой!

И знамя красное бери,
Алее утренней зари!
Вперед, народ рабочий,
Вперед, голодный люд!

ПРАЗДНИК 1-го МАЯ

Праздник светлый и свободный,
Славься Первый майский день!
Наш союз международный
Новым блеском ты одень!

Уж проходит год десятый
С той поры, как целый свет
Облетел призыв крылатый:
«В этот день работы нет!»

Пусть же грянет на просторе
Мировому хору вслед —
Через горы, через море —
Дружен, громок наш привет!

Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром
Пусть наш клич раздастся разом,
Как весенний первый гром!

Пусть хозяева-жандармы
Второпях забьют набат;
Пусть выводят из казармы
Против нас ряды солдат.

Нас угрозой не принудишь,
Наш ответ готов давно:
В этот день работ не будет,
Все решили мы одно.

Смело, братья, общей ратью! ..
Все в ряды! .. Плечо в плечо! ..
Стоит только встать нам дружно —
Все враги нам нипочем!

Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром
Пусть наш клич раздастся разом,
Как весенний первый гром!

МАЙСКИЙ ПРАЗДНИК

Лик твой, облитый потом кровавым,
Смело, рабочий, вверх подыми!
Пахарь ли, ткач ли, токарь ли бравый —
Красное знамя в руки возьми!

Славься, светлый праздник майский,
Развевайся, красный флаг,
Перед силой пролетарской
Обратится в бегство враг.

Пасмурных буден кинем заботы,
Звук позабудем наших цепей,
Каторгу бросим наемной работы,
Майский мы праздник встретим дружей.

Время настало для темной России,
Смело рабочий уж выступил в бой;
С трепетом слышит буржуазия
Моря народного грозный прибой.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Грянемте сомкнутым строем,
Грудью врагов отразим!
К счастью мы путь всем откроем,
Праздник борьбы освятим!

Мы возрожденье народам,
Гибель тиранам несем;
Всем возвещая свободу,
Бодро вперед мы идем!

Солнце — наш факел победный,
Правда — наш лозунг святой,
Рухнет пред нами бесследно
Дряхлый насилия строй!

Сгинут тогда кровопийцы,
Скоро их троны падут!
Всех вас, тираны-убийцы,
Мести народной ждет суд...

Ваш, кулаки-мироеды,
Также настанет черед:
Близок час нашей победы,
Встанет на бой весь народ!

Барщины цепи, налоги,
Фабрики гнет крепостной,
Замки, казармы, остроги
Дружно снесем мы долой!

Слава великим идеям!
Слава бесстрашным борцам!
Разве и мы не сумеем
Двинуться ратью к дворцам?..

Равенства, братства, свободы
Знаменем всех осеня,
Бросим мы в мрачные своды
Свет первомайского дня!

Грянем мы сомкнутым строем,
Царство насилья снесем,
Всё на земле перестроим,
Всё на свой лад заведем!

ПЕРВОЕ МАЯ (1903 г.)

Эй, в колонны, рать стальная!
Целый год в стенах завода
Ласки дня и света солнца
Мы, как гномы, лишены.

Завтра — светлый праздник Мая!
Завтра — зори небосвода
Красным парусом заплещут,
Вещим парусом весны!

Эй, в колонны, рать стальная!
Пусть подвалы наши темны,
Выгружаем мы невольню
Плавень, уголь и руду...

Завтра — светлый праздник Мая!
Завтра в небо бросят домны
Пламя алое полотнищ,
Гимны вольные труду.

Эй, в колонны, рать стальная!
Целый год челны сновали,
От работы стонет тело,
Ломит руки, давит грудь...

Завтра — светлый праздник Мая!
Наши мышцы крепче стали...
Шаг чеканьте! Выше дrevкo!
Пробивайте смело путь!

Эй, жена, сестра родная!
Дружно с братскою семьею
Под знамена, шаг ровняя,
Вслед за мужем и отцом!

Завтра — светлый праздник Мая!
Взлеты чаек краснокрылых,
Переключка мировая,
Мировой весенний гром.

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ РАБОЧИХ

Наш праздник рабочий пришли мы справлять,
Да здравствует Первое мая!
Товарищи, станем борьбу прославлять,
К свободе народ призывая.

Мы долго терпели царевы кнуты,
Мы долго кормили все праздные рты, —
Долой эту вражью породу!
Свободу, народу свободу!

Горячее солнце на землю глядит
И к жизни зовет всю природу,
Огнем лучезарным в нас песня горит,
Та грозная песнь про свободу.

Сегодня гуляет рабочий народ,
Восстав из-под ига неволи,
Людских унижений и всяких невзгод, —
Он в счастья требует доли.

Во всех чужеземных далеких краях,
Где брат под работою гнется,
Мильонами душ и на всех языках
Сегодня та песня поется.

Победу и счастье мы людям несем,
Мы всем завоюем свободу
И, кончив с врагом, одним радостным днем
Ее отдадим мы народу.

За мир, за свободу, за счастье людское,
За радости жизни, за братство святое
Мы дружно сомкнемся в бою.
Ударим же песню свою!

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Первое мая — праздник весны,
Мощный прибой пролетарской волны...

Празднуйте Первое мая!

Все, кто готов в беспощадном бою
Грудью стоять за свободу свою,

Празднуйте Первое мая!

Словно по взмаху рабочей руки,
Смолкнут машины, котлы и станки...

Празднуйте Первое мая!

Дрогнут все темные силы кругом
Перед своим ненавистным врагом...

Празднуйте Первое мая!

Первое мая — праздник весны,
Мощный прибой пролетарской волны...

Празднуйте Первое мая!

Дерзостный вызов рабочих полков
Миру насилья цепей и штыков...

Празднуйте Первое мая!

* * *

Отпустили крестьян на свободу
Девятнадцатого февраля.
Только землю не дали народу:
Вот вам милость дворян и царя.
Мужики без земли пропадают,
А дворяне и рады тому,
Что дешевле они нанимают
Мужиков на работу свою...

Чтобы с голоду нам не подохнуть,
На дворян мы работать идем,
И живет эта жадная свора
Исключительно нашим трудом.
Прижимает нас земский начальник,
И урядник дохнуть не дает,
Поп пугает нас адом кромешным,
А за требу последок берет...

Сыновей наших гонят в солдаты,
Из ружей научают стрелять,
Для того, когда мы возмутимся,
Чтоб могли они нас усмирять.
Не довольно ли вечного горя,
Пред дворянами гнуться в дугу?
Разогнем-ка могучие спины
И покажем мы силу врагу!

Соберемся могучею ратью,
Разгромим мы дворцы богачей,
Возвратим себе матушку-землю
И не будем платить податей.
Землю поровну всю мы разделим,
У других не пойдем занимать,
Школ по всем деревням понастроим,
Будем всякие книжки читать. . .

Ведь Россия — что волость большая,
Мы в ней порядок введем,
Старшину выбирать сами будем,
Сами сход волостной соберем.
Волостной этот сход с старшиною
Мирской сбор по душам раскладут,
Собирать со всех поровну будут,
И дворяне от них не уйдут. . .

Сыновей не пошлем мы в солдаты,
А как будет чуть только война,
Соберем мы охотников тотчас,
И тогда уж врагам всем беда.
Так восстанем же, братья, дружнее!
И опять у нас будет земля,
И на горьких осинах повесим
Мы попов, и дворян, и царя. . .

* * *

Нас давят нещадно, увечат, штрафуют,
Нас гонят бесследно в могилу.
Однако недолго наш враг попирует,
Уж наша пора наступила.

На бой нас давно вызывает
Буржуй, враг, царящий повсюду.
Пусть красное знамя собой означает
Идею рабочего люда.

МАШИНУШКА

За годами года проходили чредой,
Изменилась родная картина,
И дубина с сохой отошли на покой,
Их сменила царица машина.

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим,
Тай смажем,
Тай пустим!

Старый строй разрушал капитал-властелин,
С корнем рвал он дворянские роды,
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.

Где дворянская жизнь, что лилася рекой?
Уж не гнутся на барщине спины,
Правит русский купец золотою рукой,
Мужика превратил он в машину.

Знать, английский урок не пропал — пошел впрок,
Поумнел наш российский купчина,
Наш рабочий порой восклицает с тоской:
«Тяжелее сохи ты, машина!»

Без дворян и бояр очутился наш царь,
Кто поддержит тебя, сиротину,
Кто опорой тебе будет в новой судьбе,
Кто заменит тебе дворянина?

Но наш царь не сплосшал, он купца обласкал,
И купец ему нынче опора.
А наш русский мужик, он к машине привык,
Его грабит купецкая свора.

* * *

Эту песню не сам я собою сложил,
И не деды ее мне пропели.
Нет, ту песню принес ко мне ветер с могил,
Где останки товарищей тлели.

Тише, вслушайтесь в звуки фабричных свистков,
Лязг цепей, крик безвольных, бесправных рабов,
Плач детей беспризорных, голодных,
Стон и скрежет проклятий народных. . .

Через Польшу, Финляндию, дальний Кавказ,
Вплоть до тундры, где день безнадежно погас,
Стон за стоном несется, как в буре морской
За волною волна, за прибоем прибой,

Стон за стоном. . . На шахтах, полях, рудниках,
У плавильных печей, за станками,
Надрываясь в тяжелых, бессильных трудах,
То рабочие идут рядами.

И пред нами вперед, кандалами звеня,
В путь суровый Сибири холодной,
В ожидании близкого лучшего дня,
Идут вестники жизни свободной.

* * *

Развернувши знамена победные,
Прошумите над миром грозой. . .
О, вперед! Угнетенные, бедные,
Чтобы не был мир больше тюрьмой!

Написавши на знамени красном
Боевые свободы слова,
Поклянемся друг другу бесстрашно,
Что умрем за защиту труда!

Через трупы борцов угнетение
К торжеству никогда не придет,

На могилах их вырастет мщение
И свобода для всех расцветет.

Разворачивай красное знамя,
Угнетенный рабочий народ,
О, горит уже бранное пламя,
Призывая бесстрашных вперед.

* * *

Прочь с дороги, мир отживший,
Сверху донизу прогнанный,
    Молодая Русь идет!
И, сплоченными рядами
Выступая в бой с врагами,
    Песни новые поет.

Прочь с дороги всё, что давит,
Что свободе сети ставит. . .
    Зла, насилия жрецы,
Вам пора сойти со сцены,
Выступаем вам на смену
    Мы, отважные борцы.

Мы, рожденные рабами,
Мы, вспоенные слезами,
    Мы, вскормленные нуждою
Из тюрьмы, из злой неволи
Рвемся все мы к лучшей доле,
    Рвемся мы с неправдой в бой.

Дети родины опальной,
Шьем мы саван погребальный
    Палачам родной страны.
В тюрьмах, в ссылке отдаленной
Гимн слагаем похоронный
    Царству зла, насилья, тьмы.

Крепче стали наши руки,
Не страшны нам смерть и муки,
    Не боимся мы цепей.

Мы не дрогнем, не отступим,
Мы ценой кровавой купим
Счастье родины своей.

К нам под знамя боевое,
К нам, всё честное, живое,
К нам, бойцов отважных рать!
Прянем бурей-ураганом,
Будем мы на страх тиранам
За свободу воевать!

Прочь с дороги, злые силы,,
Вас давно уж ждут могилы...
Молодая Русь идет.
И, могучими рядами
Выступая в бой с врагами,
Песни новые поет!..

ОПРИЧНИКИ

Опричники не умерли!.. Опричники живут,
На площади с нагайками чинят кровавый суд.
Враждой нечеловеческой горит бесстыдный взор, —
Псы царские, псы алчные врываются в собор...
Опричники не умерли!.. Трубят они поход,
Расправы дикой, варварской с тревогой ждет народ.
И гибнут, гибнут честные, что ринулися в бой,
Святою кровью юности царь мнит купить покой...
Опричники не умерли!.. Умрут они, умрут!..
Настанет день возмездия. Свершится правый суд.
На плитах окровавленных в грозе иных времен
Растут полки народные — их будет легион...

* * *

Прогнили основы, и рушиться зданье
Сегодня иль завтра должно;
Бессильны его поддержать все старанья:
Свой век отслужило оно!

Преданье осталось: строители зданья
В работе своей вековой
Цементом скрепляли его основанье,
Пропитанным кровью людской.

Но время тяжелой своею рукою
Весь дом расшатало почти;
Приходят рабочие дружной толпою,
Чтоб ветхое зданье снести.

То смехом, то стоном в ушах отдается
Удар по стене вековой...
Обломок летит — и кровь алая льется:
Работник упал молодой!

И дрогнуло всё, на мгновение работа
Как будто совсем замерла...
Но время не ждет и не терпит забота,
Живому — живые дела.

Падет и еще не один под ударом
Обломков стены вековой...
Да, видно, тот дом был построен недаром
На крови горячеей людской!..

РЕКРУТЧИНА

Вытащил жребий недалний,
Смерили, крикнули: «Гож!»
Что же ты смотришь печальный,
Ведь в царскую службу идешь?

Ведь царская служба могуча,
Много там пуль и штыков,
Чтоб справляться «геройски»
С братом своим мужиком.

Ведь если голодный, холодный,
Вечно оборван мужик
Хлеба захочет досыта —
В глотку вопьешь ему штык.

Но если заводский рабочий,
Не в силах он больше вздохнуть,
То вспомни устав и присягу,
Целься верней ему в грудь...

* * *

Мы — братья! Мы — братья! Мы выросли оба
В нужде, в беспросветной нужде...
Судьба нам сулила томиться до гроба
Всю жизнь в непосильном труде...

Я сабли выковывал, делал картечи,
Ты землю чужую пахал...
И вот мы опять... При нежданной встрече
Меня ты, мой брат, не узнал...

Я — в блузе рабочей, ты — в серой шинели.
Сошлись мы как враг со врагом...
Ты бросил в лицо мне мои же шрапнели,
Ударил моим же штыком!

Я вышел на бой, но на бой не с тобою,
Тебя же враги провели —
Наполнили сердце нелепой враждою
И властно командуют: «Пли!»

Родная земля обагрется кровью,
За залпами залпы гремят, —
Встречаешь меня ты не братской любовью,
А злобой, обманутый брат.

Я — в блузе рабочей, ты — в серой шинели,
Один на другого идем...
Брат! Помни — я делал штыки и шрапнели,
Ты будешь их делать потом!

Мы — братья! Мы — братья! Я верю глубоко,
Настанет иная пора...
Она уже близко... Она недалеко,
Недолго нам ждать до утра!

При свете свободы увидишь ты брата
И к брату навстречу пойдешь,
И то, чему слепо ты верил когда-то,
Со мною на суд призовешь. . .

Я — в блузе рабочей, ты — в серой шинели,
Сойдемся мы с нашим врагом —
И бросим в лицо ему наши шрапнели,
И нашим ударим штыком!

* * *

Братцы! Дружно песню грянем
Удалую — в добрый час!
Мы рабочих бить не станем, —
Не враги они для нас!

Только злые командиры
Их приказывают бить,
Чтоб солдатские мундиры
Этой бойней осрамить!

Брат пойдет ли против брата?
А крестьяне — братья нам!
И для честного солдата
Убивать их грех и срам.

Сердце нам сжимали больно
Уж не раз их стон и плач;
Этой бойни нам довольно,
Русский воин не палач!

Пусть — себе за ослушанье
Нас начальство душит всех;
Лучше вынести истязанье,
Чем принять на душу грех!

Так затынем же дружнее
Нашу песню в добрый час.
В мужиков стрелять не станем, —
Не враги они для нас!

Постой-ка, товарищ! Опомнися, брат!
Скорей брось винтовку на землю,
И гласу рабочего внемли, солдат,
Народному голосу внемли!

Зачем ты винтовку свою зарядил?
В какого врага ты стреляешь?
Без жалости брата родного убил,
Детишек его избиваешь...

Ты здесь убиваешь чужих. У тебя
В деревне семью убивают...
И издали грозно твоя же семья
Тебя же, солдат, проклиняет...

Постой же, товарищ! Опомнися, брат!
Ты кровью облит человека!...
Не смоешь ее уж ничем ты, солдат,
Не смоешь ту кровь ты вовеки...

Все улицы русских больших городов
Залиты народной кровью...
Там дети рыдают... И тысячи вдов
Клянут свою долюшку вдовью...

Несчастливая мать, потерявши дитя,
Над трупиком горько рыдает
И грозно, солдат, проклиняет тебя!
Ты слышишь? — Тебя проклиняет!

Ты мать и отца у ребенка отнял,
И кто их убийца — он знает.
И вот с легионом рабочих детей
Малютка тебя проклиняет...

Постой же, товарищ! Опомнися, брат!
Скорей брось винтовку и с нами
Восстань за свободу, и вместе пойдем
На бой на кровавый с врагами...

Так брось же винтовку и громко кричи:
«Нет, братья, солдат — не убийца!
Солдат уж проснулся и даст вам ключи
К покоям царя-кровавицы!»

Проснулась пехота, проснулся матрос,
Проснулась казацкая сила,
И грязный, отживший военный колосс
Уж жажда свободы сломила...

Постой же, товарищ! Опомнися, брат!
Скорей брось винтовку на землю
И гласу рабочего внемли, солдат,
Народному голосу внемли:

«Честнее на улице в правом бою
Погибнуть за лучшую долю,
Чем там, на войне, в чужеземном краю
Нам пасть, защищая неволю!»

* * *

Стреляй, солдат,
В кого велят!
Забудь отца, родного брата,
Забудь жену, забудь сестру,
Забудь и мать —
Ты помни «памятку» солдата:

Попы тебя благословят
Убить отца и мать —
Греха не будет...
В далекий путь тебя пошлют,
Шинель, штаны, мундир дадут,
Рабочих убивать заставят.

За то тебе тогда, солдат,
От бога, от царя награда будет,
Что ты голодных убивал...
Стреляй, солдат,
В кого велят!

Не довольно ль насильников тешить,
Суд, расправы чинить позволять?
Не пора ли вам их перевешать,
Командиров своих расстрелять.

У вас ружья в руках и патроны,
Сила власти у вас же в руках.
Не от бога все ваши законы,
А в ружье, пулеметах, штыках.

Вставайте, солдаты, за бедный народ,
Разите врагов ваших смело,
Лишь за вами осталось дело,
Вперед, вперед, вперед!

Вставайте, солдаты, вы дети народа,
Вам велят же его расстрелять.
Неужели не нужна вам свобода,
Не родные отец вам и мать?

Стыдно, стыдно вам, братья солдаты,
Негодяев врагов защищать.
Вы работали с нами когда-то
И придется работать опять.

Пронесемся от края до края,
Всё огню и мечу предадим,
Мы повесим царя Николая
И тем новую Русь создадим.

СОЛДАТСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Отречемся от гнусного долга,
От преступной присяги своей.
Вспомним, братья, мы заповедь бога:
Не клянись головою твоей.
Мы пойдем по домам к нашим семьям,
Мы на помощь рабочим пойдем

И навстречу заре пробужденья
Обновленные силы снесем.

Вставай, поднимайся, солдат-гражданин,
Вставай на борьбу за свободу,
Иди ты на помощь народу,
Вперед, вперед, вперед!

Богачи и попы нам внушали
Проливать неповинную кровь,
Командиры нас били, терзали,
Если в сердце явилась любовь.
Не хотим мы служить бюрократам,
Прочь покорность нагайке, штыку.
Прочь покорность мерзавцам богатым
И царю, подставному лицу.

Нас морозили в холод жестокий,
Нас томили под зноем лучей,
В край чужой угоняли далекий,
От родимой семьи и друзей.
По колено в грязи мы бродили,
Иногда задыхались в пыли,
Там нас голодом, жаждой морили
И затем нас под пули ввели.

Там в походах под ношей тяжелой
Мы готовы свалиться во прах,
Лишь одни в голове очумелой
Ритмы марша отсчитывал страх.
Богачи между тем пировали,
Собираясь в палаты свои,
Мы ж не знали, за что погибали
Далеко от родимой земли.

Не за веру мы, братья, страдали,
Не отечеству жертву несли.
Мы за то свою жизнь отдавали,
Чтоб богатства злодеев росли.
Нас попы заодно с богачами
Направляли на свой же народ.
Прочь, торговцы святыми дарами,
Мы идем за свободу вперед.

Мы узнали, как вы нас ценили:
В грош солдатская шла голова.
Бог и царь и отечество были
Лишь обманные ваши слова.
Прочь с дороги, презренные гады,
Мы на помощь народу пойдем,
Создадим для борьбы баррикады
И к победе его поведем!

* * *

Время не терпит, дружной за работу!
Дрогнул престол самодержца-царя...
Бросим о мелочных распрях заботу,
Полымем вспыхнула жизни заря...

Красное знамя взвилось над землей,
Чудной картине не верят глаза:
Бурно несется, волна за волной, —
Это народного мщенья гроза.

Полные верою в правое дело,
С жаждой свободы в мощной груди
Рати рабочие гордо и смело
Красное знамя несут впереди.

Тот, кто сумел при мертвящем царизме
Душу живую в груди сохранить,
Кто не погряз в мелочном эгоизме,
Не разучился свободу любить, —

Первого мая под стягом свободы
Смело в ряды становись и — вперед!
Всюду давно пробудились народы —
Пусть же проснется и русский народ!..

Гордо несем все страданья и беды,
Цепи невежества масс разобьем,
И перед ними как символ свободы
Красное знамя свое развернем.

* * *

Шумит над нами полог хвойный,
Как сотни радостных знамен,
А воздух ласковый и знойный
Смолой душистой напоен.

Сюда, друзья, под свод чудесный,
Войдем толпой в сырую тень:
Потом не раз в камерке тесной
Мы вспомним ярко этот день.*

Пусть нашей жизни гул обычный
На миг заглушит вольный бор.
Стопой входите непривычной
На мшистый бархатный ковер.

Садитесь вольно вкруговую,
Зеленый бор, сильней шуми!
И нашу песню хоровую
Раздольным эхом прогреми.

Пусть город в сумраке угрюмом
Полубольной внимает нам:
Что мы придем с заветным шумом
К унылым горнам и станкам.

Что мы в мечтах о лучшей доле
На миг забыли плен машин
И дружно песнь поем о воле
Под шум рокочущих вершин.

* * *

Поднимайся, люд рабочий,
И вперед отважным шагом!
Над свободным красным флагом
Блещет яркая заря.

Мы за правду, за свободу,
Против гнета сил проклятых;

Мы за бедных, на богатых,
За народ мы, на царя!

Принесет труду свободу
Сам трудящийся народ, —
Или жизнь в труде свободном,
Или смерть в борьбе найдет.

Поднимайся, люд рабочий,
И вперед отважным шагом!
Над свободным красным флагом
Блещет яркая заря. . .

* * *

По фабрикам душным, по тюрьмам холодным
Несется задушенный стон;
По хатам убогим, полям недородным
Как эхо разносится он! . .
Не скоро поймут угнетенные братья,
Что сила в народных руках!
И вместо молитв раздадутся проклятья,
И месть запылает в очах! . .

Прочь непогода —
Солнце встает! . .
Всё — для народа,
Все — за народ! . .

Пусть жизни хоронят во тьме каземата,
Пусть стонет несчастный народ —
Ведь каждое слово погибшего брата
Нам новые силы дает! . .
И время наступит: исчезнет насилие,
Как долгий томительный сон. . .
И в битву мы вступим, расправивши крылья,
Под сенью кровавых знамен.

И в битву мы вступим, не зная пощады,
Свершим отомщения пир;

И всюду построим тогда баррикады,
И ими покроем весь мир! . .
Срывайте ж, друзья, трудовыми руками
Позорные путы оков! . .
Идите скорее с косою и серпами
Под знамя народных борцов! . .

К АРЕСТАНТУ

Мой привет тебе, брат по несчастью!
Ты, как я же, стал жертвой цепей!
Погубило нас жизни ненастье:
Трусость, тупость и злоба людей!

Не такого б ты стоил удела,
Полный жизни, энергии, сил, —
Верный рыцарь любимого дела,
Ты любимым бы был и любил.

Но не то тебе пало на долю:
Ты аскетом всю жизнь проведешь,
Из тюремной лишь выйдешь неволи,
Как в тюрьму ты опять попадешь.

И всю жизнь, как бродяга скитаясь,
Слово правды везде разнесешь;
Но, за счастьем людским век гоняясь,
Своего ты нигде не найдешь.

Но во многом найдешь ты отраду:
В том, что честно исполнишь свой долг,
Что страдал за любовь и за правду,
Что твой подвиг был труден и долг.

И что был он свершен не напрасно,
Как отшельника подвиг тупой,
Что, бичуя себя ежечасно,
Истомляет бесплодной борьбой.

Нет, погибнешь ты, брат мой, недаром!
Что ты сеял, то всё и взойдет;

Всё, чему ты учил с юным жаром,
Всё в народе свой отклик найдет.

Глубоко западут в его душу
Семена те назло людям тьмы:
Их не вырвет суровая стужа
Русской вселедняящей зимы.

Грозен будет тот отклик народа!
Громче звона его кандалов,
Громче яростных воплей врагов
Прозвучит это слово «свобода»!

Рухнет старый союз бюрократа,
Фабриканта, попа и солдата,
Как виденье тяжелого сна,
Вековая исчезнет тюрьма!

Рухнет с виду столь прочное зданье,
Так как в самом его основанье
Подточил его старый термит,
Человеческих сил паразит.

И на грудах костей твоих братий
Оснуется то царство любви,
Где не будет уж слышно проклятий,
Стонув жертв, затопленных в крови.

* * *

Вперед! За родину, друзья, —
За право, за свободу!
В борьбе со злом, сомнений нет,
Победа нам — народу!

Мы долго в мраке ночи шли,
Терпели все мученья,
Но близок, близок день, друзья!
Бьет час освобожденья!

Восстаньте, родины сыны!
К оружию! За свободу!
И знайте — в том сомнений нет, —
Победа нам — народу!

За кровь всех тех, кто раньше пал
В святой борьбе за право, —
Мы отомстим! Взойдет заря
Под заревом кровавым!

Погибель царству зла и тьмы!
И образ просветленный
Сквозь дым сражений видим мы
России обновленной.

Вперед! Зовем мы всех к борьбе,
За счастье народа,
Да здравствует Россия-мать!
Да здравствует свобода!

* * *

Родина милая наша в нужде,
В рабстве жестоком оковы несет!
Беден, забит, изнывая в труде,
Стонет рабочий народ!

Наша свобода в колодках забита;
Мы, как в тюрьме, и на воле живем...
Правда и совесть в народе убиты, —
Цепи одни мы «свободно» несем!

Цепи помещичьи, цепь капитала,
Царские цепи нас давят и жмут!
Время сорвать их давно уж настало:
Воли, свободы все ждут!

Эх, пробудись ото сна вековечного,
Русский рабочий народ!..

Душу и тело сковали оковы, —
Сбей их! И смело вперед,
Двинься на бой
С рабством, нуждой!

Царство насилья, господство кнута
Царством свободы, господством труда
Ты замени!
Жадных пиявок, сосущих народ,
Царских приспешников всяких пород
Ты прогони!
Волю, свободу, счастье народу
Смело возьми!..

* * *

Не оставим начатого дела,
Не боимся мы тяжких невзгод,
Неустанно, и твердо, и смело
Мы пойдем всё вперед и вперед.

Пусть нас гонят, пусть давят, ссылают,
Пусть позорные ставят столбы,
Не боимся мы, пусть это знают,
И не бросим начатой борьбы.

За рабочее правое дело,
За свободный общественный строй
Отдадим мы иссохшее тело
С истомленной больною душой.

Пусть враги, палачи, идиоты
Режут тело и пьют нашу кровь!
Для совместной и дружной работы,
Пусть нас гонят: сплотимся мы вновь!

ПЕСНЬ РЫЦАРЕЙ ТРУДА

Вот послушайте, братцы!
Я вам песню спою
Про слезы, про скорбь людскую,
Про то, как наш брат
Рабочий в нужде
Влачит свою жизнь трудовую.

Братцы, друзья!
Оглянитесь кругом!
Ведь повсюду, на всем белом свете,
Нас сковал капитал
Непосильным трудом
И забрал в неизбежные сети.

Оглянитесь кругом!
Всё, что видите вы,
Это создали наши ведь руки.
А что же в удел
Досталось нам?
Лишь невзгоды, невзгоды да муки.

Где же правда, друзья?
Где же мир и любовь?
Нет, уж давно их не стало.
Всюду гнет, произвол,
Всюду стоны и кровь —
Нас душит ярмо капитала!

Но мужайтесь, друзья!
Наша сила растёт,
Растёт не по дням — по часам.
Эта сила с собой
Нам несёт торжество
На гибель Маммоны жрецам.

Не кидайтесь, друзья!
Вы на милость судьбы,
На себя лишь одних полагайтесь!
Так сплотимся же мы,

Как единая семья:
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Этот клич мировой
Пусть пробудит всех тех,
Кто покорно гнуть спину готов,
Кто рабски смирен,
В ком заглохла душа
Под тяжестью гнусных оков.

Этот клич мировой
На борьбу нас зовет,
На борьбу за свет, за свободу.
В ней лишь одной,
В борьбе роковой
Спасенье и счастье народу.

Не надейтесь, друзья,
Вы на милость судьбы,
На себя лишь одних полагайтесь!
Так сплотимся же мы,
Как единая семья:
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

* * *

Друзья! Довольно слез и стонов,
Довольно!.. Все на бой пойдём
И смело, дружно мы у трона
Свободу вырвём или умрём.

Нам всё равно... Нет больше силы
Так жить, сносить ярмо невзгод;
Нам, право, легче мрак могилы,
Чем эта жизнь, чем этот гнет.

Мы много ждали, долго жили, -
Давил нас гнет и капитал.
Побой, голод — всё сносили,
Теперь довольно, час настал.

Во имя равенства и братства
Мы все оковы разобьем;
Довольно лжи, довольно рабства,
Мы песнь свободы запоем.

Свою мы долю жизнью новой,
Свободной песней обновим,
За свой удел в борьбе суровой
Мы иль умрем, иль победим.

Вперед, друзья, вперед! Без страха!..
Отбросим гнет, исчезнет тьма, —
Не страшны нам ни смерть, ни плаха
С позорной пыткой, ни тюрьма.

* * *

На баррикады! На баррикады!
Звучит повсюду призыв могучий.
Знамена вьются, спешат отряды,
Весь город полон тревоги жгучей.
Час битвы близок! День близок мщенья,
Разбиты тюрьмы, дрожат оковы.
Народ поднялся в одном стремленье —
Добыть свободу, разбить оковы.

В знаменах красных дома, балконы,
Борцы сраженью, как дети, рады,
Ведь миг наступит и рухнут троны,
И клич несется: «На баррикады!»

Час битвы близок! Сегодня грозно
Враги сойдутся померить силы;
Пусть трус уходит, пока не поздно:
Ведь скоро многих снесут в могилы.

Земли и воли кто страстно хочет,
В борьбе тот сломит врагов преграды.
Чу! Выстрел слышен? И залп грохочет.
Идут!.. Уж близко!.. На баррикады!

* * *

Погибшие братья, вам вечный покой,
Убийцам навеки проклятья!
Погибли вы смело в борьбе роковой
За нашу свободу и счастье.

Убиты вы, братья, преступной рукой
Того, кто народ угнетает,
Рабочую кровь проливает рекой,
Родную страну разоряет.

Над вашей могилой мы клятву даем,
Святой вашей кровью клянемся:
— Мы будем бороться с убийцей-царем,
Свободы и счастья добьемся.

Тогда мы на ваши могилы придем
И скажем: «Погибшие братья!
Ночь произвола сменилася днем
Равенства, братства и счастья!»

Погибшие братья, вам вечный покой,
Убийцам навеки проклятья!
Погибли вы смело в борьбе роковой
За нашу свободу и счастье!

* * *

Тесней, друзья, смелей вперед!
Нас давит капитал;
На битву наша рать идет,
Сраженья час настал!

Вперед, друзья, там веет знамя,
Конец былым скорбям,
Хвала борцам, в груди их пламя,
Близка свобода нам!

Свободы час, свободы час,
Свободы час придет для нас.

За шагом шаг в борьбе с врагом
Окрепнет дух и меч,
Не страшны в жаре боевом
Ни тюрьмы, ни картечь.

Мы, пролетарии всех стран,
Весь мир переродим.
Пусть льется кровь из наших ран,
А всё ж — мы победим!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Красное знамя, заветное знамя,
Символ свободы святой,
Всё ты омочено кровью народа,
Пóтом, горячей слезой.

Ткали тебя исхудалые пальцы,
Шила в мозолях рука,
Древко твое выросло в неволе,
В жалком лесу бедняка.

Гвозди, что в тощее древко впились,
Вбиты рукой кузнеца,
Кто поднимал тебя гордо, высоко,
Тех трепетали сердца.
Время умчалось, пора миновала,
Рухнул палач вековой,
Красное знамя как символ свободы
Вьется над нашей страной.

БАРРИКАДЫ

Борцы идей, труда титаны,
Кровавой битвы час настает.
На баррикады! За раны — раны,
За гибель — гибель! Борьба зовет!

Тяжкий млат, куй булат,
Твой удар родит в сердцах пожар.

Пыл борца жжет сердца.
Встань, народ, сигнал на бой зовет!

Социализму стяг цвета крови
Дала Коммуна, тот цвет зари.
На баррикады! Долой оковы,
И ад разрушьте, богатыри!

* * *

Знамя красное уж вьется,
Выше, братцы, поднимайте!
Клич призывный раздается,
Эй, тесней ряды смыкайте!

И по улицам широким,
Как волна могучих вод,
Мы шагнем живым потоком
Всё смелее, всё вперед!

Возвестим всему народу
Песней звонкою своей
Мы грядущую свободу,
Зóрю новых, светлых дней.

Дней без слез и без страданий,
Без господ и без рабов;
Дней, когда взамен тираний,
Будет братство и любовь.

Гряньте ж, братцы, удалую
Песню громче, веселей,
Чтоб она всю Русь святую
Вздуродорила скорей!..

Чтоб народ весь угнетенный,
Сбросив гнет своих оков,
Вдруг явился, возбужденный,
На горячий братский зов.

И, исполнен сил кипучих,
Словно сказочный герой,

• Он потряхнет своей могучей,
Богатырскою главою.

Он потряхнет, и разом грохнет
Трон державного царя,
И над Русью ярко вспыхнет
Славной волюшки заря.

* * *

Мы долго молчали, насилья рабы,
Мы долго и горько страдали,
Но вспыхнуло пламя великой борьбы,
И песни кругом зазвучали.

Свободные песни, как вешний разлив,
Покрыли и топот и стоны.
Пускай мы погибнем... На светлый призыв
За нами идут миллионы.

Мильон за мильоном суровая рать
Восстала за лучшую долю,
Свободную песню нельзя замолчать —
Певцы презирают неволю.

* * *

Пугая ссылкой и тюрьмой,
Нам всюду ставили преграды.
Долой насильников, долой!
На баррикады!

Пасть за свободу как герой, —
Славней и краше нет награды...
За мной, товарищи, за мной!
На баррикады!

Кто встал под знамя к нам — тот свой,
Тот — помни: не давать пощады...
В последний бой, победный бой!
На баррикады!

Над Россией пронесся удар громовой,
Солнца луч засверкал среди ночи,
То сплоченной стеной, то могучей волной
Поднялся пробужденный рабочий.

Задрожал трон царя, задрожал капитал.
Реет в воздухе призрак свободы,
Набежал на скалу разрушительный вал.
Поднимайтесь, весенние всходы!

И они поднялись... над холодной Невой,
Над красавцем Днепром, над Москвою-рекой,
На Кавказе, в Крыму, громяхая,
Прокатилась гроза молодая.

Проклял рабские цепи рабочий народ,
Он зажег негасимое пламя,
Поруганию смело царизм предает,
Всюду поднято красное знамя.

А опричники в страхе послали войска
Избивать безоружную массу.
Эта царская плеть, эта власть кулака
Разве новость рабочему классу?

Поднялись они, — а двуглавый орел
Уж напруг все последние силы,
Чтоб остался в стране роковой произвол,
Чтоб царил самодержец постылый.

Полицейский урядник, вампир-капитал,
Да жандарм, да шпион неизменный —
Вот с кем деспот дружил, вот с кем он заковал
В кандалы весь народ свой смиренный.

Посмотрите, товарищи, чаша полна,
В мрачных тюрьмах томились мы годы,
Человеческих прав вся страна лишена...
Подымайтесь, весенние всходы!

Вперед, вперед, вперед, друзья!
Вперед. Мы смело грянем! В ногу!
И дружно ринемся мы в бой,
Пробьем оружием дорогу
К свободе, чести той святой,
Мы жить не можем без свободы,
И смерть мы рабству предпочтем,
Но биться будем, может, годы, —
Всё же свободу мы возьмем.

СУД

Мы с верой в рабочий народ
Готовились к смертному бою,
Лишь с бою мы взяли б свободу...
Суровые судьи глядят,
Суд кончен, и вот результат:
На всех, кроме двух малолетних,
Тяжелые цепи гремят...
Но с верой в рабочий народ
Готовьтесь к смертному бою,
Лишь с бою возьмем мы свободу.

ПАМЯТИ ДРУГА

О смерти твоей услышал я в тюрьме,
Товарищ и друг мой несчастный!
Да будет же вечная память тебе
И мир после жизни ненастной!

В холодной Сибири, вдали от друзей
Погиб ты, замучен неволей,
Но плакать ли нам над могилой твоей,
Над горькой безрадостной долей?

О, плакать бы стоило, если б могло
Из слез наших мщенье родиться.
Тираны и деспоты! Время пришло:
Пора нам, пора расплатиться!

Давайте же, друга-борца схороним,
Живые покрепче сплотимся!
За дело народное в битву вступив,
С щитом иль на нем возвратимся!

И пусть нас по тюрьмам сажают,
Ломают, калечат и гнут.
Мощь наша растет, вырастает,
Уж крепнет и грозно ломает
Оковы неправедных пут!

* * *

Взвивайся гордо, наше знамя,
Под песню славную труда!
Не потушить свободы пламя
Вампирам гнусным никогда!

Мы пережили все невзгоды,
Что были раньше суждены,
Теперь уж скоро час свободы
Ударит для родной страны.

Смелее пойте, люди братья!
Недалеко до светлых дней,
Когда умолкнут все проклятья,
Не станет больше палачей.

Уж козни рушатся вампира
Под нашим знаменем святым,
И с нами лозунг уж полмира
Гремит под знаменем одним.

За долю светлую народа,
За счастье страны родной!
Вперед! Да здравствует свобода!
Долой всем ненавистный строй!

ВПЕРЕД

Нестерпимо тяжка наша доля,
Нам пришлось так много страдать!
Но, друзья, разрежаются тучи,
Стало как-то свободней дышать.
Мы крепки и могучи, как дубы,
Много сил в мускулистых руках.
Мы хотим также права на счастье,
Не хотим мы жить дольше в цепях.

Вперед, о люд рабочий,
Из душных мастерских,
Вперед из вечной ночи
Подземных стен сырых!
Наш долг сплочает нас,
И с гимном в честь свободы —
Вперед, рабочий класс!

Коль хотим мы, чтоб истиной стала
Наша греза о счастье, друзья,
Коль хотим, чтоб скорей засияла
В небе правда, свободы заря,
Коль хотим, чтоб нужда и несчастье
Не давили повсюду людей, —
То протянем друг другу, о братья,
Пролетарские руки скорей.

* * *

Владыки стран, чей властный жребий
Надежды мира обманул!
Вас не пугает стон о хлебе?
Вас не смутил подземный гул?

Иль вам не снится, что настанет
Мгновенье мести и суда,
И к вам под своды буря грянет,
Чтоб их разрушить навсегда?

Душа рабов давно устала —
В ней темный холод пустоты.
Но там, где кровь земля впитала,
Взошли багряные цветы.

Для светлых дел, для гордой мести
Родились мы — сыны рабов,
Мы — первенцы великой вести
О дне увенчанных трудов.

Среди борьбы, среди печали
Навеки нас связала нить,
Мы знамя светлое подняли
И начертали слово: «Жить!»

ПАВШИМ БОРЦАМ ЗА СВОБОДУ

Вы долго томились под сводом тюрьмы,
Вы цепи железные рвали;
Вас мучили грозные призраки тьмы,
В крови палачи утопали.
О, павшие братья, вам молимся мы,
Вы долго, вы много страдали.

Сплетало насилье терновый венок,
Глумилось оно над любовью,
И с рокотом мчался горячий поток,
Людскою окрашенный кровью...

Но в сумраке ночи зажглася заря
Рассвет красоты и отмщенья,
И мир возродился, сверкая, горя,
В минуту великого мщенья.

И люди сомкнулись могучей толпой,
Друг другу открывши объятья,
Как долго страдавшие болью немой,
В разлуке изнывшие братья.

Под небом, багровым от дыма пожаров,
В зловещей, кровавой предутренней мгле
Растут — вырастают, как вехи немые,
Могилы на русской земле.

Лежат в них герои борьбы величавой:
Матрос с броненосца, солдат молодой,
Иль, с криком проклятья замолкший навеки,
Рабочий с седой головой.

Кто пал в дни волнений в толпе возмущенной
От пики казацкой, от пули шальной,
Иль тайно расстрелян в тюрьме палачами,
Зарыт у стены крепостной.

Кто подло задушен в глухих казематах,
В далеком изгнании замучен тоской,
Сражен приговором в судах и палатах,
Кто мститель за гнет вековой.

Из ваших могил встанет солнце свободы.
Герои! Погибши в великих делах,
Вы будете вечно жить в славных преданьях,
Вам вечная память в сердцах.

БОЕВЫЕ ОГНИ

Всколыхнулась страна, будто сонное море,
Вслед за первой придет и вторая волна,
Наш подавленный гнев, наше долгое горе
Разразятся грозой на безбрежном просторе,
И восстанет страна.

Братья! Не бойтесь грозы-непогоды!
Первых ударов не ждите с тоской,
Знамя борьбы и свободы
Твердой держите рукой!
Беспросветная ночь не страшнее ненастья,
Лишь во мраке силен обезумевший враг!

Он пирует теперь за спиной самовластья,
Он трепещет, он ждет, он боится ненастья,
Но бросает свой вызов во мрак.

Он дрожит... А кругом за стенами твердыни,
Ярче призрачных гнезд в вековой пустоте, —
Вон горят маяки на широкой равнине,
Бивуачных огней не сочтешь в темноте:

От кипучих столиц до Сибири далекой
Яркой цепью зажглись боевые огни;
И пока не взойдет наше солнце с востока,
И до белого дня не погаснут они.

ПЕСНЯ РАБОЧИХ

Весна наступила, и солнце смеется,
И лес беззаботно шумит,
И молота стук в мастерской раздается,
Машина гудит да гудит.
Света не видим мы, вечно трудясь,
Отдых наш — только могила,
С нами жестоко судьба обошлась.
Счастье о нас позабыло.

С царского трона
Слова закона,
Правды — не жди!
Воля народа,
Честь и свобода —
Наши вожди.

Мы долго молчали, мы долго терпели —
Довольно! он близок, желанный исход!
Мошенники долго спокойно сидели,
И сытая сволочь терзала народ!
За лучшую долю поднимемся дружно,
Довольно ты крови напился, вампир!
Нам жадных тиранов народных не нужно,
На новых началах построим мы мир.

Штыкам и нагайкам, защитникам трона,
Мы дружно и смело навстречу пойдем —
И дрогнет царя золотая корона,
Мы родине счастье несем!

ПРОЛЕТАРСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Мы встали для грозного боя,
Как валы разъяренных морей.
Мы — враги буржуазного строя!
Мы — могильщики власти царей!
Мы священное красное знамя
Развернули над всею страной,
И из искры взметнулося пламя,
И повеяло всюду весной.

За нами все в строй! Создавайте прибой!
Будите призывным набатом!
Гремите громовым раскатом!
Вперед на бой, на бой, на бой, на бой!

Мы порохом борьбы осветили
Темноту беспросветных ночей
И за горло руками схватили
Ненавистных стране палачей.
Мы мечами великой свободы
Ниспровергли презренный престол,
И упали давящие своды,
И исчез вековой произвол.

Пусть танцуют буржуи над бездной,
Где рабочие волны шумят,
Пусть мы скованы цепью железной —
Нам победные громы гремят.
Мы отправим буржуев в могилу,
Где лежит уже царская власть,
Мы ломаем враждебную силу
И заткнем ненасытную пасть.

Есть предел и тупому терпенью:
Слишком долго плелись мы в хвосте.

Гром трубы нас зовет к выступленью,
Мы подходим к последней черте.
Мы на битву с врагами стремимся,
Как на званый торжественный пир.
Мы проклятых цепей в ней лишимся,
А себе завоюем весь мир.

Пролетарии целого мира,
Встанем все как один человек,
Мы — враги капитала-вампира,
Будь он проклят и проклят вовек!
Пролетарии целого мира,
Встанем все на буржуев-врагов,
На хозяев кровавого пира,
На земных и небесных врагов!

ШАХТЕРСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Наступило, товарищи, время!
Загорелась свободы заря.
Разогнали мы царское племя,
Ниспровергли мы трон и царя.
А в забое подземного царства,
Где тянулись усталые дни,
Разорвали мы цепи коварства —
И свежей разгорелись огни.

Кругом шум и гром! Люд пылает огнем!
Товарищи, смело на гору!
Разгоним последнюю свору!
Вперед! На бой! Вперед! Идем, идем!

Было время, бесправные люди
В этой шахте подземной, сырой
Надрывали избитые груди,
Забывали и день и покой.
Иногда в один день погибали
Сотни целые, падая в прах,
В то же время враги пировали,
Забывая и совесть и страх.

За тяжелым трудом мы узнали
Вашу злобную цель, палачи,
Для чего вы нас так угнетали,
Для чего вы точили мечи.
Много слез и невольных поклонов
Отобрали у нас вы за труд,
Не забудет вам горя и стонов
Истрадавшийся бедный наш люд.

И теперь эта жадная свора —
Генералов, банкиров, попов —
Ополчилась опять на шахтеров
И клеветает на сто голосов.
Но борцы подземельного мира
Не осудят себя на позор
И холопам кровавого пира
Приготовят последний отпор.

Миновали тяжелые годы.
Светят ярко свободы лучи.
В вольном царстве труда и свободы
Разбежались враги-палачи.
Загремела могучая песня
В подземелье свободно, как гром.
Где так было невольно и тесно,
Мы там смело и грозно идем!

КУЗНЕЦЫ

Мы — кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи,
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи! . .

Куем мы счастье народу,
Мы вольный труд ему куем,
И за желанную свободу
Мы все страдаем, все умрем, умрем, умрем.

Ведь после каждого удара
Редеет мгла, слабсеет гнет,

И по всему земному шару
Народ измученный встает, встает, встает.

Мы — кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи,
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи!..

* * *

Воля свершилась народная,
Грозный семнадцатый год!
Здравствуй, Россия свободная!
Здравствуй, свободный народ!

В пору тяжелой невзгоды
Залиты кровью года.
Кто поцелован свободой,
Не будет рабом никогда.

И если ружейные дула
Заглянут в глаза нам опять,
Знайτε, то время минуло —
Свободу нельзя расстрелять.

ПРИМЕЧАНИЯ

Дореволюционная фольклористика и литературоведение почти полностью игнорировали песни русских рабочих. Собрание и исследование произведений рабочего фольклора и пролетарской «книжной» поэзии было начато лишь в советское время. В 30-х годах и позднее выходит целый ряд сборников областного устно-поэтического творчества, в которые вошли и рабочие песни. Наиболее ценными в этом отношении являются сборники В. П. Бирюкова, Е. П. Блиновой, А. В. Гуревича, А. В. Ионова, М. С. Кашеварова и К. В. Боголюбова, В. А. Кравчицкой и П. Г. Ширяевой, А. Д. Соимонова и К. В. Чистова.¹ А из изданий революционной поэзии — трехтомник «Пролетарские поэты» (тт. I—III, «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1935—1939), составленный А. Л. Дымшицем. Г. Д. Владимирским, В. М. Абрамкиным, а также сборник «Революционная поэзия (1890—1917 гг.)», составленный А. Л. Дымшицем. При всех достоинствах, все вышеупомянутые сборники включали в себя сравнительно немного образцов русской рабочей песни.

Настоящее издание — первый опыт специального собрания песен рабочих России. По количеству песенных текстов оно является наиболее значительным. При составлении сборника были использованы не только различные публикации послеоктябрьского периода, но и тексты, взятые со страниц нелегальной большевистской печати: подпольных социал-демократических песенников, революционных газет, журналов, листовок. Часть материалов взята из архивов и публикуется впервые.

Наряду с архивными записями советских лет особый интерес представляют песни, обнаруженные среди вещественных доказательств, изъятых жандармами при обысках и арестах, в архивах министерства внутренних дел и комитета по делам печати.

В настоящем сборнике представлено, как правило, песенное творчество самих рабочих (а не их песенный репертуар).

В основном сюда вошли произведения безыменных рабочих авторов, творчество широкой фабрично-заводской массы. В этом

---

¹ Полные названия изданий, перечисленных здесь, см. ниже, в списке условных сокращений.

отличие сборника от уже имеющихся изданий пролетарской революционной поэзии. Но поскольку границы между устным и «книжным» песенным рабочим творчеством в резко очерченной форме не существует и представление о песнях русских пролетариев было бы неполным без известных революционных песен, сложенных пролетарскими поэтами-профессионалами, то и эти песни (в лучших образцах) представлены в сборнике. Не вошли в сборник рабочие частушки, своеобразный и обширный жанр фабрично-заводской поэзии. Включено лишь несколько частушечных образцов.

Весь материал сгруппирован в три больших раздела: в первом помещены фабрично-заводские песни эпохи крепостничества, во втором и третьем — песенная поэзия двух последних периодов освободительного движения в России, революционно-демократического и пролетарского. В третьем разделе выделены: 1) песни лиро-эпические, 2) песни сатирические и 3) гимны, марши и другие героико-революционные песни. Внутри этих подразделов песни расположены по возможности в хронологическом порядке.

Орфография и пунктуация даны в соответствии с современными грамматическими нормами. Устаревшие написания сохранены лишь в отдельных местах, где этого требует поэтический стиль произведений. Указания на источник текста, первую публикацию (в тех случаях, когда удалось ее установить), а также объяснения малоизвестных слов, имен и названий даны в примечаниях. Перепечатки и варианты песен, как правило, в примечаниях не указываются. Исключение составляют те случаи, когда варианты представляют особенный интерес или когда их упоминание необходимо для установления даты создания произведения.

Условные сокращения, принятые в примечаниях:

Архив ГО — Архив Географического общества СССР.

Архив ИРЛИ — Рукописное хранилище сектора народного творчества Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

Астахова и Ширяева — А. М. Астахова и П. Г. Ширяева. Старая рабочая песня. — «Советская этнография», 1934, № 1—2, 201—203.

Бирюков I — Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936.

Бирюков II — Фольклор Урала, вып. 1. Исторические сказы и песни. Собрал и составил В. П. Бирюков. Предисловие В. Е. Гусева. Челябинск, 1949.

Бирюков III — Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.

Блинова — Сказы, песни и частушки. Составила Е. П. Блинова. Челябинск, 1937.

Блюммер — Л. П. Блюммер. На Алтае. СПб., 1883.

Богданов — А. Богданов. Стихи. М., 1936.

Быстров и Новиков — Ярославский фольклор, дооктябрьский. Составили Б. Н. Быстров и Н. Е. Новиков. Под ред. В. Ю. Крупянской и В. М. Сидельникова. Ярославль, 1938.

- ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области.
- Гуревич I — Фольклор Восточной Сибири. Сборник. Составитель Ал. Гуревич. Иркутск, 1938.
- Гуревич II — Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири. Сборник составил Ал. Гуревич. Иркутск, 1940.
- Дымшиц — Революционная поэзия (1890—1917). Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Л. Дымшица. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1954.
- «Жизнь» — «Жизнь», издание социал-демократической организации «Жизнь». Лондон, 1902, № 5.
- Зайцев — Народное творчество Южного Урала. Записал И. С. Зайцев. Под ред. и с предисл. В. М. Сидельникова. Вып. 1. Челябинск, 1948.
- Ионов — Песни и сказы шахтеров. Фольклор горняков Шахтинского района. Составил А. Ионов. Ростов-на-Дону, 1940.
- Кашеваров и Боголюбов — Песни уральского революционного подполья. Сборник составили М. С. Кашеваров и К. В. Боголюбов. Свердловск, 1935.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1, М., 1911; вып. 2 — ч. 1, М., 1917; ч. 2, М., 1929.
- Кравчинская и Ширяева — Русские народные песни, записанные в Ленинградской области в 1931—1949 гг. Составили В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. Под ред. А. М. Астаховой. М.—Л., 1950.
- Магнитский — Песни крестьян с Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губ. Запись В. Магнитского. Казань, 1877.
- «Марсельеза» — Марсельеза. — Песни революции. Владикавказ, 1917.
- Милиц, Полищук, Померанцева — Русское народное творчество в Башкирии. Составители С. И. Милиц, Н. С. Полищук и Э. В. Померанцева. Уфа, 1957.
- Новикова — Русские народные песни. Сборник. Вступительная статья, составление и примечания А. М. Новиковой. М., 1957.
- Орлов — М. Н. Орлов. 1905 год в Юрьев-Польской деревне. — «Советское краеведение», 1935, № 9.
- ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ОР библ. Ленина — Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина.
- Павлова — Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР. Составитель В. Ф. Павлова. Под ред. В. И. Чичерова. Казань, 1955.
- Перова — Перед рассветом. Сост. В. Перова (В. М. Величкина). Женева, 1905.
- «Песни борьбы» — Песни борьбы. Издание Союза русских социал-демократов. Женева, 1902.
- «Песни каторги и ссылки» — Песни каторги и ссылки. М., 1930.
- «Песни революции» — Песни революции. СПб., книгоиздательство «Красное знамя», 1905.
- «Под красным знаменем» — Под красным знаменем. Сборник свободных песен, вып. 1. М., 1906.
- Пономарев — С. М. Пономарев. Что поет про себя Приуралье. — «Северный вестник», 1887, № 11, областной отдел.

- Самарин — Ю. Самарин. Песни уральских рабочих. — «Литературный критик», 1935, № 10.
- «Сборник революционных песен» — Сборник революционных песен. Пг., Издание Петербургского комитета РСДРП, 1916.
- Семевский — В. И. Семевский. Из истории обязательного горного труда в Сибири. — «Сибирский сборник», т. 2, вып. 1—2. Иркутск, 1897.
- Соболевский — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 6. СПб., 1901.
- Соймонов и Чистов — Песни и сказки на Онежском заводе. Вступительная статья А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1937.
- Тонков I — В. А. Тонков. Песни и сказки Воронежской области. Воронеж, 1940.
- Тонков II — Фольклор Воронежской области. Составление и вступительная статья В. А. Тонкова. Воронеж, 1949.
- Усов — Русские песни. Фольклор Горьковской области. Составил Н. А. Усов. Горький, 1940.
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве.

ПЕСНИ КОНЦА XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

«Ай да вы заводы...». Печ. по сб. Блиновой, стр. 220; зап. И. Сарайкиным в Катав-Ивановске на Южном Урале в 1935 г.

«Мы в посылке долго жили...». Впервые — «Резец», 1934, № 13, стр. 24; зап. П. А. Вологдиным от крестьянина Ф. Мехошина в Соликамском уезде Пермской губ. в 1881 г. *Посылка* — пребывание крестьян на заводских работах. *Песенок* — песня. *Совет* — сходка, на которой крестьяне и вербовщики заключали между собой соглашение. *Пехотой шагати* — идти пешком. *Пищичек* — пивсарь. *Буйна плата* — высокий заработок.

«Я вечер-то, добрый молодец...». Впервые — А. Филлов. Пугачевцы на Алтае. Барнаул, 1955, стр. 85; зап. И. Стрижковым на Кольванском заводе близ Барнаула. *Змеевская конторушка* — управление Змеиногорского рудника Кольвано-Воскресенских заводов на Алтае.

«Ты взойди-ка, взойди...». Впервые — Зайцев, стр. 134; зап. от П. С. Бородина в Златоусте в 1937 г. *Молодцы-бездомнички* — присланные на завод крестьяне из приписанных (по указу от 18 января 1721 г.) деревень.

«Как на горке, на горе...». Печ. по архиву ГО; зап. А. А. Александровым в с. Низовка Нижегородской губ. в 1895 г. *Гербова бумажка* — специальная бумага, на которой писали официальные документы.

«Работали мы да тут день до вечера, до потух-зари...». Впервые — Н. Шуканов. Беглые. Из жизни рабочих Златоустовского завода в первой половине XIX века. Свердловск, 1936, стр. 17. *Потух-заря* — закат солнца.

«Благослови, сударь хозяин...». Впервые — Бирюков I, стр. 273; зап. Е. П. Блиновой от И. Барсуковой в Свердловске в 1936 г. Исполнительница слышала песню от своего деда — рабочего Кыштымского завода на Урале. *Демидовы* — крупнейшие заводо-владельцы, обосновавшиеся на Урале с конца XVIII века. *Вица* — розга. *Студенца* — холодная колодезная вода.

«Ах, у нашего сударя света батюшки...». Впервые — «Песенник», ч. 4. СПб., 1780, стр. 142. Печ. по собр. Соболевского, № 449. *Окошечки косячатые* — окна с косяками, в отличие от маленьких задвижных оконца в курных избах. *Матицы таволжаные* — балки из таволги. *Остродемидовые* — остроги Демидовых, т. е. укрепленные заводские городки. *Исять* — Исеть, река на Урале.

«О, се горные работы!...». Впервые — «Томские губернские ведомости», 1865, часть неофициальная, 7—14 мая, стр. 7; зап. Е. И. Парамоновым от бывшего змеиногорского мастерового в Змеиногорске в 1865 г. *Первая часть* — первая смена. На казенном Змеиногорском руднике «рабочие люди», согласно горному уставу, трудились в несколько смен. *Бергалы* — горные рабочие, от нем. «бергауер». *Треложат* — бьют тревогу, сигналият. *Умыльня* — от «умыливать», вгонять в мыло, мучить. *Шпурик* — шпур, отверстие в шахтной печи для выпуска плава. *Правдин* — нарядчик. *Парняки* — напарники, сменщики. *Болоток* — шест для помешивания. *Фонталы* — желоба или трубы, по которым пускали воду для промывки руды. *Обер-штейгер* — старший горный мастер. *Урок* — сменное задание. *Медер, Кениг* — управители, заводские администраторы.

«Наши горные работы...». Впервые — Блюммер, стр. 105, 123. Вариант приведенной выше песни «О, се горные работы!...» *Подрудок* — рудная мелочь. *С уроком* — с уроком (см. выше). *Частный* — начальник смены. *Бергамт* — горная контора.

«На разбор нас посылают...». Впервые — Семевский, стр. 71. *На разбор нас посылают*. Из приписанных к Змеиногорскому руднику деревень, а также завербованных в других местностях подростков посылали на разборку руды. *Бельмесово* — деревня

в 12 верстах от Барнаула, *Шадрино* — в 24 верстах. *Саушка* — поселок в 12 верстах от рудника. *Нарядчик некошной* — мастер, не состоявший на казенном довольствии (коште), тогда как рабочие получали небольшой паек от казны. *Шары* — глаза.

«Вы бродяги, вы бродяги...». Впервые — С. Максимов. «Сибирь и каторга», ч. 1. СПб., 1871, стр. 426. *Целовальник* — кабатчик. *Инвалидные* — нестроевые солдаты обычно преклонного возраста, наряду с казаками несшие конвойную службу на уральских и алтайских горных заводах.

«Кто на приисках не бывает...». Впервые — «Отголоски Сибири. Сборник стихотворений разных авторов». Томск, 1889, стр. 83. *Турфовые работы* — работы по заготовкам торфа.

«Близко, близко городочка...». Впервые — «Новый российский песенник», ч. 3. СПб., 1791, стр. 33. Печ. по собр. Соболевского, № 553. *Початая* и *Толчковая слободы* — фабричные окраины тогдашнего Ярославля. *Набирать наборы* — подбирать наборы рисунков. *Школьные, манерные* — здесь: воспитанной, образованной, искусной в обхождении.

«Что баклашински ребята...». Впервые — «Сибирь», 1886, № 22, стр. 9; зап. В. Вагиным в с. Баклаши Иркутской губ. *Наливали вина так* — т. е. в долг.

«Девки строили палаты...». Впервые — Быстров и Новиков, стр. 199; зап. Л. М. Поляк в б. Переяславль-Залесском уезде Ярославской обл. в 1924 г. Вторая часть песни со слов: «У вдовушки, у вдовы» появилась в результате контаминации двух песен. *Полотенца шиты-браны* — узорчатые полотенца. *Цевки* — веретена.

«Во леску, во леску текла речка по песку...». Впервые — Киреевский, вып. 2, ч. 1, № 1489. Зап. в с. Ильинском Звенигородского уезда Московской губ. *Мошна* — кошелек. *Целовальник* — см. выше. *Щеглеватый* — рябой.

«Вы леса ль мои, лесочки, леса мои темные!...». Впервые — Киреевский, вып. 2, ч. 1, № 1578; зап. в дер. Воронки Звенигородского уезда Московской губ. *Главные хозяева Грача Скарнаухова*. Песня сложена на Ивановской фабрике купцов Грачевых, построенной в 1748—1749 гг. Грачевы были крепостными графов Шереметевых. Разбогатеv, они выкупились на волю и в 1792 г. привлекли в компаньоны купцов Карнауховых. В песне фамилии обоих хозяев слились воедино. *Светлица* — помещение, комната. *Станы самолетные* — ткацкие станки с подвижным челноком. *Основа* — продольные нити ткани.

«Как у нас то на Томаке на реке...». Печ. по рукописи ЦГАЛИ; зап. от бывшей ткачихи фабрики купца Каулина В. П. Хорьковой в Московской обл. в 1935 г. *Шлихтовальщики* — рабочие, стоявшие на проклейке основы ткани. *Проборщицы* — здесь: прошивальщицы. *Шабаш* — здесь: окончание работ.

«У Лафузова на фабрике...». Впервые — Павлова, стр. 285; зап. В. Ф. Павловой от бывшей работницы на фабрике Алафузова, ныне Льнокомбината им В. И. Ленина, в Муслюмовском районе Татарской АССР в 1932 г.

«Как у Кати, да у Катерины...». Впервые — В. Коллар. Очерки музыкального быта Сормова. — «Советская музыка», 1949, № 8, стр. 80; зап. от рабочего А. И. Рыбакова в Сормове. Припев повторяется после каждой строки.

«Мой-ет миленький...». Впервые — Пономарев, стр. 43; зап. в Приуралье. *На чёлышке* — на лбу.

«Слава богу, наш хозяин...». Впервые — Магнитский, стр. 63; зап. в с. Беловолжском Чебоксарского уезда Казанской губ. При пении в пятой строке снизу называли фамилию хозяина, у которого рабочим будто бы живется лучше. Припев повторялся через каждые две строки.

«Как на Маре на реке...». Печ. по архиву ГО; зап. А. Александровым в Костромской губ. в 80-е годы прошлого столетия. *Враг* — овраг. *Флюсовы рубашки* — лохмотья, рвань, от нем. «флюст» — ветошь.

«Наш хозяин нерадив...». Впервые — Блинова, стр. 219; зап. П. Алексеевым от бывшей работницы В. А. Жигалевой в Кушве в 1936 г. *Благодать* — гора близ Кушвы, на которой находились крупные горные разработки.

«Не последний был красильщик...». Впервые — «Современник», 1864, № 7, стр. 72. Печ. по рукописи ЦГАЛИ; зап. Н. А. Куштумом от слесаря Ф. С. Демьянченко в Подмосковье. О песне см. вступ. статью, стр. 11. *Паровая машина* — поезд.

«Во приисках лето жили...». Впервые — Бирюков I, стр. 274; зап. от И. М. Лошкова, слышавшего песню от старых рабочих Бисертских платиново-золотых присков графов Шуваловых в Екатеринбургe (Свердловске). *Бисертская дорожка* — знаменитый Сибирский тракт.

«Эх, да постыла контрашна работа...». Впервые — Зайцев, стр. 134; зап. от рабочего П. С. Бородина в Златоусте в 1937 г. *Контрашна работа* — работа по договору, по контракту.

ПЕСНИ 1860—1880-х ГОДОВ

«Уж ты волюшка, да разневоля...». Впервые — «30 русских народных песен. Хор им. Пятницкого». Записи Вл. Захарова. Ред. и примеч. П. М. Казымина. М.—Л., 1939, стр. 55; зап. М. Е. Пятницким в с. Александровском Бобровского уезда Воронежской губ. в 1903 г.

«Стоит сахарный завод...». Впервые — Г. Владимирский. Рабочие песни XIX века. — «Литературный Донбасс», 1936, № 1, стр. 19; зап. М. К. Васильевым на Лебединском сахарном заводе в Чигиринском уезде. *Махан* — конское мясо. *Стояной* — долго стоящий. *Рядчик* — здесь: вербовщик.

«Уж ты зимушка-зима...». Впервые — «Русские ведомости», 1888, 22 января. Печ. по рукописи ЦГАЛИ; зап. от работницы фабрики «Пролетарка» Е. И. Жуковой в Москве в 1935 г. Вторая строка каждого двестишья повторялась дважды. *Мотыль* — спица махового колеса.

«В шестьдесят четвертом годе...». Впервые — Бирюков III, стр. 96; зап. от рабочего Н. И. Рожкова в Нижне-Исетске в 1937 г. Вариант песни «Уж ты зимушка-зима...» (см. стр. 66). *Брюханов* — крупный уральский заводчик.

«Что шахтерска жизнь проклята...». Впервые — «Русские ведомости», 1889, 23 апреля; зап. С. Видьбиным (С. А. Раппопортом) на юге России в 1887 г. Записи С. Видьбина Г. И. Успенский включил в свою статью «Новые народные песни», в которой он, говоря о каторжном труде рабочих, писал: «Он (рабочий. — А. Н.) твердо знает свое ужасное положение, ясно видит, что оно каторжное... Каторжная работа, а рядом с ней кабацкое облегчение и в конце концов — бесследное истощение и исчезновение человеческого существа с лица земли». *Лутошечка* — липа с ободранной корой.

«Мужики вы, мужики...». Впервые — Бирюков I, стр. 281; зап. от Е. И. Башурова в Октябрьском поселке Свердловской обл. Исполнитель слышал песню в 1909—1910 гг. в Кизеле.

Друже. Впервые — Бирюков I, стр. 281; зап. от Е. И. Башурова в Октябрьском поселке Свердловской обл. Башуров сообщил, что слышал песню до революции от ссыльного по кличке Горобец-отважный, который работал с шахтерами больше полугода, после чего избил полицейского и бежал. *От Миколы до Ивана* — т. е. и зimu и лето.

«Понсдельник — легкий день...». Впервые — Бирюков III, стр. 280; зап. от А. Г. Коревановой в Ревде в 1935 г. По словам исполнительницы, пети в Ревде в 1870—1880 гг. *Курень* —

место выжига в лесу древесного угля, поташа, дегтя и т. д. *Синара* — уральская река, приток Исети.

«Шахтер в клеточку садится...». Впервые — Бирюков I, стр. 43; зап. Ю. А. Самариным в Кизеле в 1930 г. *Клеточка* — клеть, подъемное приспособление в шахте. *Загонщик* — погонщик лошадей в шахте при конной откатке вагонеток. *Ходит со свечами*. Шахтеры работали при свете стеариновых свечей или ламп, заправленных маслом.

«Как на свете живется...». Впервые — Блинова, стр. 223; зап. Е. П. Блиновой от рабочего А. Я. Ерошина на Урале.

«Загудел гудок на пять...». Впервые — Ионов, стр. 26; зап. от С. П. Каменева на шахте «Петровка» в Шахтах. *Клеточка* (клеть) — см. выше. *Камера* — горная выработка, предназначенная для стационарных установок (насосная, трансформаторная и пр.).

«Нет, ребяташки, трудней...». Впервые — «Русские ведомости», 1889, 23 апреля. *Ствол* — скважина, колодец, соединяющий подземные выработки с поверхностью земли. *Бадейные* — рабочие, разгружавшие бадью при подъеме из шахты. Бадья — род ушата, большое окованное железными обручами деревянное ведро. *Воротные* — рабочие при вороте, приспособлении для подъема бадьи.

Шинкарю Кондрашке. Впервые — Бирюков I, стр. 283; зап. в Нижнем Тагиле. По сведениям составителя, автором песни является нижнетагильский рабочий Дмитрий Пылаев, по прозвищу Черемшанка, песни которого пользовались в начале этого столетия большой популярностью среди рабочих Нижнего Тагила. *Кондрат* — известный в дореволюционном Нижнем Тагиле владелец кабака железного рудника Мартюшев, спивший не одну сотню рабочих.

«Чуть как зоренька зарится...». Впервые — Блинова, стр. 223; зап. П. Алексеевым на Урале. Припев повторяется после каждого двустушия. *Будилочка* — нарядчик, мастер. *Становой* — нарядчик, мастер. *Подколка, отвалка* — производственные процессы при добыче руды. *Стан* — задание.

«На донской земле привольной...». Впервые — «Русские ведомости», 1889, 23 апреля. Печ. по сб. С. И. Василенка «Народное творчество» (Минск, 1940, стр. 235). *Рукоятчик* — рабочий-лебедчик. *Ламповая* — здесь: помещение, в котором заправляют маслом лампы шахтеров. *Клетка* — см. выше. *Становой* — см. выше. *Продольные* — горизонтальные подземные ходы к месту работы угольщиков. *Сапожник* — здесь: тормозной, рабочий, тормозящий на ходу партию вагонеток. *Саночки* — салазки для отвозки угля.

«Не ропщи-ка, Пашенька драгая...». Впервые — Бирюков I, стр. 38; зап. от А. А. Бугаковой в Каменске-Уральском

Свердловской обл. в 1937 г. Исполнительница слышала песню в детстве. В *Богословском* — на заводах Богословского горного округа на Урале.

Песня о коногоне. Впервые — Ионов, стр. 24; зап. В. Суботиним от рабочего К. И. Шевченко на шахте им. Красина в Шахтах. Использована Б. Ласкиным — автором песенных текстов — для фильма «Большая жизнь» (1940). *Коногон* — погонщик лошади. *Тормозной* — см. выше примеч. к песне «На донской земле привольной...». *Забуриться* — сойти с рельс. *Пары* — деревянные столбы, крепления в шахте. *Коренная* — лошадь, ходившая в основной упряжке. *Ламповая* — здесь: работница, занимавшаяся заправкой и чисткой ламп шахтеров. *Стволовой* — рабочий, регулирующий движение клетки по стволу, вертикальному ходу в шахту.

«Встань, проклятая машина...». Впервые — Бирюков II, стр. 74; зап. от П. И. Федосеева, 46-ти лет, в Верхне-Уральске в 1936 г. Он слышал песню во время революции 1905—1907 гг.

«Как рабочие Голубкова...». Впервые — «Сибирская газета», 1886, 2 ноября. *Голубков, Толкачев* — енисейские золотопромышленники 40—50-х гг. XIX в. *Бродни* — сапоги с длинными голенищами, которые носят рабочие, охотники, старатели и т. д.

«Как доверенный за нами...». Впервые — Бирюков III, стр. 39; зап. от А. А. Рудова, род. в дер. Кукольниково Ольховского района Курганской обл. в 1938 г. *Доверенный* — вербовщик, сопровождающий. *Азям* — старинная верхняя одежда, имевшая вид долгополого кафтана. *Бурахта* — сибирское село, в котором золотопромышленники нанимали рабочих. *Малишевский* — содержатель трактира. *Ерут* — пристань на Енисее.

«Время — тяжелый период...». Впервые — А. Рябинин. Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенском промышленном районе. — «Минувшие годы», 1908, стр. 465. Стихотворение ивановского красовара Ивана Фролова. *Коты* — сутенеры, бродяги.

«Во деревне-то я спородился...». Впервые — Зайцев, стр. 135; зап. от У. Е. Ежовой, 50-ти лет, в Златоусте в 1938 г.

«Измученный, истерзанный...». Печ. по сб. Соимонова и Чистова, стр. 91; зап. от рабочего старого Александровского завода К. Л. Копаева в Петрозаводске. В основе песни лежит стихотворение рабочего поэта Прохора Григорьевича Горохова (ум. в 1920 г.). В 1905 г. питерские рабочие пели эту песню, заканчивая словами:

Не стой, не стой отчаянно
В мопильной мастерской.
Свергай ты паразитов тех
Могучею рукой.

(См. ст. А. Дымшица «Основные вопросы изучения фабрично-заводских рабочих». — «Натиск», 1935, № 8—9, стр. 99).

«Жизнь наша нелегкая...». Впервые — Астахова и Шнярева, стр. 203; зап. на фабрике им. 1-го Мая в Ленинграде в 30-х годах.

«Фабричный, фабричный!...». Впервые — Д. Успенский. Фабричная поэзия. — «Книжки недели», 1895, сентябрь, стр. 9.

«Мучит, терзает головушку бедную...». Впервые — «Песни борьбы», стр. 70. Печ. по архиву ИРЛИ; зап. В. Чистовым от П. Васильевой в Горьком в 1935 г. Васильева — жена рабочего-подпольщика, сама в 1906—1908 гг. сидела в тюрьме. Публикуемый вариант рабочей песни возник на основе стихотворения поэта-народника С. С. Синегуба (1851—1907), которое было в первый раз опубликовано в «Сборнике новых песен и стихов» (Женева, 1873, стр. 9). На основе этого стихотворения возник ряд песенных вариантов. О судьбе своего произведения Синегуб писал в 1906 г.: «Его, кажется, и до сих пор поют и в России и в Сибири; я слышал, как его пели в далекой Нишанской тайге, не особенно далеко от Охотского моря» («Воспоминания чайковца». — «Былое», 1906, № 3, стр. 52). В ЦГИАМ в фонде вещественных доказательств, изъятых жандармами при обысках и арестах, обнаружен следующий вариант песни:

Грохот машин, духота нестерпимая,
 Воздух насыщен парами и пылью угля, —
 Вот она, жизнь нелюдимая,
 Жизнь горемыки меня.
 Пила ль затупилась, работа ль не ладится,
 Эх, ведь какая напасть!
 Сколь греха-то положишь тут на душу,
 Господи, боже мой, страсть!
 Как не завидовать пану Брушевскому,
 Что в кабинете сидит,
 Чай попивает да потирает он ручки,
 Знать, на душе не болит.
 Ласков на вид, а поди-ка ты, миленький,
 Стань-ка прибавку просить:
 Он и корит, и бранит, и ругается,
 И тебя ж норовит пристыдить.
 Станешь работу сдавать,
 Всё он бранит и ругается,
 Всё норовит браковать,
 Всё норовит, чтоб поменьше досталось
 Нашему брату-ткачу.
 Эй, ты, хозяин, надсмотрщик, приказчики,
 Жить ведь я тоже хочу!

«Света лишенный, от мира оторванный...». Впервые — Ионов, стр. 26; зап. от С. П. Каменева в Шахтах. Исполнитель слышал песню в 1910—1911 гг. от коногона Т. И. Ионина и сам не раз пел ее с другими шахтерами.

Железная дорога. Впервые — Зайцев, стр. 137; зап. от П. Г. Калининой, 49-ти лет, на Урале в 1940 г. Припевы попеременно исполняются после каждого двуступиши с повторением последней строки. *Чугунина* — железнодорожная колея.

Дума кузнеца. Впервые — «Сборник новых песен и стихов» Женева, 1873, стр. 29. Песня возникла на основе стихотворения Д. А. Клеменца (1848—1914) — видного деятеля русского революционного движения. «Дума» была посвящена кузнецам и слесарям с. Павлово Горбатовского уезда Нижегородской губ.

Дубинушка. Впервые — «Общее дело», Женева, 1885, декабрь, № 80, стр. 15. Автор публикуемого текста «Дубинушки» — А. А. Ольхин (1829—1897), поэт, адвокат. «Дубинушка» имеет богатую творческую историю. В различных вариантах она была известна уже в 1860-х годах. Стихотворение А. А. Ольхина написано на основе «Дубинушки» В. И. Богданова (1838—1886), напечатанной впервые в «Будильнике» (1865, № 60). С некоторыми изменениями Ольхин сохранил три богдановских строфы. Текст, написанный Ольхиным, сразу поднял популярность «Дубинушки». Припев и мотив во всех «Дубинушках» примерно одинаковый, взятый из пространенной бурлацкой песни. В годы массового рабочего движения наряду с «Дубинушкой» широко бытовала ее позднейшая переделка «Машинушка», см. стр. 206.

Камаринская. Впервые — «Свободные русские песни» [Берн], 1863, стр. 37. Печ. по сб. «Песенник». Женева, 1873, стр. 9. Стихотворение является переделкой народной песни «Ах ты сукин сын, камаринский мужик...» и, в свою очередь, превратилось в народную песню, особенно часто звучавшую в среде передовых рабочих. *Становой* — становой пристав, полицейский чиновник в царской России. *Уставная грамота* — здесь: соглашение между помещиком и крестьянами, определявшее размер крестьянских наделов после реформы 1861 г. и платежи за них. *Ярыга* — здесь: пьяница, мошенник. *Бант* — аксельбант, плетеное украшение из золотых или серебряных нитей, которое носили на правом плече некоторые военные и штатские чины царской России.

«По пыльной дороге телега несется...». Печ. по сб. «Песни каторги и ссылки», стр. 39. А. М. Новикова считает, что это песня польского происхождения (см. Новикова, стр. 680). Припев повторяется после каждого куплета.

«Вы жертвою пали в борьбе роковой...». Печ. по сб. «Песни борьбы», стр. 65. История создания песни до конца не

выяснена. По сведениям Ф. Я. Кона, песня в качестве похоронного марша исполнялась уже в 1883 г. в Варшаве. Текст представляет контрпункцию двух стихотворений. Автором первого отрывка называют журналиста В. Г. Архангельского (см.: «Песни русских поэтов», сост. И. Н. Розанов. Л., 1957, стр. 435), а также, предположительно, революционера И. М. Познера (см.: М. С. Друскин. Революционная песня 1905 г. — «Советская музыка», 1935, № 12, стр. 15). Второй отрывок написан В. Г. Архангельским и напечатан в газете Г. К. Градовского «Русское обозрение», 1878, 5 февраля. В песенном бытовании оба отрывка слились.

Последнее прости. Впервые — «Вперед», 1876, № 33, стр. 284. Печ. по сб. «Песни борьбы», стр. 66. Автор — писатель Г. А. Мачтет (1852—1901). См. об этом: Ф. И. Витязев. Кто автор стихотворения «Замучен тяжелой неволей». — «Литературная газета», 1937, 21 января. Авторское название в обиход не вошло. Возникший похоронный марш знают по первой строке: «Замученный тяжелой неволей...». Стихотворение посвящено памяти студента Павла Феокистовича Чернышева (1854—1876), умершего в 1876 г. в результате невыносимых условий тюремного заключения. Его похороны на Волковом кладбище в Петербурге стали политической демонстрацией. В процессе песенного бытования текст несколько фольклоризировался, так, в 3-й строке стали петь: «В борьбе за рабочее дело» и т. д. В годы пролетарского революционного движения стала любимой траурной песней русских рабочих. Ее часто пели большевики в ссылке. Она была одной из любимых песен А. И. Ульянова и В. И. Ленина (См.: А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М., 1934, стр. 257). Эта песня звучала в 1924 г. на похоронах В. И. Ленина. В годы Великой Отечественной войны ее пели советские люди, сражавшиеся с фашизмом; с этой песней встретили смерть молодогвардейцы Краснодона.

«Не трава в степи колышется...». Впервые — «Вперед», 1876, № 33, стр. 293. Одновременно редакция поместила пояснительную заметку под названием «Стихотворение рабочего»: «В редакции получено было недавно печатаемое ниже стихотворение с следующей припискою: «Если найдете нужным, то поместите эти стихи. Это произведение одного рабочего. Но если поместите, не делайте никаких поправок и изменений». Желание корреспондента исполнено редакцией с удовольствием...». Позднее текст стихотворения многократно помещался в нелегальных рабочих песенниках, его декламировали и пели.

Ткачи. Впервые — П. Моисеенко. Воспоминания. М., 1924, стр. 34. Петр Анисимович Моисеенко (1852—1923) — ткач по профессии, один из первых русских рабочих-революционеров, является создателем двух известных песен — «Ткачи» и «Я хочу вам рассказать...». Песня написана им вместе с рабочим-революционером

Штрипаном в 1879 г. в тюрьме, где они сидели за участие в забастовке на петербургской Новой бумагопрядильной фабрике. «Мы со Штрипаном задумали писать кто что может, но у нас не было ни бумаги, ни карандаша, ухитрились спичкой писать на стене, потом утилизировать свинцовую обертку от чая», — рассказывал позднее Петр Моисеенко. Песня Моисеенко и Штрипана вскоре стала известна передовым рабочим других текстильных фабрик. *Крючок* — приспособление для заводки ниток в основу. *Корзина* — брак в ткани от оборвавшейся в основе нитки. *Набор* — зубчатое колесо для накатывания выработанного материала на валик. *Щипцы* — инструмент для очистки ткани от узелков. *Кидка* — место в станке, где ходит челнок. *Навой* — валик, на который намотана основа. *Заход* — уборная. *Канавы* — Обводный канал, где находилась Новая бумагопрядильная фабрика, в просторечье Новая Канавы.

«Я хочу вам рассказать...». Впервые — П. Моисеенко. Воспоминания. М., 1924, стр. 35. Песня озаглавлена «Вторая песня», однако П. Моисеенко, видимо, имел в виду порядок написания песен, этой и предыдущей. Писал он ее один, без Штрипана.

«Сипло гудок завывает...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. П. Г. Ширяевой от рабочего, тов. Паллона, в Ленинграде. Близкий вариант песни был опубликован в «Правде» (1912, 23 мая). *Невский завод* — Невский завод в Петербурге, сейчас Невский машиностроительный завод им. В. И. Ленина.

Близкий текст к опубликованному в «Правде» зап. А. Соймоновым от рабочего П. Д. Морозова, 61 года, в Петрозаводске (Соймонов и Чистов, стр. 27):

Сипло заводской гудок завывает,
 Властно рабочих зовет.
 Старый Александровский завод оживает,
 Крови и пота он ждет.
 Злобно скрежещут машины,
 В такт шестеренки стучат.
 Песни станков тоскливо зовут.
 Песни о вечной невзгоде,
 Песни — проклятье судьбе,
 Песни о близкой свободе,
 Песни о счастье в борьбе.
 Злобно скрежещут машины,
 Четко стучат шестерни.
 Ломят рабочие спины,
 Нехотя гнутся они.
 Сипло заводский гудок завывает.
 Кончился день трудовой.
 Старый завод засыпает,
 Крови напившись людской.

ПЕСНИ 1890-х—1917 ГОДОВ

I

«Последнюю рубашонку...». Впервые — Астахова и Ширяева, стр. 203; зап. П. Г. Ширяевой от рабочего Коковцева на заводе «Красный треугольник» в Ленинграде. Сложена рабочим завода И. Д. Волковым в 1894 г. См. о нем вступ. статью, стр. 19. *Вальцы* — пресс в виде вращающихся в разных направлениях цилиндрических или конусообразных валиков.

«У Корзинкина во ткацкой...». Впервые — «Северный рабочий», 1937, 8 марта; зап. М. Орловым на б. фабрике Корзинкина в Ярославле в 1909 г.

«Кто на Охте не жывал...». Впервые — «Литературная газета», 1933, 11 декабря; зап. А. М. Астаховой и З. В. Эвальд от Е. М. Борисовой, 36-ти лет, на фабрике им. 1-го Мая (б. акционерного общества бумагопрядильной мануфактуры Бек, Джемс и К^о) в Ленинграде. Исполнялась также на фабрике Штиглица (сейчас им. Халтурина). Переработка солдатской песни «А кто не был за Дунаем, тот горя не знает...». *Охта* — бывшая рабочая окраина в Петербурге, на правом берегу Невы. *Шпиндель* — здесь: веретено в прядильной машине.

К работницам Карточной фабрики. Впервые — «Рабочая мысль», 1901, апрель, стр. 7. На основе стихотворения возникла песня, получившая известность и на соседних фабриках. Песенный текст записан в 1930-х годах от работницы Раи Князевой. Положение женщин на капиталистическом производстве в начале 900-х годов было очень тяжелым. «Нужен большой запас стойкости, чтобы, борясь с нуждой и работая по 12 часов в сутки, противостоять петербургским соблазнам и не пойти по пути порока, который оплачивается гораздо лучше», — писала одна из работниц конфетной фабрики (М. Н. Покровская. Петербургская работница. — «Мир божий», декабрь, 1900, стр. 36). *Мастер Цубе* — мастер, снискавший особую ненависть работниц. *Катька-писариха* — Екатерина Лорхова, одна из помощниц Цубе.

Фабричная колыбельная. Печ. по рукописи ЦГАЛИ; зап. от организатора хора старых рабочих В. И. Яковлевой в Москве в 1935 г.

Причитание по рабочему. Впервые — Соймонов и Чистов, стр. 31; зап. Н. Новиковым от жены рабочего Онежского завода, А. С. Укконен, 57-ми лет, в Петрозаводске.

«Пошел мой муженек родненький...». Впервые — Соймонов и Чистов, стр. 28; зап. Н. Новиковым от А. С. Укконен. Исполнительница назвала песню «плачем о муже своем, который

обжог ногу при плавке стали». *Казенное гнездышко* — здесь: больница.

«Он не брал громадных взяток...». Впервые — «Советский фольклор», № 2—3. М.—Л., 1936, стр. 114; зап. П. Г. Ширяевой на заводе «Красный треугольник» в Ленинграде. Автор песни И. Д. Волков. См. о нем вступ. статью, стр. 19. *Вальцы* — см. стр. 259.

В вальцовке. Впервые — «Советский фольклор», 1936, № 2—3, стр. 115; зап. П. Г. Ширяевой на заводе «Красный треугольник» в Ленинграде. *Вальцовка* — цех, где происходит вальцование какого-либо материала, т. е. прессование или дробление его на вальцах.

«Вот что-то сердце заболело...». Впервые — Ионов, стр. 27. Печ. по сб. Минц, Полишук и Померанцевой, стр. 252; зап. от Н. Казаковой, 16-ти лет, в Благовещенске.

«Посылают шахтеры и свет и тепло...». Впервые — «Фольклор Дона и Кубани». Ростов-на-Дону, 1938, стр. 158; зап. в Донбассе в 1936 г. *Казенка* — казенная винная лавка в царской России.

«В шахте молотки стучат...». Впервые — «Песни казторги». Собрал В. Н. Гартевельд. М., 1912, стр. 27. Припев повторяется после каждого шестистишия.

«Бывали дни несветные...». Впервые — Бирюков I, стр. 282; зап. от П. П. Дьячкова, 60-ти лет, в Свердловске в 1936 г. Песню слышал на Егоршинских копях в с. Ирбитские Вершины.

«На Трофимовском угоре...». Впервые — Бирюков I, стр. 279; зап. со слов писателя П. П. Бажова (1879—1950), который запомнил ее с детства, в юности записал, а позднее, в 1936 г., воспроизвел по памяти утерянные записи. П. П. Бажов записал также песни «Эх, Шиповка, ты Шиповка...», «Прощай, Сысерть моя родная...», «Цапля», которые приведены в этом сборнике ниже. Автором всех этих и ряда других песен и стихотворений является рабочий поэт-самородок Николай Николаевич Медведев, прозванный в Сысерти Мякиной. Его произведения охотно учили, пополняли новыми строками. «Эти песни без большой ошибки можно назвать песнями сысертской рабочей молодежи конца прошлого столетия», — писал Бажов (см. Бирюков I, стр. 290). «Трофимовка — одна из улиц, имевших крутой спуск к заводскому пруду. К масленице вся эта улица, от проулка до пруда, превращалась в ледяную гору — угор... Катались чаще всего «кораблем». Двое мужчин садились на салазки один против другого, гремя ног вьюсь вдоль салазок. Сбоку, на колени к ним садилась женщина. Сидевший «на корме» направлял движение салазок и, в случае надобности, тормозил специаль-

ным инструментом — правилками. Это что-то вроде укороченных плотничьих шилев, насаженных в довольно объемистые рукоятки... Каточки в Трофимовой улице, конечно, в это время работали усиленно...» (там же).

«Эх, Шиповка, ты Шиповка...». Впервые — Бирюков I, стр. 277. *Шиповка* — улица в Сысерти. *Коростенка*, *Паруныка*, *Верховский* — трактирщики, владельцы винных лавок в тогдашней Сысерти. *До сибирского греха* — т. е. до убийства, за которое обычно отправляли на каторгу в Сибирь.

«Прощай, Сысерть моя родная...». Впервые — Бирюков I, стр. 276.

Цапля. Впервые — Бирюков I, стр. 279. Печ. по Бирюкову III, стр. 52. *Пестрядь* — грубая ткань, пестрая или полосатая. *Шуровочка* (шаровка) — углевыжигательная печь. *Паленьговска плаха* — метровые поленья для пудлинговых печей. *Пакли* — лапы. *Подгорна* — Подгорная улица в Сысерти. *Попетан* — заводский надзиратель. *Немогутка* — прозвище управляющего заводом.

«В малахитной он робил...». Впервые — Бирюков I, стр. 275; зап. Е. П. Блиновой от Н. Пынаева в Свердловске в 1935 г. Исполнитель заучил текст от своего дяди, рабочего Высокогорского рудника. *На рассылки поступил* — работал посыльным.

«Работал я работушку...». Впервые — Зайцев, стр. 135; зап. от У. Е. Ежовой, 50-ти лет, в Златоусте в 1938 г.

«Распрокляты Турчанин...». Впервые — Бирюков III, стр. 90; зап. от Н. М. Пулькина, 69-ти лет, в дер. Усть-Караболка Багарякского района Челябинской обл. *Турчанинов* — один из владельцев Сысертских заводов, к которым были в XVIII и начале XIX века приписаны крестьяне близлежащих сел и деревень.

«Распрокляты наш завод...», «Грудь расшиб себе два раза...», «Управитель наш подлец...», «Эх ты, маменька родима...», «Заперты мы на заводе...», «Никуда нам нет пути...», «Посмотрю на своего сына...», «Тяжело, братцы-ребяга...», «Белорецкий завод славный...», «Затряслась земля сырая...», «Инженеру <имярек> паром рыло обварило...». Впервые — Г. Белорецкий. Заводская поэзия. — «Русское богатство», 1902, № 12, стр. 41. Г. Белорецкий — псевдоним собирателя уральского фольклора Г. П. Ларионова. *Мартыновские печи* — мартеновские печи. *Монопольское вино* — водка, на продажу которой существовала государственная монополия. *Белорецкий завод* — завод на Урале, на реке Белой.

«Как вечернюю порою...». Впервые — Самарин, стр. 161; зап. от рабочих металлургического завода в Алапаевске.

«Как на Сормовском заводе...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. от рабочего И. Г. Иванова в Сормове. *Мещерский, Приемский* — управляющие Сормовским заводом.

Сормовская песня про Бенардаковский завод. Печ. по архиву ИРЛИ; зап. от рабочего И. П. Изотова в Сормове. *Бенардаки* — основатель и первый хозяин Сормовского завода.

«На Нижнетагильском заводе...». Впервые — Кашеваров и Боголюбов, стр. 17; зап. Ю. Самарин от рабочего Нижнетагильского завода М. Я. Будрина в Нижнем Тагиле в 1931 г. Будрин и другие рабочие сообщили, что песню сложил один политический ссыльный в 1907 г. Исполнялась она на мотив, близкий песне «По диким степям Забайкалья». *Важгин-артельщик* — мастер. *Павлуха* — уральский заводчик Павел Демидов (ум. в 1908 г.). *Урядник* — нижний чин уездной полиции в царской России.

Чермозская марсельеза. Впервые — Кашеваров и Боголюбов, стр. 47. Текст извлечен из архива Пермского жандармского управления. Песня относится к 900-м годам и рассказывает о бунте рабочих Чермоза. *Пивинский* — управляющий заводом. *Врага в лапках поводить*. На уральских заводах был обычай: рабочие обували ненавистных мастеров в лапти и водили к реке поить водой. Чаше в песнях говорится о вывозе мастеров на тачке. *Витушка* — витой калач.

«По теченью невских вод...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. И. Н. Этиной от кочегара б. Обуховского завода В. Е. Соколова в Ленинграде в 1936 г. По словам исполнителя, песню пели в 1901 г. в петербургской пересыльной тюрьме. См. об этом вступ. статью, стр. 20.

«Как четвертого числа...». Впервые — «Южный рабочий», 1902, № 8, стр. 13. Песня неизвестного автора. Предназначалась для распространения среди солдат с целью агитации. Однако данных о бытовании песни в армии нет. Записана от рабочих в нескольких вариантах (А. Л. Дымшиц. Устное поэтическое творчество фабрично-заводских рабочих. — «Русское народное поэтическое творчество», под ред. П. Г. Богатырева. М., 1954, стр. 434). По форме является переделкой известной севастопольской песни «Как четвертого числа...», написанной Л. Н. Толстым и опубликованной впервые в «Полярной звезде», III, стр. 316. *Как четвертого числа*. 4 марта 1901 г. в Петербурге у Казанского собора казаки, полиция и солдаты жестоко расправились со студенческой демонстрацией. *Фараоны* — полицейские. *Клейгельс* — градоначальник Петербурга, непосредственный организатор побоища. *Вяземский* — член Государственного совета, присутствовавший при расправе.

«Как четвертого апреля...». Впервые — Бирюков I, стр. 262. Печ. по рукописи ЦГАЛИ. Автор — рабочий Воткинского

завода на Урале М. Ф. Попов. Песня написана им в сарапулской тюрьме, где он сидел за участие в забастовке на Воткинском заводе в 1902 г., когда свыше 5000 человек бросили работу. Исполнялась на мотив популярной тогда песни «Дело было под Полтавой...». *Стражник* — низший полицейский чин в сельских местностях царской России. *По плотине вековой*. Уральские заводы строились обычно по берегам рек. Плотины многих заводов были сооружены еще в XVIII в.

«Побег. Впервые — Кашеваров и Боголюбов, стр. 37. Печ. по сб. Бирюкова I, стр. 265; зап. от старых рабочих в Перми. М. С. Кашеваров и К. В. Боголюбов извлекли текст из архива Пермского жандармского управления, в частности из хранившегося там рукописного журнала пермской тюрьмы «Каземат» (1906). Под текстом подпись: В. В. Южаков. Песня рассказывает об удачном побеге семи политических заключенных. Исполнялась на мотив «Нелюдино наше море...». *Один солдатик смелый*. В подготовке побега участвовал один из охранников, бежавший затем вместе с заключенными.

«Вот гудок прогудел на заводе...». Впервые — «Путь правды», 1914, 18 февраля. Стихотворение рабочего поэта К. Теркина (Львова).

«Ах, зачем ты, ямщик, перестал песню петь...». Впервые — Кравчинская и Ширяева, стр. 85; зап. от группы старых производственников в Ленинграде.

«На одной из улиц отдаленных...». Впервые — Кравчинская и Ширяева, стр. 87; зап. на Октябрьской фабрике в Ленинграде. По словам исполнителя, в песне идет речь о Литовской тюрьме в Петербурге.

«Напротив римского собора...». Впервые — Бирюков II, стр. 57; зап. от Я. Ф. Коновалова в с. Усолье Пермской обл. в 1935 г. Исполнитель заучил песню в Николаевской тюрьме Верхотурского уезда в 1907—1908 гг.

«Наша жизнь коротка...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. П. Г. Ширяевой от А. Г. Заморской, Н. Я. Епифанова и других в Обществе старых большевиков в Ленинграде в 1935 г. Пролетарская переделка старинной студенческой песни. Причем слова: «Выпьем мы за того, кто «Что делать?» писал» — рабочие связывали с именем В. И. Ленина. Припев повторяли после каждого куплета. *Плевс Вячеслав Константинович* (1846—1904) — реакционный государственный деятель царской России. С 1902 г. — министр внутренних дел. В 1904 г. был убит эсером П. Сазоновым.

«Да скуем мы, братцы...». Впервые — Блинова, стр. 224; зап. И. Сарайкиным на Саткинском заводе на Урале.

«Я в сорочке, знать, родился...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. П. Г. Ширяевой в Обществе старых большевиков в Ленинграде в 1935 г.

«Братцы, гонят нас далеко...». Впервые — листовка «Эх, пора бы, братцы, взяться нам за ум...» (В. И. Чичеров. Песни и стихи пролетариата в период революционного движения. — «Русское народно-поэтическое творчество». М., 1953, стр. 182). Печ. по сб. «Песни и стихи революции». Казань, 1906, стр. 11.

«Мы мирно стояли пред Зимним дворцом...». Печ. по сб. Кашеварова и Боголюбова, стр. 31. Песня возникла на основе стихотворения неизвестного автора, которое впервые было напечатано в «Голосе труда» (1905, № 3, стр. 2). А вскоре текст появился и в социал-демократической газете «Вперед», в номере от 9 мая, со следующим примечанием от редакции: «Нам пишут, что приводимое здесь стихотворение очень популярно среди рабочих: многие товарищи рабочие знают его наизусть и просят напечатать его во „Вперед“». Стихотворение было переслано в редакцию В. Д. Бонч-Бруевичем. В процессе бытования песня изменилась, исчезли четверостишия, передающие надежды рабочих на царя накануне демонстрации, упоминания о Гапоне; текст стал короче.

«С наивной верою, с открытою душою...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. на одном из ленинградских заводов. Текст неоднократно печатался в нелегальных большевистских изданиях.

«В день девятый января...». Печ. по архиву А. И. Нутрихина; зап. составителем от работницы б. фабрики Лебедева М. Ф. Павловской, 78-ми лет, в Ленинграде в 1956 г.

«На десятой версте от столицы...». Впервые — «Новая жизнь», 1905, № 21, от 25 ноября. Стихотворение участника революционных кружков П. К. Эдиета. Посвящено жертвам 9 января, трупы которых в ночь на 13 января были отправлены «на десятую версту от столицы», на Преображенское кладбище, где в общую могилу было свалено 88 убитых. Песней стала вторая часть стихотворения, начиная со слов: «На десятой версте от столицы невысокий насыпан курган...».

«Не стая воронов слеталась...». Впервые — листовка РСДРП, 1905 г. Печ. по сб. Кашеварова и Боголюбова, стр. 29. Одна из рабочих песен о 9 января 1905 г., имевшая всероссийскую известность.

«В Ярославле в пятом годе...». Впервые — «Северный рабочий», 1937, 18 марта; зап. М. Орловым на фабрике Корзинкина в Ярославле в 1909 г. *Касауров* — один из главарей ярославских черносотенцев.

«Однажды митинг был на заводе...». Впервые — Н. Паялин. Невский машиностроительный завод им. В. И. Ленина. М.—Л., 1933, стр. 175. Песня возникла на основе отрывка из поэмы, написанной одним из рабочих б. Семянниковского завода в Ленинграде. *Манифест* — манифест Николая II, обнародованный им 17 октября 1905 г. в дни октябрьской всероссийской стачки. Пытаясь выиграть время, царь обещал дать народу «неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов».

«В город Николаев, на французский завод...». Впервые — «Славянский фольклор». М., 1951, стр. 146; публикация П. Г. Ширяевой из рукописного сборника Г. Н. Кованько. В песне запечатлены волнения рабочих на одном из николаевских заводов, принадлежавших французским предпринимателям.

10 июля 1905 года. Впервые — «Борьба за власть», т. I, Пермь, 1923, стр. 241. Печ. по сб. Бирюкова III, стр. 271; зап. от рабочего И. Н. Кольцова, 54-х лет, в Перми в 1935 г. Посвящена рабочему Борчанинову-старшему, отцу одного из видных большевиков Мотовилихи. *Хунхузы* — участники вооруженных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае с середины XIX до середины XX века; здесь: полиция.

«По заводу парень шел...», «Сормовски робята ноне...», «Ночью стражники ходили...», «Захотела царска власть...». Впервые — В. Коллар. Песни сормовских рабочих. — «Советская музыка», 1955, № 12, стр. 11. *Стражники* — см. стр. 263.

«Море в ярости стонало...». Впервые — «Песни каторги и ссылки», стр. 94. Автор песни — Н. И. Ривкин, участник революции пятого года, привлекавшийся по делу о матросских волнениях в Кронштадте. Песня сложена в кронштадтской следственной тюрьме и посвящена памяти девятнадцати кронштадтских матросов, казненных 21 сентября 1906 г.; как и нижеследующая песня «Грохочет Балтийское море...», является откликом на кровавые расправы с участниками Кронштадтского восстания 1906 г.

«Грохочет Балтийское море...». Впервые — «Славянский фольклор». М., 1951, стр. 146; зап. от старых питерских рабочих Филиппова, Михайлова и др. в Ленинграде в 1936 г.

«Шумел, горел пожар московский...». Впервые — П. Г. Ширяева. Фольклор фабрично-заводских рабочих в революции 1905 г. — «Советский фольклор», № 7. М.—Л., 1941, стр. 155; зап. от рабочих Невского машиностроительного завода им. В. И. Ленина в Ленинграде в 1932 г. *Дубасов Федор Васильевич* (1845—1912) — генерал-адъютант, адмирал, генерал-губернатор Москвы с конца 1905 г. *Трепов Дмитрий Федорович* (1855—1906) — реакционный государ-

ственный деятель царской России. В 1904—1905 гг. — обер-полицеймейстер Москвы. В. И. Ленин писал, что Трепов «...один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, прославившийся в Москве своей свирепостью, грубостью и участием в зубатовских попытках развращения рабочих» (В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 8, стр. 111). С января 1905 г. Трепов — петербургский генерал-губернатор. Был одним из вдохновителей черносотенных погромов.

«Как на станцию Голутвин...». Печ. по кн.: Г. Ефремов. Рабочие Коломны в первой русской революции. М., 1955, стр. 62. *Голутвин* — станция на Московско-Казанской железной дороге; получила печальную известность после того, как царские каратели в декабре 1905 г. устроили в Голутвине кровавую расправу над рабочими. *Риман* — полковник лейб-гвардии Семеновского полка, руководивший расстрелами рабочих на Московско-Казанской дороге, один из кровавых палачей первой русской революции.

Рекрутская. Впервые — Соймонов и Чистов, стр. 51; зап. А. Д. Соймоновым от Н. Г. Суханова, работавшего на Онежском заводе с 1903 по 1930 г., в Петрозаводске. Исполнялась на мотив «Последний nonешний денечек...». Конец песни исполнитель забыл, но сказал, что дальше пелось о мести солдата за брата, отца и друга.

«Снова я к родной семье вернулся...». Впервые — Ионов, стр. 30; зап. В. Субботиным от рабочего К. И. Шевченко на шахте им. Красина в Шахтах в 1936 г. *На-гора* — наверху, на поверхности земли.

«Вот молот шахтера стучит под землей...». Впервые — «Труд и свобода. Песни рабочих». Пг., 1918, стр. 125; подпись: Шахтер. *Урядник* — см. стр. 262. *Штейгер* — горный мастер.

Столяр. Впервые — «Правда», 1913, 9 июня. Подпись: П. Смирнов. *Шабаш* — см. стр. 251.

«Солнце всходит и заходит...». Печ. по сб. Тонкова II, стр. 75; зап. В. А. Тонковым от старого рабочего Чернышева в Воронеже в 1948 г. Песня имела всероссийскую известность и дошла до нас во множестве вариантов. Происхождение песни до последнего времени оставалось неясным. Дело в том, что два ее куплета вошли в пьесу А. М. Горького «На дне» (1902). Естественно, возник вопрос: народная ли это песня, включенная писателем в пьесу, или его собственное стихотворение, ставшее вскоре народной песней? На этот счет высказаны различные мнения. Вероятно, это горьковская переработка фольклорного произведения (см. об этом в ст. Б. Бялика «М. Горький — поэт». — М. Горький. Стихотворения. «Библиотека поэта», Малая серия. М.—Л., 1962, стр. 25). С точки зрения

Бытования песни среди рабочих интересен следующий вариант песни из архива ИРЛИ:

Солнце всходит и заходит,
И в подвале всё темно,
Там рабочий еле ходит,
Городовой стоит давно:
«Ты просил царя: «Свободу!»
Царь свободу тебе дал —
Кандалы тебе прислал.
Эй, бродяга, шевелись
И с семьей своей простись:
Тебя угонят навсегда,
И не вернешься ты сюда».
Рабочий кандалы одел
И песню про царя запел:
«Да не сгинет же рабочий
От чугунных кандалов.
А скорей слетит с Николки
Золотой его орел».

Александровский централ. Печ. по сб. «Песни каторги и ссылки», стр. 103. Один из вариантов известной тюремной песни, получившей широкую известность среди рабочих 1905 года. *Александровский централ* — Александровская центральная каторжная тюрьма, одна из тюрем царской России. В тюрьме, в основном, содержались уголовные преступники. В годы реакции после подавления революции 1905—1907 гг. в нее бросили много политических. Через пересыльную тюрьму Александровского централа прошли виднейшие деятели большевистской партии: Ф. Э. Дзержинский (1902), Ф. А. Артем (Сергеев) (1910), М. В. Фрунзе (1914); Г. К. Орджоникидзе (1915—1916).

«Недалёко от парка, на левой руке...». Впервые — Кравчинская и Ширяева, стр. 88. Зап. в Колпине. По словам исполнителя, бытовала среди рабочих Ижорского завода в годы нового подъема революционных событий после Ленского расстрела. *Кениг* — петербургский фабрикант.

«У нас на Волге-то, направо...». Впервые — «Вестник работниц и рабочих волокнистых производств», 1907, 7 июля, стр. 16. *Тьмака* — Томака, Тома, река, приток Волги, впадающий в нее близ г. Калининна.

«Над трубою дым клубится...». Печ. по рукописи ЦГИАМ. Текст обнаружен среди бумаг, изъятых жандармами при обысках и арестах. Подпись: «Светлов, рабочий при генераторе мартеновской печи» и приписка: «Из жизни рабочих путиловцев». *Газовщик* — рабочий по обслуживанию газовых установок. *Казенка* — см. стр. 260.

«Во заводе парень жил...». Впервые — Зайцев, стр. 138; зап. от мастера сталепроковочного цеха златоустовского завода им. В. И. Ленина Г. В. Ягупова, 58-ми лет, в Златоусте в 1938 г.

«Как на фабрике у Чешера...». Впервые — «Вестник работниц и рабочих волокнистых производств», 1907, 7 февраля, стр. 16. *Чешер* — петербургский фабрикант. В заметке, помещенной в том же номере «Вестника» (стр. 7), говорится: «Кто не слышал про гг. Чешеров? Кто не знает про их волчьи ненасытные аппетиты? Тяжелая лапа Чешеров чувствуется во многих и многих фабриках текстильной промышленности... Чешеров двое — отец и сын. Старик отец — заматерелый эксплуататор. «Сосу, говорит, — и баста!» А вот сынок — тот будет потоньше своего кормильца. Тот не прочь иногда и благодетелем прикинуться и полиберальничать. „Я стою за народ, — говорил он рабочим во время Государственной думы, — я рад бы все для вас сделать, да вот правительство мешает“». *Пишет алфавит* — записывает фамилию рабочего в книгу штрафов. *Шлихтовать* — см. стр. 251. *Сифоны* — здесь: водопроводные трубы, проложенные под потолком, с которых на рабочих постоянно капала вода. *Семенов* — браковщик на фабрике Чешера. *Близны* — орехи приклянь. *Володя* — один из хозяйских прихвостней-осведомителей. «Русский человек» — член черносотенного Союза русского народа, организованного правительством в годы первой революции для борьбы с освободительным движением.

«Царь гуляет, гризну правит...». Впервые — Ионов, стр. 32; зап. на шахте им. Артема в Шахтах в 1936 г.

«Из разных сторон Петрограда...». Впервые — Соймонов и Чистов; зап. А. Д. Соймоновым от М. Г. Власкова в Петрозаводске. *У Двинца с составом стоял*. В начале Февральской революции 1917 г. Николай II из ставки в Могилеве направился поездом в Петроград однако был вынужден повернуть к Пскову, где и стоял близ Двинска.

II

Фабричная камаринская. Впервые — «Рабочая мысль», 1900, февраль, стр. 6. Печ. по сб. Перовой, стр. 83. Одна из многих переделок народной песни «Ах ты сукин сын, камаринский мужик...». Пользовалась всероссийской известностью. Революционная концовка песни с призывом выступить против «попов, купцов, царей» появилась лишь в публикациях пятого года. См. об этой песне: А. А. Кайев. Из истории пролетарской песни (Уч. зап. Орехово-Зуевского пед. института, т. 3, вып. 2, 1956, стр. 78). *Сорок сороков* — сорок сороков церквей.

«Ох, Демидов уж умен, умен, умен...». Впервые — Бирюков I, стр. 275. Уральский вариант «Фабричной камаринской»; зап. З. Ерошкиной от монтажника И. Копылова в Свердловске.

Званья итальянские. Заводчик Павел Демидов носил титул итальянского графа Сан-Донато.

Сказка о попе и черте. Впервые — «Рабочая мысль», 1899, № 7, июнь, стр. 2. Песня многократно перепечатывалась в социал-демократических песенниках. См. о песне вступ. статью, стр. 25. Исполняли ее обычно на мотив «Из-за острова на стрежень...». Сормовский рабочий М. Н. Князев сообщил, что он и его товарищи пели эту песню и на мотив «Точно море в час прибоя...». Спев песню, М. Н. Князев сказал: «Сочинил сказку будто бы сочувствовавший партии модельщик в 1905 г., живший против собора. Распевали ее на массовках в 1905 г., на песках, за больницей, в сормовской дубовой роще» (архив ИРЛИ). *Амвон* — возвышение перед алтарем в православной церкви, с которого произносятся проповеди. *Лава* — здесь: расплавленный металл.

Про архиерея Анастасия. Впервые — Соймонов и Чистов, стр. 38; зап. А. Н. Нечаевым от П. Д. Морозова в Петрозаводске. Песня сложена в виде пародии на церковное поминание. По этому поводу составитель сборника замечает: «Иногда даже старики, собираясь по вечерам, пели песни про попов-обирал, зло издеваясь над ними. Чаще всего антирелигиозные песни составлялись в виде пародий на религиозные, акафист, церковные или под акафист, или, как в этой песне, под надгробное слово». П. Д. Морозов, исполнив песню, добавил: «Споет кто-нибудь такое «надгробное слово» о попе да еще стакан вина поднимет, да и выпьет «за упокой души» это живого-то архиерея». *Город Петра* — здесь: Петрозаводск. *Простасик* — обыкновенная водка. *Камилавка* — шапочка, являвшаяся знаком отличия у духовенства. *Консистерия* — учреждение с административными и судебными функциями при епархиальном архиерее в царской России. *Смертью ненормальной* — от перепоя.

«Помяни, господи, петрозаводских купчиков...». Впервые — Соймонов и Чистов, стр. 33; зап. А. Соймоновым от пенсионера К. А. Копаева, работавшего на Онежском заводе с 1906 г., в Петрозаводске. *Поспелов*, *Тиккоев* — петрозаводские купцы. *Пименов* — городской голова.

Объезд министров. Печ. по ОР библ. Ленина. Сатира на правительственные ревизии в царской России. *Островский* Михаил Николаевич (1827—1901) — член Государственного совета в 1899—1902 гг. *Мессия* — в иудейской и христианской религиях божественный избавитель, который должен явиться для уничтожения зла и спасения человечества. *Вышнеградский* Иван Алексеевич (1830—1895) — министр финансов в 1888—1892 гг. *Контролер* — Вышнеградский. *Прокурор небес* — Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Синода в 1880—1905 гг., крайне реакционный государственный деятель. *Ванновский* Петр Семенович (1822—1904) — генерал-адъютант, военный министр в 1882—1892 гг. *Губбелет* Адольф Яковлевич (1830—1901) — министр путей сообщения в 1889—1892 гг., член Государственного совета.

«Боже, царя храни!..» — Печ. по ж. «Свобода», 1901, № 1, стр. 74. Песня возникла на основе стихотворного фрагмента из прозаической фантазии одного из первых большевистских поэтов Александра Алексеевича Богданова (1874—1939) — «Фельдфебель и тюремщик — отцы-командиры народного образования». По форме представляет одну из многочисленных пародий на монархический гимн «Боже, царя храни!..».

«Эх ты, зимушка-зима...». Печ. по сб. Бирюкова П, стр. 67; зап. в Перми. Воспроизведена исполнителем по памяти. «как пелось в 1906 г.». *Алексеев* Евгений Иванович (1843—1909) — генерал-адъютант, побочный дядя Николая II, бывший наместником Дальнего Востока в 1903—1905 гг. В 1904 г. — главнокомандующий сухопутными и морскими силами царской России на Дальнем Востоке. *Ялу* — река в Маньчжурии, по берегам которой по приказу Алексеева рубили лес, не принадлежавший России. *Старк* Виктор Оскарович — адмирал, командующий тихоокеанской эскадрой царской России в 1902 г. *Куропаткин* Алексей Николаевич (1848—1925) — генерал, командующий русской армии в русско-японскую войну с 1904 г., после отставки Алексеева. *Столь добра пошло на дно*. На броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на японских минах 31 марта (13 апреля) 1904 года, погибли выдающийся русский флотоводец и ученый, вице-адмирал Степан Осипович Макаров (1848—1904) и известный художник-баталист Василий Васильевич Верещагин (1842—1904). *Кирилл* — великий князь, двоюродный брат Николая II, спасшийся при гибели «Петропавловска». *Серафим Саровский* — «святой», мощи которого были «найжены» в 1903 г. с целью отвлечь массы от участия в революционном движении.

«Витте край наш поднимал...». Печ. по архиву ИРЛИ. *Витте* Сергей Юльевич (1849—1915) — министр финансов царской России в 1902—1903 гг. В 1905 г. — председатель Комитета министров, один из организаторов подавления революции пятого года. *Монополька* — казенная монополия на продажу водки, введенная Николаем II с целью обогащения царской семьи. *Алексеев* — см. выше. *Старк* — см. выше. *Ухтомский* — князь, контр-адмирал, один из командиров Тихоокеанской эскадры. *Макаров* — см. комментарий к песне «Эх ты, зимушка-зима...». *Кирилл* — см. выше. «*Анна*» — один из высших орденов царской России. «*Ретвизан*» — броненосец Тихоокеанской эскадры. *Витгефт* Вильгельм Карлович — контр-адмирал, принявший командование эскадрой после гибели адмирала Макарова.

«Дело было под Артуром...». Впервые — «Было дело под Артуром». СПб., 1907, стр. 3. В 1907 г. С.-Петербургский комитет по делам печати возбудил дело об аресте сборника (ГИАЛО). Песня представляет собой переладку популярной тогда песни «Дело было под Полтавой...» и весьма своеобразна по форме. Начиная со второго четверостишия в нее включены строки (3-я и 4-я каждого куплета) из различных известных в народе песен. *Тоги, Ноги, Камн-*

мура, Ойяма — руководители японской армии и флота в войне с Россией в 1903—1904 гг. *«Варяг»* — крейсер порт-артурской эскадры, снискавший легендарную славу в бою у Чемульпо с несколькими японскими крейсерами. *«Кореец»* — канонерская лодка порт-артурской эскадры, вместе с «Варягом» сражавшаяся у Чемульпо. *Макаров* — см. выше. *Куропаткин* — см. выше. *Наместник* — Алексеев (см. выше).

О семи народных шкурах. Впервые — Орлов, стр. 30.

«Говорили царю...». Печ. по сб. Гуревича I, стр. 11; зап. от П. А. Якутина в Заларинском р-не Иркутской обл. в 1935 г.

Доблестному русскому воинству. Печ. по архиву ИРЛИ; зап. П. Г. Ширяевой от рабочего Д. Г. Евсева в Иванове в 1936 г. *Гапоны*. Гапоновцы — так называли членов основанного в 1904 г. Петербургского собрания фабричных и заводских рабочих, которое возглавлял священник Гапон, агент охраны; здесь — вообще рабочие, участники демонстрации 9 января 1905 г. в Петербурге.

«Всероссийский император...». Печ. по архиву ИРЛИ. Эта сатирическая песня имела множество вариантов. В одном из них упоминается о событиях, происшедших в столице 9 января 1905 г. Этот вариант зап. П. А. Башкировым от рабочего Кировского завода Н. А. Буторина в Ленинграде в 1937 г. (архив ИРЛИ):

Дело было в Петербурге,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда с царизмом
Под красным знаменем труда.

Всемогущий император,
Царь изменников, шпиков,
Покровитель для дворян,
Царь-убийца для рабочих,
Царь-убийца для крестьян!
Побежденный на Востоке —
Победитель на Руси...
Будь же проклят, царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови!

Люд, восставший за свободу,
Сокрушит твой подлый трон,
Долю лучшую народу
Завоует в битве он.

За разбой, за эшафоты,
За злодейства за свои,
Царь Николка, провокатор,
Ты погибнешь сам в крови!

Созидатель кабаков — намек на государственную монополию на производство и продажу водки.

«Во славном Питере на троне...». Впервые — Гуревич II, стр. 111. Текст был найден в Чите в Кузнечных рядах в 1936 г. вместе с листовками и прокламациями, относящимися к революции 1905 г. *Монополька* — см. стр. 270. *Сахар-рафинад* — *Это тоже чисто клад!* Имеются в виду огромные прибыли, которые извлекал царь от казенного свеклосахарного производства. *Витте* — см. стр. 270. *Манифест* — см. стр. 265.

«Государь наш Николай...». Впервые — листовка РСДРП (см.: «Славянский фольклор». М., 1951, стр. 137). Печ. по архиву ИРЛИ; зап. И. Н. Этиной от рабочего Кировского завода Д. С. Соколова в Ленинграде в 1936 г. *Сходка* — здесь: Первая Дума. *Витте* — см. стр. 270.

«Когда по улице идешь...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. П. Г. Ширяевой от рабочего Балтийского завода тов. Мироненкова в Ленинграде в 1939 г. *Околоток* — в царской России район, участок города, подчиненный околоточному полицейскому надзирателю.

«Ой, полна тюрьма пред Думою...». Впервые — Бирюков III, стр. 72; зап. от В. С. Белоусова, уроженца с. Канаши Шадринского р-на Курганской обл. Исполнялась на мотив популярной «Коробушки». *Витте* — см. стр. 270. *Дурново* Иван Николаевич (1830—1903) — министр внутренних дел царской России в 1905—1906 гг., крайний реакционер.

«Эх ты, Дума-Думушка...». Впервые — Бирюков II, стр. 72; зап. от А. П. Мотовилова, 60-ти лет, знавшего песню с 1906—1907 гг., на Урале в 1939 г. Припев повторяется после каждого двустушия.

«Что за странная нелепость!...». Впервые — Кравчинская и Ширяева, стр. 88; зап. в Ленинграде. По данным составителей, песня кончалась словами: «В Петропавловские стены повезут царей живых». Дальнейшие строки были сочинены накануне Октябрьской революции.

«Перед вами император всей Руси...». Впервые — Бирюков II, стр. 69. Печ. по архиву ИРЛИ; зап. от В. И. Кухаркина в Соромве. Песня исполнялась на популярный тогда мотив «Гейша». Припев повторяли после каждого куплета. *Витте* — см. стр. 270. *Плеве* — см. стр. 263. *Дядя* — великий князь Николай Николаевич. *Мама* — императрица Мария Федоровна, мать Николая II, жниз Александра III.

«Славься, славься, царь Николай...». Печ. по сб. Быстрова и Новикова, стр. 208; зап. от старых рабочих-большевиков

фабрики «Красный Перекоп» в Ярославле в 1933 г. Пародия на официальный монархический гимн. «Славься» часто пели иначе, например:

Будь же ты проклят,
Романовский род,
За то, что ты губишь
Рабочий народ.
Пьянством, буянством
Прославился ты,
И нету подлее тебя на Руси.

Нагаечка. Печ. по архиву ИРЛИ; зап. от старых рабочих в Ленинграде. Одна из наиболее популярных сатирических песен. Припев песни в разных вариантах звучал по-разному, например:

Винтовочка, винтовочка,
Винтовочка моя,
Вспомни ты, винтовочка,
Девятое января.

В дни поражения первой русской революции пели:

Россия, Россия,
Россия моя,
Бедная, горькая
Участь твоя.

Трепов — см. стр. 265.

«Когда настанет народный суд...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. И. Н. Этиной от рабочего Октябрьской фабрики токаря С. А. Алексеева в Ленинграде в 1936 г. Во 2-м стихе на основании большинства вариантов сделана смысловая поправка: «парад» вместо «народ». *Поповский шеф Победоносцев* (см. стр. 269). *Трепов* — см. стр. 265. *Коковцев* Владимир Николаевич — государственный деятель царской России, в 1903—1904 гг. — государственный секретарь. *Поп Иван* — Иоанн Кронштадтский, протоиерей Кронштадтского собора Иван Сергеев, получивший известность своими махровыми черносотенными взглядами. *Плеве* — см. стр. 263. *Бирюлев* — Алексей Алексеевич Бирилев, царский министр, один из организаторов расправы над восставшими матросами Кронштадта в 1906 г. *Дамы Демаршата*. По словам исполнителя — «немецкого салона»; имеется в виду окружение царя Николая II и его жены, связанных родственными узами с Гессен-Дармштадтским двором.

Нагайка. Печ. по сб. Кравчинской и Шириевой, стр. 82; зап. в г. Пушкине. По словам исполнителя, пели в 1905—1907 гг.

«Эй ты, зимушка-зима...». Печ. по газ. «Ленинец», Иваново, 1935, 18 мая. Песня имела всероссийскую известность. Воз-

никла на основе стихотворения Н. А. Морозова и Д. А. Клеменца о шефе жандармов А. Р. Дрентельне, главном начальнике III Отделения. Впервые стихотворение появилось в «Собрании стихотворений». (СПб., 1879, стр. 17.) В песенных вариантах, созданных в пятом году, вместо Дрентельна фигурирует Трепов (см. стр. 174). Конец песни представлял импровизацию из сатирических частушек. Примером могут служить куплеты, записанные И. Н. Этиной от токаря б. Обуховского завода С. М. Тетина в Ленинграде в 1936 г. (архив ИРЛИ):

...По России слух прошел,
Николай с ума сошел.
Э-эх, эх-ха-ха,
Николай с ума сошел.
Винты, гайки растерял —
Докторов к себе созвал.
Все светила собирались,
Меж собою совещались.
Порешили акт составить,
Дураком царя ославить
И правление Руси
В министерство отнести.
Пусть министры ею правят,
Пусть народы они дают,
Пусть на Руси царит обман
И толстеет их карман.

«Упокой и помяни, боже...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. К. И. Бызовым от рабочего Кировского завода С. М. Богданова в Ленинграде в 1937 г. *Княгиня Елизавета* — великая княгиня Елизавета Федоровна, принцесса Гессен-Дармштадтская. *Трепов* — см. стр. 265. *Витте* — см. стр. 270.

«Спи, голодная Россия...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. от рабочего Ижорского завода И. И. Соловьева в Колпине. Одна из многочисленных рабочих сатирических «колыбельных».

«Спи, рабочий, год за годом...». Печ. по рукописи ЦГИАМ. Рабочая сатирическая колыбельная, созданная на основе стихотворения поэтессы О. Н. Чюминой «Колыбельная песня». Одна из многих поздних переделок лермонтовской «Колыбельной». См.: Бай-кот <О. Н. Чюмина>!. Песни о четырех свободах. СПб., 1906, стр. 3. *Клир* — духовенство одной церкви.

Колыбельная песня. Впервые — Перова, стр. 29. *Гостей не жди* — т. е. не жди ареста, обыска.

Про мастера Егора и его сына. Печ. по архиву ИРЛИ; зап. от рабочего А. П. Изотова в Сормове в 1935 г. В основе песни — стихотворение рабочего Сормовского завода В. Ф. Зна-

менского, рассказывающее о действительно существовавшем на заводе ненавистном мастере Егоре, у которого был сын, токарь, тоже Егор.

«Как у нас на троне...». Печ. по публ. Орлова, стр. 30; зап. М. Н. Орловым в Ивановской обл. *Витька-граф* — Витте, см. стр. 270.

Слава. Печ. по архиву ИРЛИ; зап. И. Н. Этиной от рабочего А. М. Филиппова в Ленинграде в 1936 г.

«Всюду слухи...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. И. Н. Этиной от работницы Октябрьской фабрики Е. А. Логиновой в Ленинграде в 1936 г.

«Помер бедняга Ванюха Кронштадтский...». Впервые — Бирюков II, стр. 74. Печ. по архиву ИРЛИ; зап. П. Г. Ширяевой от рабочего А. Прохорова в Ленинграде. Две последние строки каждого куплета пели дважды. *Ванюха Кронштадтский* — Иоанн Кронштадтский (см. стр. 273). *Алешка-болван* — царевич Алексей, сын Николая II. *Сашенька-мать* — императрица Александра, жена Николая II. *Антоний* — архиепией Волянский, известный черносотенец.

«Губернатор Богданович...». Впервые — Зайцев, стр. 137; зап. от участника событий 1903 г. мастера сталепрокатного цеха завода им. Ленина Г. В. Ягупова, в Златоусте в 1938 г. По данным собирателя, текст песни распространялся в списках. *Богданович* — пермский губернатор.

Акафист Трепову. Печ. по рукописи ЦГИАМ. Текст песни, датированный 1907 г., обнаружен в фонде вещественных доказательств, изъятых жандармами при обысках и арестах. *Акафист* — церковная хвалебная песня. *Трепов* — см. стр. 265.

Качала-Мочала. Впервые — листовка Донского комитета РСДРП (1902). Печ. по архиву ИРЛИ. В песне идет речь о ненавистном рабочим мастере Солодовникове, по прозвищу Качала-Мочала, эксплуатировавшем рабочих в угоду ростовскому заводу Пастухову. Автор песни — рабочий С. И. Гусев.

«Ушаков, я тебя ведь хвалил...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. от рабочего Невского машиностроительного завода им. В. И. Ленина тов. Жукова в Ленинграде в 1932 г. *Ушаков* — провокатор, пытавшийся войти в доверие петербургских рабочих. В 1904 г., для отвлечения их от политической борьбы, на деньги охраны было открыто Санкт-Петербургское общество взаимопомощи механических рабочих. Во главе общества был поставлен властями Ушаков, агент полиции и самого Витте (см. стр. 270). Песня сложена вскоре после разоблачения Ушакова.

Поминание рабочих фабрики Корзинкина. Впервые — «Ярославская колотушка», 1906, стр. 8, подпись: Уховертов. Печ. по архиву ИРЛИ; зап. в Ярославле. Песня обличает администрацию фабрики Корзинкина в Ярославле. Использована форма стихотворения А. С. Пушкина и П. А. Вяземского «Надо помянуть, непременно помянуть надо...».

Сестрорецкий оружейный завод. Печ. по сб. «Устное поэтическое творчество русского народа», сост. С. И. Василенок и В. М. Сидельников, М., 1954, стр. 448.

«На Обводном-то канале...». Впервые — «Путь правды», 1914, 20 марта; подпись: Ник. Иванов. См. о песне во вступ. статье, стр. 35. *Фараоны* — см. стр. 262.

Чем Русь славится. Впервые — «Песни великой русской революции». Пг., 1917, стр. 12. *Мария Дармштадтская* — вдовствующая императрица, жена Александра III Мария Федоровна, до замужества принцесса Дармштадтская. *Иван Кронштадтский* — см. стр. 273. *Распутин Гришка* — Распутин Григорий Ефимович (1874—1916), священник, придворный авантюрист. *Развратница Сашка* — императрица Александра (см. стр. 275). *Царская свуха* — см. примеч. к песне «Всероссийский император», стр. 272. *Ходынка*. В 1896 г. под Москвой на Ходынском поле во время празднества по случаю коронации Николая II погибли, только по официальным данным, свыше 1500 человек, задавленных и затоптанных в огромной толпе. *Карпаты* — здесь: театр неудачных военных действий царской России в Галиции в первую мировую войну.

III

Марсельеза. Печ. по сб. Усова, стр. 296. Одна из пролетарских переделок известной французской песни «Марсельеза», написанной французским офицером Руже де Лилем (1760—1836). В России вызвала целый ряд переводов, подражаний и переделок, особенно в рабочей среде, появились «Рабочая марсельеза», «Пролетарская марсельеза», «Шахтерская марсельеза» (см. о них статью А. Л. Дымшица «О рабочих марсельезах» в его сб. «Литература и фольклор», Л., 1938, стр. 161—182).

Новая песня. Впервые — «Вперед», 1875, № 12, стр. 361. Перевод «Марсельезы», сделанный видным идеологом русского народничества поэтом Петром Лавровичем Лавровым (1823—1900). С середины 80-х годов приобретает все более широкую известность. Авторское заглавие не удержалось, и песню стали называть по первой строке: «Отречемся от старого мира...» или «Марсельеза». До широкого распространения среди рабочих «Интернационала», «Варшавянки», «Смело, товарищи, в ногу!...» часто звучала на митингах и демонстрациях. А. М. Горький в романе «Мать» описывает пение «Марсельезы» во время первомайского шествия рабочих: «В ней

звучало железное мужество, и, призывая людей в далекую дорогу к будущему, она честно говорила о тяжести пути». О дальнейшей судьбе песни см. вступ. статью, стр. 31.

«Смело, товарищи, в ногу!..». Впервые — «Красное знамя», 1900, № 3. Печ. по сб. Перовой, стр. 10. Марш написан выдающимся революционером-марксистом, ученым и литератором Леонидом Петровичем Радиным (ок. 1860—1901) в 1896—1897 гг. в одиночке московской Таганской тюрьмы. В легальной печати впервые появилась в 1914 г. в большевистской газете «Путь правды» от 1 мая. За публикацию песни Радина правительство наложило арест на тираж газеты. Две последние строки каждого куплета песни обычно повторялись два раза. Припев исполняли после каждого четверостишия.

Варшавянка. Печ. по сб. «Песни борьбы», стр. 57. Вольный перевод песни польского поэта Вацлава Свенцицкого, написавшего ее в 1883 г. Перевод сделан одним из соратников В. И. Ленина по петербургскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса Г. М. Кржижановским в 1897 г. в Бутырской тюрьме. Во второй строфе чаще пели: «Наших сподвижников юные очи может ли вид эшафота пугать». Припев повторялся после каждых двух четверостиший.

Красное знамя («Слезам залит мир безбрежный...»). Печ. по сб. «Песни борьбы», стр. 59. Вольный перевод песни польских революционеров, которую написал в 1881 г. поэт Болеслав Червинский. Перевел песню в 1897 г. Г. М. Кржижановский, находясь в Бутырской тюрьме в одной камере с польскими революционерами. Однако в широкой рабочей массе получил распространение сводный текст перевода Кржижановского и неизвестных рабочих поэтов (см. об этом статью Г. М. Кржижановского «Песни борьбы» в журнале «Советская музыка», 1955, № 12, стр. 3—4). Припев исполнялся после каждого четверостишия.

Беснуйтесь, тираны. Впервые — «Южный рабочий», 1900, № 1, стр. 14. Вольный перевод революционной песни львовских студентов, сделанный Г. М. Кржижановским в 1898 г. См. вступ. статью, стр. 30.

Пролетарская. Впервые — «Жизнь», стр. 199, без подписи автора. Им является старейший пролетарский поэт Аркадий Яковлевич Коц (1872—1943). Используя популярный мотив «Марсельезы», Коц стремился создать пролетарскую песню. В 1907 г. поэт издал сборник «Песни пролетариев», в который вошла эта песня. Считали, что сборник был сразу же конфискован цензурой. Однако теперь установлено, что тираж удалось конфисковать далеко не полностью. 15 декабря 1906 г. инспектор типографий 2-го участка, действительно, распорядился наложить арест на брошюру Д—на (псевдоним А. Я. Коца) «Песнь пролетариев», отпечатанную в типографии

И. Я. Лурье кн-ва «Наш голос». Брошюра представляла собой часть сб. «На разные темы», вышедшего в октябре 1906 г. Арестовать удалось из 12 000 всего 1698 экземпляров.

И н т е р н а ц и о н а л. Впервые — «Жизнь», стр. 201, без подписи. Вольный перевод французского пролетарского гимна, созданного рабочим поэтом Эженом Потье и композитором рабочим Пьером Дегайтером (текст написан в 1871 г. и положен на музыку в 1887 г.). Три строфы «Интернационала», переведенные А. Я. Коцем (см. выше), после публикации их в «Жизни» получили широчайшую известность среди российского пролетариата. Об истории создания «Интернационала» Коц написал статьи «Эжен Потье» и «Наш гимн», опубликованные в «Звезде», 1937, № 10 и 11. Припев повторяли после каждых двух четверостиший, причем последняя строка куплета, как правило, исполнялась дважды. Пятая строка позднее зазвучала: «Весь мир насилья мы разрушим...», первая строка припева: «Это есть наш последний».

«Ты ведь не раз уж встречался с законом...». Впервые — «С.-Петербургский рабочий листок», неперіодическое издание Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Женева, 1897, № 2, сентябрь, стр. 8.

«Кто под землей и на земле...». Впервые — «Вперед», Киев, 1899—1900, ноябрь — март, стр. 46. Вольный перевод польской рабочей революционной песни, осуществленный неизвестным автором. Известны еще четыре вольных перевода этой песни: «Кто кормит всех и поит...», «Кто добыл во тьме рудников миллионы...», «Кто в рудниках таится...», «Кто шьет одежды наши...» (см.: «Пролетарские поэты», т. 1. М.—Л., 1935, стр. 74, 82, 83).

П р а з д н и к 1-го Мая. Впервые — «Рабочая мысль», 1899, апрель, стр. 1. Написана в 1899 г. к десятой годовщине празднования 1-го Мая. Часто звучала на маевках.

М а й с к и й п р а з д н и к. Впервые — листовка петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, 1901, апрель.

П е р в о м а й с к а я п е с н я. Впервые — Усов, стр. 280; зап. Н. А. Усовым в Нижнем Новгороде в 1908 г.

П е р в о е м а я (1903 г.). Печ. по Богданову, стр. 69. Написана Александром Алексеевичем Богдановым (1874—1939), поэтом-большевиком. Песня «Первое мая (1903 г.)» была написана Богдановым после демонстрации рабочих в Саратове в 1902 г. Ее распространяли в листовках накануне маевки 1903 г. *Плавень* — измельченная горная порода, которую добавляют в руду при плавке.

М а й с к а я п е с н я р а б о ч и х. Впервые — «Первое мая 1902 г.», изд. соц.-дем. организации «Жизнь», Лондон, 1902, стр. 2. Припев повторяли после каждого четверостишия.

Майская песнь. Впервые — «Ремесленный листок», издание РСДРП, Саратов, 1902, № 1, стр. 70. Печ. по сб. «Песни пролетариев». СПб., 1907, стр. 16. Автор сборника А. Я. Коц (псевдоним: Д—н).

«Отпустили крестьян на свободу...». Впервые — листовка Краматорской организации константино-горловской группы Донского РСДРП, 1905 г. Много раз перепечатывалась в революционных песенниках под названиями «Крестьянская марсельеза», «Крестьянская песня». *Девятнадцатое февраля* 1861 г. — дата освобождения крестьян от крепостной зависимости. *Земский начальник* — должностное лицо в сельских местностях царской России, объединявшее административную и судебную власть над крестьянами. *Урядник* — см. стр. 262. *Треба* — отправление церковного обряда. *Мирской сбор* — сходка крестьян одной общины.

«Нас давят нещадно, увечат, штрафуют...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. И. Н. Этиной от слесаря завода «Большевик» И. С. Муравьева в Ленинграде в 1935 г.

Машиноушка. Впервые — «Социал-демократ», 1905, № 4, стр. 12. Пролетарская переделка «Дубинушки» А. А. Ольхина.

«Умирая, отец завещал сыновьям...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. П. А. Башкировым от рабочего Кировского завода Н. М. Андреева в Ленинграде в 1937 г. Один из поздних вариантов «Дубинушки». По словам исполнителя, последние два куплета «пелись втихую, дома или где на лужке, где нет городских». *Дорога Владимирка* — Владимирский тракт, по которому гнали арестантов в Сибирь. *Порфира* — торжественное одеяние монархов, символ царской власти.

«Эту песню не сам я собою сложил...». Впервые — «Рабочая газета», изд. Саратовского комитета РСДРП, 1902, № 7—8, январь, стр. 24. Один из вариантов «Дубинушки».

«Развернувши знамена победные...». Впервые — «Вперед», Киев, 1899—1900, ноябрь — март, стр. 2.

«Прочь с дороги, мир отживший...». Впервые — «Летучий листок» РСДРП, Екатеринославль, 1902, № 7, стр. 1; подпись: Днепровский.

Опричники. Впервые — «Свобода», изд. РСДРП, 1901, № 1, стр. 9. Написано А. А. Богдановым в связи с разгоном демонстрации 4 марта 1901 г. в Петербурге у Казанского собора.

«Прогнили основы, и рушиться зданье...». Впервые — без пятой строфы — «Саратовский рабочий», гектографированное издание группы социал-демократов, 1899, № 2, стр. 24. Печ. по ж. «Рассвет», Женева, 1904, № 8—9, стр. 199.

Рекрутчина. Печ. по сб. Соймонова и Чистова, стр. 59. Песня была широко известна в годы первой русской революции.

«Мы — братья! Мы — братья! Мы выросли оба...». Впервые — листовка Красноярского комитета социал-демократической партии от 17 июня 1906 г. Агитационная большевистская песня, пропагандировавшая революционные идеи среди солдат. Печаталась во многих газетах большевистских военных организаций.

«Братцы! Дружно песню грянем...». Печ. по газ. «Голос солдата», издание военной организации при Рижском комитете РСДРП, 1905, № 2, 23 декабря, стр. 4. Один из поздних рабочих вариантов песни времен польского восстания 1863 г., впервые напечатанной в сб. «Солдатские песни» (Лондон, 1862, стр. 18). В первоначальный текст внесены изменения, вместо поляков речь идет о рабочих. Текст из сб. «Солдатские песни» рабочие использовали не только в целях агитации среди солдат; один из вариантов направлен против еврейских погромов, устраивавшихся черносотенцами:

Дружно, братцы, песню грянем
И начнем мы в добрый час.
Мы евреев бить не станем,
Не враги они для нас.

Только злые хулиганы
Возбуждают убивать,
Чтобы их невинной кровью
Наши руки замарать.

Брат пойдет ли против брата?
А евреи — братья нам.
И для русских, нас, рабочих,
Избивать их стыд и срам.

Вспомним Кишинев и Гомель,
Где уж были стон и плач.
И войны уж нам довольно:
Наш рабочий не палач.

Так затынем, братцы, дружно
Песню эту в добрый час.
Мы евреев бить не станем:
Не враги они для нас.

(См. «Нижегородский листок», 1905, 3 августа).

«Постой-ка, товарищ! Опомнися, брат!...». Впервые — «Социал-демократ», 1905, № 11, стр. 15, подпись: Симфероплец-эмигрант. Песня много раз печаталась в большевистских

изданиях; например, 17 июня 1906 г. Красноярский комитет РСДРП отпечатал 4000 листовок с ее текстом. Об этой песне В. В. Маяковский в автобиографии «Я сам» вспоминает: «Приехала сестра из Москвы. Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки. Нравилось: очень рискованно. Помню и сейчас. Первая:

Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат,
скорей брось винтовку на землю. . .

Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то обьоднились в голове».

«Стреляй, солдат. . .». Печ. по сб. Бирюкова III, стр. 264; зап. от котельщика П. С. Ермоленко, 59-ти лет, который слышал песню в 900-х годах от рабочих разных заводов и солдат в Свердловске. Была распространена по всей России. По словам одного из исполнителей, пели ее на мотив песни К. Ф. Рылеева «Ревела буря».

«Не довольно ль насильников тешить. . .». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. И. Н. Этиной от рабочего Кировского завода Н. Д. Ильина в Ленинграде в 1936 г. Пели на мотив «Марсельезы».

Солдатская марсельеза. Впервые — «Солдатский сборник». Казань, 1906, стр. 3. Печ. по рукописи ЦГИАМ из фонда вещественных доказательств, изъятых жандармами при обысках и арестах. Исполнялась на мотив «Марсельезы». Припев повторяли после каждого двух четверостиший.

«Время не терпит, дружной за работу! . . .». Впервые — «Песни революции», стр. 14.

«Шумит над нами полог хвойный. . .». Печ. по архиву ИРЛИ, стихотворение А. И. Маширова-Самобытника (1884—1942), одного из первых пролетарских поэтов. По свидетельству проф. Г. М. Деева-Хомяковского, получило широкую известность как первомайская песня.

«Поднимайся, люд рабочий. . .». Печ. по сб. «Песни революции», стр. 8.

«По фабрикам душным, по тюрьмам холодным. . .». Печ. по сб. «Песни революции», Киев, кн-во «Народное дело», стр. 22. Там же приведена нотная запись мелодии песни. Припев песни повторяли после каждого восьмистишия, причем две последние строки его пели дважды.

К арестанту. Печ. по сб. Перовой, стр. 40. *Термит* — насекомое жарких стран, живущее сообществами, страшный вредитель древесины.

«Вперед! За родину, друзья...». Печ. по сб. «Песни революции», стр. 11. Одна из пролетарских марсельез.

«Родина милая наша в нужде...». Печ. по сб. Первой, стр. 44.

«Не оставим начатого дела...». Печ. по сб. «Песни революции», стр. 13.

Песнь рыцарей труда. Печ. по рукописи ЦГИАЛ. Листовка с текстом песни и нотами извлечена из бумаг канцелярии Главного управления по делам печати. Под текстом песни написано: «Слова и музыка Евг. Шкловского. Харьков. Типолитография Саввы Иванченко». *Маммона* — бог богатства и наживы у древних сирийцев; нажива.

«Друзья! Довольно слез и стонов...». Печ. по сб. «Песни революции», стр. 12.

«На баррикады! На баррикады!...». Печ. по сб. «Песни революции», Киев, кн-во «Народное дело», стр. 41.

«Погибшие братья, вам вечный покой...». Печ. по сб. «Песни революции», стр. 22.

«Тесней, друзья, смелей вперед!...». Печ. по сб. Кравчинской и Ширяевой, стр. 89; зап. в Ленинграде. Припев повторяется после каждого четверостишия, причем две последние строки припева поются дважды.

Красное знамя («Красное знамя, заветное знамя...»). Впервые — «Под красным знаменем», стр. 2. Стихотворение Филиппа Степановича Шкулева (1868—1930), старейшего поэта русской революции. Написано поэтом в разгар революции 1905 г., говорит о падении царизма как об уже свершившемся факте, поскольку Шкулеву казалось, что народные массы одержат окончательную победу уже тогда, в 1905 г.

Баррикады. Печ. по архиву ИРЛИ; зап. И. Н. Этиной от старого питерского рабочего А. М. Филиппова в Ленинграде.

«Знамя красное уж вьется...». Печ. по сб. «Песни революции», стр. 17, подпись: Рядовой.

«Мы долго молчали, насилья рабы...». Печ. по «Сборнику революционных песен», стр. 3.

«Пугая ссылкой и тюрьмой...». Печ. по «Сборнику революционных песен», стр. 10.

«Над Россией пронесся удар громовой...». Печ. по сб. «Марсельеза», стр. 133. *Урядник* — см. стр. 262.

«Вперед, вперед, вперед, друзья!..». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. С. Д. Маггид и В. И. Чичеровым от старого подпольщика Ф. А. Саютина в Москве в 1935 г. По словам Саютина, песню исполняли в 900-х годах в разных местах России.

Суд. Печ. по архиву ИРЛИ. Стихотворение старейшего большевистского поэта Алексея Михайловича Гмырева (1887—1911). В 1906 г. стало тюремной песней политических заключенных елизаветградской тюрьмы. Позднее она зазвучала и на каторге.

Памяти друга. Печ. по сб. «Марсельеза», стр. 65.

«Взвивайся гордо, наше знамя...». Печ. по сб. «Марсельеза», стр. 26.

Вперед. Печ. по сб. «Марсельеза», стр. 31. Припев повторяли после каждого восьмистишия.

«Владыки стран, чей властный жребий...». Печ. по сб. «Песни борьбы». Пг., 1917, стр. 14.

Павшим борцам за свободу. Печ. по сб. «Марсельеза», стр. 62.

«Под небом, багровым от дыма пожаров...». Печ. по сб. «Марсельеза», стр. 138.

Боевые огни. Печ. по сб. «Красное знамя. Песни борьбы и свободы», вып. 1. Киев, 1917, стр. 32. Припев повторяли после каждого куплета.

Песня рабочих. Печ. по сб. «Песни революции». Симбирск, 1918, стр. 26. Припев повторяли после восьмистишия и двенадцатиштишия.

Пролетарская марсельеза. Впервые — газ. «Пролетарий» [Харьков], 1917, 4 октября, подпись: С. Р—ский. Припев повторяли после каждого восьмистишия.

Шахтерская марсельеза. Впервые — «Донецкий пролетарий», 1917, 23 ноября, подпись: Э. Бард. Припев повторяли после каждого восьмистишия.

Кузнецы. Печ. по сб. Новиковой, стр. 548; зап. А. М. Новиковой в Тульской обл. в 1938 г. Вариант стихотворения Ф. С. Шкулева (см. о нем стр. 282), впервые напечатанного в газ. «Невская звезда», 1912, 27 мая.

«Воля свершилась народная...». Печ. по архиву ИРЛИ; зап. И. Н. Этиной от рабочего Кировского завода Я. Ф. Чавнецова в Ленинграде в 1936 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «Ай да вы заводы...» 41
Акафист Трепову («Радуйся, патронов не жалеющий!...») 181
Александровский централ («Далеко в стране Иркутской...») 145
«Ах, баиньки, баиньки...» (Фабричная колыбельная) 100
«Ах, зачем ты, ямщик, перестал песню петь...» 125
«Ах ты сукин сын, проклятый становой...» (Камаринская) 86
«Ах, у нашего сударя света батюшки...» 45
- Баррикады («Борцы идей, труда титаны...») 229
«Бедный я детина...» (В вальцовке) 102
«Белорецкий завод славный...» 113
Беснуйтесь, тираны («Беснуйтесь тираны, глумитесь над нами...») 194
«Благослови, сударь хозяин...» 44
«Близко, близко городочка...» 51
«Боже, царя храни!...» 159
Боевые огни («Всколыхнулась страна, будто сонное море...») 237
«Борцы идей, труда титаны...» (Баррикады) 229
«Братцы, гонят нас далеко...» 130
«Братцы! Дружно песню грянем...» 213
«Будь же ты проклят...» (Слава) 179
«Бывали дни несветные...» 106
- В вальцовке («Бедный я детина...») 102
«В город Николаев, на французский завод...» 136
«В день девятый января...» 132
«В малахитной он робил...» 111
«В церкви, золотом залитой...» (Сказка о попе и черте) 155
«В шахте молотки стучат...» 105
«В шестьдесят четвертом годе...» 67
«В Ярославле в пятом годе...» 135
Варшавянка («Вихри враждебные веют над нами...») 192
«Весна наступила, и солнце смеется...» (Песня рабочих) 238

- «Взвивайся гордо, наше знамя...» 234
 «Витте край наш поднимал...» 161
 «Вихри враждебные веют над нами...» (Варшавянка) 192
 «Владыки стран, чей властный жребий...» 235
 «Во деревне-то я спородился...» 80
 «Во заводе парень жил...» 148
 «Во лесу, во лесу текла речка по песку...» 54
 «Во приисках лето жили...» 60
 «Во славном Питере на троне...» 167
 «Воля свершилась народная...» 242
 «Вот гудок прогудел на заводе...» 124
 «Вот лошадь мчится по продольной...» (Песня о коногоне) 76
 «Вот молот шахтера стучит под землей...» 142
 «Вот послушайте, братцы...» (Песнь рыцарей труда) 225
 «Вот что-то сердце заболело...» 103
 Вперед («Нестерпимо тяжка наша доля...») 235
 «Вперед, вперед, вперед, друзья!...» 233
 «Вперед! За родину, друзья...» 222
 «Время не терпит, дружной за работу!...» 218
 «Время — тяжелый период...» 80
 «Вскочила страна, будто сонное море...» (Боевые огни) 237
 «Всероссийский император...» 166
 «Вставай, проклятем заклейменный...» (Интернационал) 196
 «Встань, проклятая машина...» 77
 «Всюду слухи...» 179
 «Вы долго томились под сводом тюрьмы...» (Павшим борцам за свободу) 236
 «Вы бродяги, вы бродяги...» 49
 «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» 87
 «Вы леса ль мои, лесочки, леса мои темные!...» 54
 «Вы скажите, ради бога...» (Железная дорога) 83
 «Вытащил жребий недалний...» (Рекрутчина) 211
- «Говорили царю...» 165
 «Государь наш Николай...» 168
 «Грохочет Балтийское море...» 138
 «Грудь расшиб себе два раза...» 112
 «Грянемте сомкнутым строем...» (Первомайская песня) 200
 «Губернатор Богданович...» 180
 «Да скуем мы, братцы...» 128
 «Далеко в стране Иркутской...» (Александровский централ) 145
 «Девки строили палаты...» 53
 «Дело было под Артуром...» 163
 10 июля 1905 г. («Сошлись говорить мы о праве своем...») 136
 Доблестному русскому воинству («Отступая от японцев...») 166
 Друже («Шахтер, друже...») 69
- «Друзья, довольно слез и стонов...» 226
 Дубинушка («Много песен слышал я в родной стороне...») 84
 Дума кузнеца («Молодым пареньком...») 84
- «Есть песнь одна, се с любовью...» (Марсэльеза) 189

- Железная дорога («Вы скажите, ради бога...») 83
 «Жизнь в заботе, жизнь в неволе...» (К работницам Карточной фабрики) 98
 «Жизнь волною быстрой...» (Столяр) 143
 «Жизнь наша нелегкая...» 81
 «Жил-был у нас архиерей Настасий...» (Про архиерея Анастасия) 157
- «За годами года проходили чредой...» (Машинушка) 206
 «Загудел гудок на пять...» 71
 «Задумал наш Трепов...» (Нагаечка) 171
 «Замучен тяжелой неволей...» (Последнее прости) 87
 «Заперты мы на заводе...» 113
 «Затряслась земля сырая...» 114
 «Захотела царская власть...» 137
 «Знамя красное уж вьется...» 230
- «Из разных сторон Петрограда...» 151
 «Измученный, истерзанный...» 80
 «Инженеру <имярек>! паром рыло обварило...» 114
 Интернационал («Вставай, проклятьем заклеянный...») 196
- К арестанту («Мой привет тебе, брат по несчастью...») 221
 К работницам Карточной фабрики («Жизнь в заботе, жизнь в неволе...») 98
- «Как вечернею порою...» 114
 «Как доверенный за нами...» 78
 «Как на горке, на горе...» 43
 «Как на Маре на реке...» 58
 «Как на свете живется...» 71
 «Как на Сормовском заводе...» 115
 «Как на станцию Голутвин...» 140
 «Как на фабрике у Чешера...» 149
 «Как рабочи Голубкова...» 77
 «Как у Кати, да у Катерины...» 55
 «Как у нас на троне...» 178
 «Как у нас-то на Томаке на реке...» 55
 «Как четвертого апреля...» 120
 «Как четвертого числа...» 122
- Камаринская («Ах ты сукин сын, проклятый становой!...») 86
 Качала-Мочала («Спозаранку Качала-Мочала...») 181
 «Когда настанет народный суд...» 172
 «Когда по улице идешь...» 169
 «Коль Островский захотел...» (Объезд министров) 158
 Колыбельная песня («Спи, младенец мой прекрасный...») 176
 «Кондрат, Кондрат...» (Шинкарю Кондрашке) 73
 Красное знамя («Красное знамя, заветное знамя...») 229
 Красное знамя («Слезам залит мир безбрежный...») 193
 «Красное знамя, заветное знамя...» (Красное знамя) 229
 «Кто на Охте не живал...» 98
 «Кто на приисках не бывает...» 50
 «Кто под землей и на земле...» 197
 Кузнецы («Мы — кузнецы, и дух наш молод...») 241

«Лик твой, облитый потом кровавым...» (Майский праздник) 200

Майская песнь («Первое мая, праздник весны...») 204

Майская песня рабочих («Наш праздник рабочий пришли мы справлять...») 203

Майский праздник («Лик твой, облитый потом кровавым...») 200

Марсельеза («Есть песнь одна, ее с любовью...») 189

Машинушка («За годами года проходили чредой...») 206

«Много песен слышал я в родной стороне...» (Дубинушка) 84

«Мой-ет миленький...» 56

«Мой привет тебе, брат по несчастью...» (К арестанту) 221

«Молодым пареньком...» (Дума кузнеца) 84

«Море в ярости стонало...» 138

«Мужики вы, мужики» 68

«Мучит, терзает головушку бедную...» 82

«Мы — братья! Мы — братья! Мы выросли оба...» 212

«Мы в посылке долго жили...» 41

«Мы встали для грозного боя...» (Пролетарская марсельеза) 239

«Мы долго молчали, насилья рабы...» 231

«Мы — кузнецы, и дух наш молод...» (Кузнецы) 241

«Мы «Марсельезы» гимн старинный...» (Пролетарская) 195

«Мы мирно стояли пред Зимним дворцом...» 131

«Мы собрались здесь толпою...» (Чермозская марсельеза) 118

«Мы с верой в рабочий народ...» (Суд) 233

«На баррикады! На баррикады!...» 227

«На донской земле привольной...» 74

«На десятой версте от столицы...» 132

«На Нижнетагильском заводе...» 116

«На Обводном-то канале...» 184

«На одной из улиц отдаленных...» 126

«На разбор нас посылают...» 48

«На Сысертском на заводе...» (Цапля) 109

«На Трофимовском угоре...» 106

«Наша жизнь коротка...» 127

Нагайка («Нагайка, ты нагайка...») 173

Нагаечка («Задумал наш Трепов...») 171

«Над Россией пронесся удар громовой...» 232

«Над трубою дым клубится...» 148

«Напротив римского собора...» 127

«Нас давят нещадно, увечат, штрафуют...» 205

«Наступило, товарищи, время!...» 240

«Наши горные работы...» 47

«Наш праздник рабочий пришли мы справлять...» (Майская песня рабочих) 203

«Наш хозяин нерадив...» 58

«Недалёко от парка, на левой руке...» 146

«Не довольно ль насильников тешить...» 216

«Не оставим начатого дела...» 224

«Не последний был красильщик...» 59

«Не ропщи-ка, Пашенька драгая...» 75

«Не стая воронов слеталась...» 134

- «Не трава в степи колыхается...» 88
 «Нестерпимо тяжка наша доля...» (Вперед) 235
 «Несчастьем, жизнью колкою...» (Чем Русь славится) 187
 «Нет, ребяташки, трудней...» 72
 «Никуда нам нет пути...» 113
 Новая песня («Отречемся от старого мира!...») 190
 «Ночью стражники ходили...» 137
- «О, се горные работы!...» 45
 О семи народных шурах («Царь наш батюшка с царицей...») 164
 «О смерти твоей услышал я в тюрьме...» (Памяти друга) 233
 Объезд министров («Коль Островский захотел...») 158
 «Однажды митинг был на заводе...» 135
 «Ой, полна тюрьма пред Думою...» 169
 «Он не брал громадных взяток...» 102
 Опричники («Опричники не умерли!.. Опричники живут...») 210
 «Опричники не умерли!.. Опричники живут...» (Опричники) 210
 «Отпустили крестьян на свободу...» 204
 «Отречемся от гнусного долга...» (Солдатская марсельеза) 216
 «Отречемся от старого мира!...» (Новая песня) 190
 «Отступая от японцев...» (Доблестному русскому воинству) 166
 «Ох, Демидов уж умен, умен, умен...» 154
- Павшим борцам за свободу («Вы долго томились под сводом тюрьмы...») 236
 Памяти друга («О смерти твоей услышал я в тюрьме...») 233
 «Первое мая — праздник весны...» (Майская песнь) 204
 «Первомайская песня» («Грянемте сомкнутым строем...») 200
 Первое мая (1903 г.) («Эй, в колонны, рать стальная!...») 202
 «Перед вами император всей Руси...» 171
 Песнь рыцарей труда («Вот послушайте, братцы...») 225
 Песня о коногоне («Вот лошадь мчится по продольной...») 76
 Песня рабочих («Весна наступила, и солнце смеется...») 238
 Побег («То не соколы сизокрылые...») 123
 «Погибшие братья, вам вечный покой...» 228
 «Под небом, багровым от дыма пожаров...» 237
 «Поднимайся, люд рабочий...» 219
 «По заводу парень шел...» 137
 «По пыльной дороге телега несется...» 86
 «По теченью невских вод...» 120
 «По фабрикам душным, по тюрьмам холодным...» 220
 «Помер бедняга Ванюха Кронштадтский...» 179
 Поминание рабочих фабрики Корзинкина («Товарищи! Надо помянуть, непременно помянуть надо...») 183
 «Помяни, господи, петрозаводских купчиков...» 157
 «Понедельник — легкий день...» 70
 Последнее прости («Замучен тяжелой неволей...») 87
 «Последний день в семье родимой...» (Рекрутская) 140
 «Последнюю рубашонку...» 97
 «Посмотрю на свою сына...» 113
 «Постой-ка, товарищ! Опомнися, брат!...» 214

- «Посылают шахтеры и свет и тепло...» 105
«Пошел мой муженек родненький...» 101
Праздник 1-го Мая («Праздник светлый и свободный...») 199
Причитание по рабочему («Чудо случилось, что диво сдвиговалося...») 101
Про архиерея Анастасия («Жил-был у нас архиерей Настасий...») 157
Про мастера Егора и его сына («Спи, мой свет Егор Егорыч...») 178
«Прогнили основы, и рушиться зданье...» 210
Пролетарская («Мы «Марсельезы» гимн старинный...») 195
Пролетарская марсельеза («Мы встали для грозного боя...») 239
«Прочь с дороги, мир отживший...» 209
«Прощай, Сысерть моя родная...» 109
«Пугая ссылкой и тюрьмой...» 231
- «Работали мы да тут день до вечера, до потух-зари...» 44
«Работал я работушку...» 111
«Радуйся, патронов не жалеющий...» (Акафист Трепову) 181
«Развернувши знамена победные...» 208
«Распроклятый наш завод...» 112
«Распроклятый Турчанин...» 111
«Рассказать, что ли, от скуки...» (Сестрорецкий оружейный завод) 183
Рекрутская («Последний день в семье родимой...») 140
Рекрутчина («Вытащил жребий недалний...») 211
«Родина милая наша в нужде...» 223
- «С наивной верою, с открытою душою...» 131
«С утра до ночи в заботе...» (Ткачи) 90
Сестрорецкий оружейный завод («Рассказать, что ли, от скуки...») 183
«Сипло гудок завывает...» 92
«Света лишенный, от мира оторванный...» 83
Сказка о попе и черте («В церкви, золотом залитой...») 155
Слава («Будь же ты проклят...») 179
«Слава богу, наш хозяин...» 57
«Славься, славься, царь Николай...» 171
«Слезами залит мир безбрежный...» (Красное знамя) 193
«Смело, товарищи, в ногу!...» 191
«Снова я к родной семье вернулся...» 141
Солдатская марсельеза («Отречемся от гнусного долга...») 216
«Солнце всходит и заходит...» 143
Сормовская песня про бенардаковский завод («Там, где Волга протекает...») 115
«Сормовски ребята ноне...» 137
«Сошлись говорить мы о праве своем...» (10 июля 1905 г.) 136
«Спи, голодная Россия...» 175
«Спи, младенец мой прекрасный...» (Колыбельная песня) 176
«Спи, мой свет Егор Егорыч...» (Про мастера Егора и его сына) 178
«Спи, рабочий, год за годом...» 175
«Спозаранку Качала-Мочала...» (Качала-Мочала) 181

- Столяр («Жизнь волною быстрой...») 143
«Стоит сахарный завод...» 65
«Стреляй, солдат...» 215
Суд («Мы с верой в рабочий народ...») 233
- «Там, где Волга протекает...» (Сормовская песня про бенардаковский завод) 115
«Тесней, друзья, смелей вперед!...» 228
Ткачи («С утра до ночи в заботе...») 90
«Товарищи! Надо помянуть, непременно помянуть надо...» (Поминание рабочих фабрики Корзинкина) 183
«То не соколы сизокрылые...» 123
«Ты ведь не раз уж встречался с законом...» 197
«Ты взойди-ка взойди...» 43
«Тяжело, братцы-ребята...» 113
- «У Корзинкина во ткацкой...» 97
«У Лафузова на фабрике...» 55
«Уж ты волюшка, да разневоля...» 65
«Уж ты зимушка-зима...» 66
«Умирая, отец завещал сыновьям...» 207
«У нас на Волге-то, направо...» 147
«Упокой и помяни, боже...» 173
«Управитель наш подлец...» 112
«Ушаков, я тебя ведь хвалил...» 182
- Фабричная камаринская («Эх, и прост же ты, рабочий человек...») 152
Фабричная колыбельная («Ах, баиньки, баиньки...») 100
«Фабричный, фабричный!...» 81
- Цапля («На Сысертском на заводе...») 109
«Царь гуляет, тризну правит...» 150
«Царь наш батюшка с царицей...» (О семи народных шкурах) 164
- Чем Русь славится («Несчастьем, жизнью колкою...») 187
Чермозская марсельеза («Мы собрались здесь толпою...») 118
«Что баклашински ребята...» 53
«Что за странная нелепость!...» 170
«Что шахтерска жизнь проклята...» 68
«Чудо случилось, что диво сдивовалось...» (Причитание по рабочему) 101
«Чуть как зоренька зарится...» 73
- «Шахтер, друже...» (Друже) 69
«Шахтер в клеточку садится...» 71
Шахтерская марсельеза («Наступило, товарищи, время!...») 240
Шинкарю Кондрашке («Кондрат, Кондрат...») 73
«Шумел, горел пожар московский...» 139
«Шумит над нами полог хвойный...» 219

- «Эй, в колонны, рать стальная!..» (Первое мая (1903 г.)) 202
- «Эй ты, зимушка-зима...» 174
- «Эту песню не сам я собою сложил...» 208
- «Эх, да постыла контрашна работа...» 61
- «Эх, и прост же ты, рабочий человек...» (Фабричная камарни-
ская) 152
- «Эх ты, Дума-Думушка...» 170
- «Эх ты, зимушка-зима...» 160
- «Эх ты, маменька родима...» 112
- «Эх, Шиповка, ты Шиповка...» 107
- «Я вечор-то, добрый молодец...» 42
- «Я в сорочке, знать, родился...» 129
- «Я хочу вам рассказать...» 92

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 32 и 33.* Сборник революционных песен. «Песни революции». СПб., 1905 (обложка).
2. *На обороте.* Рукописный сборник революционных рабочих песен и стихотворений. 1905 (титульный лист).
3. *Между стр. 48 и 49.* Восстание посессионных крестьян (рабочих) на Кыштымском заводе в 1822 г. (с картины худ. И. Овешкова).
4. *На обороте.* Листопрокатный цех (с картины худ. В. Худярова).
5. *Между стр. 128 и 129.* Морозовская стачка (с рисунка худ. Н. Касаткина).
6. *На обороте.* Рабочие читают газету «Искра» (с рисунка худ. Л. Ушакова).
7. *Между стр. 160 и 161.* Манифест Николая II (рисунок из сатирического журнала «Пулемет», 1905, № 2).
8. *На обороте.* Адмирал Дубасов принимает кровавую ванну (сатирический рисунок пятого года. Архив ИРЛИ).
9. *Между стр. 192 и 193.* Его рабочее величество пролетариат всероссийский (рисунок из сатирического журнала «Пулемет», 1905, № 2).
10. *На обороте.* Сборник революционных песен. «Песни борьбы». Пг., 1917 (обложка).

СОДЕРЖАНИЕ¹

Песни русских рабочих. *Вступительная статья А. Нутрихина* 5

ПЕСНИ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

«Ай да вы заводы...»	41	248
«Мы в посылке долго жили...»	41	248
«Я вечер-то, добрый молодец...»	42	248
«Ты взойди-ка, взойди...»	43	248
«Как на горке, на горе...»	43	249
«Работали мы да тут день до вечера, до потух-зари...»	44	249
«Благослови, сударь хозяин...»	44	249
«Ах, у нашего сударя света батюшки...»	45	249
«О, се горные работы!...»	45	249
«Наши горные работы...»	47	249
«На разбор нас посылают...»	48	249
«Вы бродяги, вы бродяги...»	49	250
«Кто на приисках не бывает...»	50	250
«Близко, близко городочка...»	51	250
«Что баклашински ребята...»	53	250
«Девки строили палаты...»	53	250
«Во леску, во леску текла речка по песку...»	54	250
«Вы леса ль мои, лесочки, леса мои темные!...»	54	250
«Как у нас-то на Томаке на реке...»	55	251
«У Лафузова на фабрике...»	55	251
«Как у Кати, да у Катерины...»	55	251
«Мой-ет миленький...»	56	251
«Слава богу, наш хозяин...»	57	251
«Как на Маре на реке...»	58	251
«Наш хозяин нерадив...»	58	251
«Не последний был красильщик...»	59	251
«Во приисках лето жили...»	60	251
«Эх, да постыла контрашна работа...»	61	251

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

ПЕСНИ 1880—1890-х ГОДОВ

«Уж ты волюшка, да разневоля...»	65 252
«Стоит сахарный завод...»	65 252
«Уж ты зимушка-зима...»	66 252
«В шестьдесят четвертом годе...»	67 252
«Что шахтерска жизнь проклята...»	68 252
«Мужики вы, мужики...»	68 252
Друже	69 252
«Понедельник — легкий день...»	70 252
«Шахтер в клеточку садится...»	71 253
«Как на свете живется...»	71 253
«Загудел гудок на пять...»	71 253
«Нет, ребяташки, трудней...»	72 253
Шинкарю Кондрашке	73 253
«Чуть как зоренька зарится...»	73 253
«На донской земле привольной...»	74 253
«Не ропщи-ка, Пашенька драгая...»	75 253
Песня о коногоне	76 254
«Встань, проклятая машина...»	77 254
«Как рабочи Голубкова...»	77 254
«Как доверенный за нами...»	78 254
«Время — тяжелый период...»	80 254
«Во деревне-то я сподрился...»	80 254
«Измученный, истерзанный...»	80 254
«Жизнь наша нелегкая...»	81 255
«Фабричный, фабричный!...»	81 255
«Мучит, терзает головушку бедную...»	82 255
«Света лишенный, от мира оторванный...»	83 256
Железная дорога	83 256
Дума кузнеца	84 256
Дубинушка	84 256
Камаринская	86 256
«По пыльной дороге телега несется...»	86 256
«Вы жертвою пали в борьбе роковой...»	87 256
Последнее прости	87 257
«Не трава в степи колышется...»	88 257
Ткачи	90 257
«Я хочу вам рассказать...»	92 258
«Сипло гудок завывает...»	92 258

ПЕСНИ 1890-х — 1917 ГОДОВ

I

«Последнюю рубашонку...»	97 259
«У Корзинкина во ткацкой...»	97 259
«Кто на Охте не живал...»	98 259
К работницам Карточной фабрики	98 259
Фабричная колыбельная	100 259
Причитание по рабочему	101 259
«Пошел мой муженек родненький...»	101 259

«Он не брал громадных взяток...»	102 260
В вальцовке	102 260
«Вот что-то сердце заболело...»	103 260
«Посылают шахтеры и свет и тепло...»	105 260
«В шахте молотки стучат...»	105 260
«Бывали дни несветные...»	106 260
«На Трофимовском угоре...»	106 260
«Эх, Шиповка, ты Шиповка...»	107 261
«Прощай, Сысерть моя родная...»	109 261
Цапля	109 261
«В малахитной он робил...»	111 261
«Работал я работушку...»	111 261
«Распроклятый Турчанин...»	111 261
«Распроклятый наш завод...»	112 261
«Грудь расшиб себе два раза...»	112 261
«Управитель наш подлец...»	112 261
«Эх ты, маменька родима...»	112 261
«Заперты мы на заводе...»	113 261
«Никуда нам нет пути...»	113 261
«Посмотрю на своо сына...»	113 261
«Тяжело, братцы-ребята...»	113 261
«Белорецкий завод славный...»	113 261
«Затряслась земля сырая...»	114 261
«Инженеру <имярек> паром рыло обварило...»	114 261
«Как вечернею порою...»	114 261
«Как на Сормовском заводе...»	115 262
Сормовская песня про бенардаковский завод	115 262
«На Нижнетагильском заводе...»	116 262
Чермозская марсельеза	118 262
«По теченью невских вод...»	119 262
«Как четвертого числа...»	120 262
«Как четвертого апреля...»	122 262
Побег	123 263
«Вот гудок прогудел на заводе...»	124 263
«Ах, зачем ты, ямщик, перестал песню петь...»	125 263
«На одной из улиц отдаленных...»	126 263
«Напротив римского собора...»	127 263
«Наша жизнь коротка...»	127 263
«Да скуем мы, братцы...»	128 263
«Я в сорочке, знать, родился...»	129 264
«Братцы, гонят нас далеко...»	130 264
«Мы мирно стояли пред Зимним дворцом...»	131 264
«С наивной верою, с открытою душою...»	131 264
«В день девятый января...»	132 264
«На десятой версте от столицы...»	132 264
«Не стая воронов слеталась...»	134 264
«В Ярославле в пятом годе...»	135 264
«Однажды митинг был на заводе...»	135 265
«В город Николаев, на французский завод...»	136 265
10 июля 1905 года	136 265
«По заводу парень шел...»	137 265
«Сормовски робята ноне...»	137 265

«Ночью стражники ходили...»	137 265
«Захотела царска власть...»	137 265
«Море в ярости стонало...»	137 265
«Грохочет Балтийское море...»	138 265
«Шумел, горел пожар московский...»	139 265
«Как на станцию Голутвин...»	140 266
Рекрутская	140 266
«Снова я к родной семье вернулся...»	141 266
«Вот молот шахтера стучит под землей...»	142 266
Столяр	143 266
«Солнце всходит и заходит...»	143 266
Александровский централ	145 267
«Недалёко от парка, на левой руке...»	146 267
«У нас на Волге-то, направо...»	147 267
«Над трубою дым клубится...»	148 267
«Во заводе парень жил...»	148 268
«Как на фабрике у Чешера...»	149 268
«Царь гуляет, тризну правит...»	150 268
«Из разных сторон Петрограда...»	151 268

II

Фабричная камаринская	152 268
«Ох, Демидов уж умен, умен, умен...»	154 268
Сказка о попе и черте	155 269
Про архиерея Анастасия	157 269
Помяни, господи, петрозаводских купчиков	157 269
Объезд министров	158 269
«Боже, царя храни!...»	159 270
«Эх ты, зимушка-зима...»	160 270
«Витте край наш поднимал...»	161 270
«Дело было под Артуром...»	163 270
О семи народных шуках	164 271
«Говорили царю...»	165 271
Доблестному русскому воинству	166 271
«Всероссийский император...»	166 271
«Во славном Питере на троне...»	167 272
«Государь наш Николай...»	168 272
«Когда по улице идешь...»	169 272
«Ой, полна тюрьма пред Думою...»	169 272
«Эх ты, Дума-Думушка...»	170 272
«Что за странная нелепость!...»	170 272
«Перед вами император всей Руси...»	171 272
«Славься, славься, царь Николай...»	171 272
Нагаечка	171 273
«Когда настанет народный суд...»	172 273
Нагайка	173 273
«Эй ты, зимушка-зима...»	174 273
«Упокой и помяни, боже...»	175 274
«Спи, голодная Россия...»	175 274
«Спи, рабочий, год за годом...»	175 274
Колыбельная песня	176 274

Про мастера Егора и его сына	178 274
«Как у нас на троне...»	178 275
Слава	179 275
«Всюду слухи...»	179 275
«Помер бедняга Ванюха Кронштадтский...»	179 275
«Губернатор Богданович...»	180 275
Акафист Трепову	181 275
Качала-Мочала	181 275
«Ушаков, я тебя ведь хвалил...»	182 275
Поминание рабочих фабрики Корзинкина	183 276
Сестрорецкий оружейный завод	183 276
«На Обводном-то канале...»	184 276
Чем Русь славится	187 276

III

Марсельеза	189 276
Новая песня	190 276
«Смело, товарищи, в ногу!...»	191 277
Варшавянка	192 277
Красное знамя («Слезами залит мир безбрежный...»)	193 277
Беснуйтесь, тираны	194 277
Пролетарская	195 277
Интернационал	196 278
«Ты ведь не раз уж встречался с законом...»	197 278
«Кто под землей и на земле...»	197 278
Праздник 1-го Мая («Праздник светлый и свободный...»)	199 278
Майский праздник («Лик твой, облитый потом крова- вым...»)	200 278
Первомайская песня («Грянемте сомкнутом строем...»)	200 278
Первое мая (1903 г.) («Эй, в колонны, рать стальная!...»)	202 278
Майская песня рабочих («Наш праздник рабочий пришли мы справлять...»)	203 278
Майская песнь («Первое мая — праздник весны...»)	204 279
«Отпустили крестьян на свободу...»	204 279
«Нас давят нещадно, увечат, штрафуют...»	205 279
Машинушка	206 279
«Умирая, отец завещал сыновьям...»	207 279
«Эту песню не сам я собою сложил...»	208 279
«Развернувши знамена победные...»	208 279
«Прочь с дороги, мир отживший...»	209 279
Опричники	210 279
«Прогнили основы, и рушиться зданье...»	210 279
Рекрутчина	211 280
«Мы — братья! Мы — братья! Мы выросли оба...»	212 280
«Братцы! Дружно песню грянем...»	213 280
«Постой-ка, товарищ! Опомнися, брат!...»	214 280
«Стреляй, солдат...»	215 281
«Не довольно ль насильников тешить...»	216 281
Солдатская марсельеза	216 281
«Время не терпит, дружнее за работу!...»	218 281
«Шумит над нами полог хвойный...»	219 281

«Поднимайся, люд рабочий...»	219 281
«По фабрикам душным, по тюрьмам холодным...»	220 281
К арестанту	221 281
«Вперед! За родину, друзья...»	222 282
«Родина милая наша в нужде...»	223 282
«Не оставим начатого дела...»	224 282
Песнь рыцарей труда	225 282
«Друзья! Довольно слез и стонов...»	226 282
«На баррикады! На баррикады!..»	227 282
«Погибшие братья, вам вечный покой...»	228 282
«Тесней, друзья, смелей вперед!..»	228 282
Красное знамя («Красное знамя, заветное знамя...»)	229 282
Баррикады	229 282
«Знамя красное уж вьется...»	230 282
«Мы долго молчали, насилья рабы...»	231 282
«Пугая ссылкой и тюрьмой...»	231 282
«Над Россией пронесся удар громовой...»	232 282
«Вперед, вперед, вперед, друзья!..»	233 283
Суд	233 283
Памяти друга	233 283
«Взвивайся гордо, наше знамя...»	234 283
Вперед	235 283
«Владыки стран, чей властный жребий...»	235 283
Павшим борцам за свободу	236 283
«Под небом, багровым от дыма пожаров...»	237 283
Боевые огни	237 283
Песня рабочих	238 283
Пролетарская марсельеза	239 283
Шахтерская марсельеза	240 283
Кузнецы	241 283
«Воля свершилась народная...»	242 283
Примечания	243
Алфавитный указатель	284
К иллюстрациям	292

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор),
В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, В. М. Жирмунский,
В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

ПЕСНИ РУССКИХ РАБОЧИХ

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *Э. Е. Миронова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Э. С. Урицкая*

Сдано в набор 17/VII 1962 г. Подписано
в печать 10/X 1962 г. Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32}$.
Печ. л. $9 \frac{11}{16}$ (15,89). Уч.-изд. л. 15,42.
Тираж 16 000. Зак. № 1271.
Цена 65 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ И ПОГРЕШНОСТИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
13	12 сн.	Е. Қасаткина	Н. Қасаткина
72	12 св.	А рубашка	А рубашки
109	14 сн.	тат	тут
113	9 сн.	За то	Зато
177	2 св.	В сделках, с со- вестью позорных,	В сделках с совестью позорных
255	1—2 св.	изучения фабрично- заводских рабочих	изучения фольклора фабрично-завод- ских рабочих
268	2 св.	сталепроковочного	сталепрокатного
274	7 сн.	Бай-кот	Бой-кот

Песни русских рабочих

